

Война от первого лица

Учредитель:
ООО «Артофвар»

Главный редактор:
Илья Плеханов

Редакционная коллегия:
Илья Плеханов
Аркадий Бабченко

Директор по распространению
Анна Кунарева

Дизайн и верстка:
Татьяна Шверина-Кашина

Корректор:
Анна Кунарева

Адрес для корреспонденции:
115573, г.Москва,
а/я 65, Плеханову И.С.

Контакты:
http://artofwar.ru/a/almanah/
Email: almanax-war@mail.ru
Тел.: 8-903-524-16-19

Свидетельство о регистрации:
ПИ № ФС77-26362
От 30 ноября 2006 г.

Отпечатано в типографии:
ООО «ИПК Отис-Медиа»,
г.Москва, 5-я Кабельная ул., дом 2Б
тел.: 507-50-64

Подписано в печать:
21.08.2007

В Москве журнал можно приобрести:

Магазин «Фаланстер».
Малый Гнездниковский переулок,
д. 12/27, стр. 3.
Тел. 629-88-21, 504-47-95
falanster@mail.ru

Магазин «Книжный Торговый
Дом Москва».
Тверская ул., д. 8

Магазин «Новой Газеты».
Страстной бульвар, д. 4

Альманах можно заказать по почте:
almanax-war@mail.ru

Перепечатка или воспроизведение
в любом другом виде целиком или
по частям материалов из альманаха
«Art of War» без ссылки на альманах
или сайт запрещается.

О т р е д а к ц и и

ОТ РЕДАКЦИИ

Все войны похожи. Других войн не бывает, бывает только другое время и другое место. Меняется тактика, совершенствуются оружие и способы уничтожения людей, но суть войны всегда остается одной и той же. Всегда будут существовать две правды, необъективность и несправедливость. Всегда будет грязь. Предательство. Убийство.

Точно так же, как всегда будут существовать подвиг, братство, самопожертвование и величие духа.

Солдаты любой войны тоже всегда одинаковы. Независимо от справедливости или несправедливости войны. Между ними нет никакой разницы, какие бы время и пространство их не разделяли. Смерть всегда остается смертью, жизнь всегда остается жизнью, а смелость — смелостью. Человеку воевавшему всегда будет проще найти общий язык со своим бывшим врагом, чем со своим соседом, войну не прошедшим. Так всегда было и так всегда будет.

Наше время — не исключение. Наверное, в нашей новейшей истории не было и дня, чтобы где-то на планете не шла война. Локальная, гражданская, справедливая или несправедливая, широко известная, малоизвестная или неизвестная совсем. Сейчас уже почти никто не помнит, что в Анголе были настоящие битвы — дивизия на дивизию, как во время Второй мировой. Мало кто помнит, что в Руанде погибло больше миллиона человек. А ведь это тоже кусочки нашей общей истории.

Мы назвали этот номер «Вне зоны видимости», потому что расскажем в нем о войнах, которые малоизвестны в нашей стране. Они не коснулись нас совсем или коснулись лишь отчасти. Ливан, Афганистан, Ирак, Ангола, Вьетнам...

Государства играют в свои игры и могут что угодно говорить о необходимости, превентивности и защите своих интересов. Но расхлебывать кашу всегда приходится солдату.

Что думали люди, воевавшие на этих войнах? Во что они верили? За что сражались, за что погибали и за что убивали? Так ли уж они не правы? Или так ли уж правы?

Мы не будем давать ответов. Мы лишь поставим вопросы.

Наш журнал тоже существует вне политики. Мы не будем касаться её, разбирать кто прав, а кто не прав, не будем давать оценок и судить со своей колокольни. Мы лишь предоставим читателю возможность посмотреть на эти малоизвестные события глазами тех, кто прошел их непосредственно. С обеих сторон.

Давайте попробуем сопоставить.

И давайте попробуем разделить.

Разделить войны и солдат этих войн. Войны могут быть сколь угодно грязными, но солдат всегда остается просто солдатом. Он — вне политики.

Прочитайте эти рассказы и вы поймете — других войн и впрямь не бывает. Афганский синдром протекает одинаково по обе стороны океана.

Читайте.

В этом номере Альманаха опубликованы переводы рассказов из уникального американского сборника:

«Только что Национальный фонд искусств помог издать книгу «Operation Homecoming» (дословно — «Операция «Возвращение»). Это сборник историй, написанных солдатами и их семьями. Мы собрали группу известных писателей, создавших книги, которые стали бестселлерами. В их числе, например, Марк Боуден, написавший «Падение «Черного Ястреба», Том Клэнси — «Охота за «Красным Октябрем», Джеймс Бредли — «Флаги наших отцов». Этих писателей мы отвезли в пять стран, где есть американские военные базы. И там они читали мастер-классы по писательскому мастерству солдатам, которые только что вернулись из Фелуджи — бои за этот город были самыми кровопролитными. В итоге у нас оказалось 1200 работ от 6000 солдат и их семей, на основе которых «Рандом Хаус» и выпустил эту книгу. Уникальность этой книги состоит в том, что она написана не по следам какой-то войны, а на самой войне. Это не воспоминания, а практически описания сегодняшних дней. Поэтому, до нас такого еще никто не делал. Во всяком случае, в США это точно первый опыт. Наша книга очень похожа на Ваш проект и на Ваш Альманах. И наши страны очень похожи. Обе большие. Америка с одной стороны планеты, Россия — с другой. Европа — между ними. И мне кажется, что у России похожая судьба, в её более трагическом варианте».

Специально для Альманаха «Искусство Войны»
Дэна Джойи
Председатель «Национального Фонда Искусств» (США)

3(4) август 2007

— Война от первого лица

Альманах

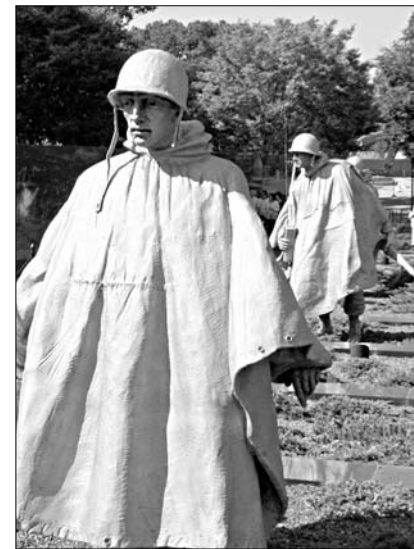
I

Содержание

От редакции	1
ИРАК	
Пол А. Стиглиц	
«Кое-кому достанется»	4
Перевод Анатолия Филиппенко	
Сангьюм Хан	
«Отава»	9
Перевод Екатерины Туревич	
Ричард Ачеведо	
«Изгой»	13
Перевод Анатолия Филиппенко	
Джон МакКэри	
«Мы умираем»	16
Перевод Нины Меньших	
ИНТЕРВЬЮ	
Михаил	
«Русские в Ираке»	18
Беседовал Аркадий Бабченко	
АФГАНИСТАН	
Майкл С. Дафтарян	
«Дружественный огонь»	21
Перевод Анатолия Филиппенко	
Роберт А. Линдблом	
«День Дракона»	24
Перевод Анатолия Филиппенко	
Бранко Влахович	
«Амебы и «мир» в Кабуле»	29
Перевод Ильи Плеханова	
Андрей Грешинов	
«Кабул сегодня»	32
ЛИВАН	
Владислав Шурыгин	
«Война в Ливане»	36
Егор Лосев	
«Вчера была война»	43

Содержание

ИНТЕРВЬЮ	
Юрий Перфильев	
«Мы выполняли служебный долг»	49
Беседовал Илья Плеханов	
ВЬЕТНАМ	
Александр Яковлев	
«Солдаты далеких джунглей»	53
АНГОЛА	
Сергей Кононов	
«Ангольский дневник»	56
ИСТОРИЯ ОДНОЙ ФОТОГРАФИИ	
Анатолий Шклярченко	
«Это то, что осталось в памяти»	60
ПАМЯТНИКИ	
Аркадий Бабченко	
Памятник павшим в Корее, Вашингтон-молл, США	61
ПОЭЗИЯ	
Брайен Тэрнер	
«Ашбах (Призраки)»	62
Ми Суонг	
«Разговор с Ним»	62
Игорь Некрасов	
«Есть первый бой»	62
Илья Плеханов	
«Две тысячи Anno Domini»	63
МОСКВА-400	
Письма в редакцию	64
ФИЛЬМЫ О НАС	
Владимир Агафонов	
«И здесь кончатся искусство»	65
ВНЕ РУБРИК	
Андрей Грешинов	
«Институт стран Азии и Африки на Афганской войне 1979-1992 гг.» (Часть 2)	67

Ирак

Пол А. Стиглиц

КОЕ-КОМУ ДОСТАНЕТСЯ

Перевод Анатолия Филиппенко

Одновременно с 3-й пехотной дивизией США, продвигавшейся по пустыне на север к Багдаду, 1-я дивизия морской пехоты наступала на столицу Ирака через Эн-Насирию. К огорчению многих морпехов, они встречали минимум сопротивления, оставляя за собою один город за другим. Первый лейтенант Пол А. Стиглиц (28 лет) занимал должность офицера наземной разведки в 1-м батальоне 4-го полка морской пехоты и командовал взводом снайперов-разведчиков этого батальона. Его рассказ, пусть и представляющий собой литературное произведение, во многом основан на личных впечатлениях Стиглица, полученных во время стремительного продвижения по Ираку, когда и он сам, и все военнослужащие его взвода страстно желали побывать в настоящем бою.

Я встаю на ноги и осматриваю местность в бинокль. Странно-то как — нет никого. Док Кью отвечает за местность по ту сторону дороги. Я подтягиваю к себе снайперскую винтовку М40 и вставляю ее в петлю из парашютного шнура, закрепленную на раме «Хамви». Я весь околочен — холодно, да и в машине сижу уж очень долго. Те, что подогнали, запарались «Ripped Fuel» или другими разрешенными стимуляторами, и делятся ими с другими будто конфетами.

— Кин, сходи к лейтенантской машине, погляди, как там и что, — с веселой планерки приходит Азуэла.

Мы глядим друг на друга.

— Как дела, Азуэла?

— Не, а где война-то? — отвечает он.

Хороший вопрос. А как все началось! Надежды, адреналин. Разведка сообщала, что сначала никакого сопротивления не будет, пока не продвинемся на север — ну, хоть так-то. Трудно было не завестись, когда мы двинулись-таки в Ирак. В Кувейте проторчали целый месяц, до этого полтора месяца болтались в море. А с женой своей Карен я вообще попрощался еще три месяца назад. А еще раньше мы занимались боевой подготовкой, ожидая отправки в Ирак, судя по тому, что президент говорил в новостях месяцев пять-шесть подряд. Вот это я пони-

маю — подготовка к военным действиям. А эти чертоты иракцы даже не удосужились организовать нам достойную встречу на границе. После двух дней езды возбуждение постепенно сменилось тяжким разочарованием. Большинство наших ребят приехали сюда лишь за тем, чтоб кого-нибудь поубивать, но, судя по всему, хоть и забрались мы уже далеко, а ленты за участие в боевых действиях так и не дождемся.

Сержант Азуэла роется в своих пожитках, откапывает там пачку сигарет. Вытягивает из нее две сигареты, одну предлагает мне. Я молча ее беру, он закуривает сам и дает прикурить мне. Я до Кувейта вообще не курил. Но с сигаретой какое-никакое, а занятие. Большинство пехотинцев — обычные ребята, вот только работенка у них страшно тяжелая. А когда работаешь с таким психом как Азуэла, становится еще веселее.

Этот человек — настоящий американский герой. Его родители, иммигранты из Пуэрто-Рико, перебрались в Америку и обосновались в Бруклине, когда ему было пять лет от роду. Боже упаси назвать его пуэрториканцем, мексиканцем или латиноамериканцем. Как он сам выражается, он американец, и точка! Я ни разу не слышал, чтобы он говорил по-испански. В морской пехоте он начал с повара и дослужился до сержанта. И вот, после 11 сентября, он решил отомстить уродам, и избрал для этого единственный известный ему путь — перевелся в пехоту. И думает он сейчас лишь о том, как будет воевать и убивать. Он просто живет морской пехотой. У него есть жена, но никто из моих знакомых ни разу ее не видел. В свободное от службы время он изучил несколько стилей восточных единоборств, потеряв в тренировочном бою один из передних зубов. Вставить искусственный он так и не удосужился. Он вечно демонстрирует свои приемчики на других, типа «учит».

Например, как бесшумно убить человека, выпустив ему наружу кишки коротким самурайским мечом, пару которых он носит за голенищами.

— Две минуты! — кричит младший капрал Левик. Наконец-то, скоро в путь-дорогу.

Младший капрал Кин бегом возвращается к машине, вручает свою М16 Доку и залезает в кузов.

— Что нового? Лейтенант, чего-нибудь доброго узнал? — спрашиваю я.

— Морпехи из пятого полка дерутся на нефтяном месторождении и, судя по всему, уже несут потери.

— Убитые есть? — спрашивает Док.

— Ага. Не знаю только, сколько.

— Отлично. Может, и нам достанется, — с улыбкой говорит Азуэла.

Мы устраиваемся поудобнее на своих пожитках, собранных в кучу. Колонна снова трогается в путь.

Я просыпаюсь. Темень. Колонна остановилась, и мы часов пять уже сидим на одном месте. А днем было весело — какая-то машина выбралась на насыпь метрах в 1800 к востоку. Стоило ей появиться, как на нее были наведено все оружие, что есть в батальоне. Рации заливались вовсю. Можно было подумать, что с фланга на нас надвигается Императорская Гвардия из «Звездных войн». Оказалось, что там обычный человек ехал на обычной машине. Население страны со-

ставляет миллионов сорок, так? И люди время от времени ездят на машинах, так? И у любого уroda может возникнуть нужда в том, чтоб чуток развеяться.

Моя очередь караулить, я забираю у Дока очки ночного видения и приступаю к осмотру местности. Роты выставили морпехов в охранение, их группы стоят повсюду на удалении 500 метров от основных сил. Сидя на капоте, я гляжу вдаль, не задерживаясь на них взглядом. Часа через полтора к нашей машине подходит капитан Мадригал. Он командует ротой штабной и обслуживания, в которую в пехотном батальоне согнали почти всех, кто не участвует в боях как таковых. Он шлепает ладонью по капоту и орет: «Вот что, господа, мы очень скоро выдвигаемся. Пойдем прямо по городу, а у них там серьезные бои! Будьте начеку и будьте живы и здоровы!» — и уходит к следующей машине, где произносит те же слова. Сволочь он, псих и недоумок.

Всех водителей вызывают по рации на предмаршевый инструктаж, сержант Азуэла и рядовой первого класса Клейбак уходят. Приказываю своим почистить и проверить оружие, подготовить снаряжение. У каждого из нас винтовка М16 и пистолет. У меня, кроме того, снайперская винтовка М40 с ночным прицелом и страшная на вид снайперская винтовка М82 «Барретт» калибра 12,7 мм, которых во взводе всего две штуки. Плюс патроны, рации (носимая и ранцевая), ручные гранаты, противопехотные мины «Клеймор», гранаты для гранатомета, продукты и прочая ерунда.

— Как дела? — интересуется наш лейтенант, бесшумно подойдя в темноте.

— Хорошо, сэр, — отвечает Левик.

— Оружие чистим? Хорошо. Вижу, в микроменеджменте вы не нуждаетесь.

Он с улыбкой глядит на меня, а я безразлично смотрю на него. Парень-то он нормальный, но умеет, гад, нести такую чушь, которая меня просто бесит. У меня вообще сложилось впечатление, что офицеров учат в первую очередь тому, как стать непробиваемыми роботами-командирами, чтобы солдаты спокойно воспринимали их бредни. Но с ним, наверное, промашка вышла, не получилось.

— В общем, план действий вы все знаете, так? — говорит лейтенант. — Действуйте по обстановке, надо уметь приспособливаться к любым условиям.

— Есть, сэр, — отвечаю я, мысленно закатывая глаза. Злиться-то я на него злюсь, но что хорошо в нашем лейтенанте, так это то, что он понимает, насколько ценен командир снайперской группы, и пусть он всегда говорит фразами из морпеховского наставления по руководству подчиненными, он всегда подчерки-

вает, что надо проявлять инициативу и здраво оценивать обстановку. Такой по мелочам дергать не станет. Да пусть только попробует! Я его лет на девять старше, знаю, чем ответить.

Кстати, я вовсе не сержант-раздолбай, засидевшийся в капралах. Когда срок моего первого контракта истек, я ушел из Корпуса. Тогда, в 1997 году, там скучно было. Вот я и пошел учиться на фельдшера, до 2001 года в «скорой помощи» и работал.

Через два дня после 11 сентября я пришел на вербовочный пункт и спросил, можно ли вернуться на службу, с учетом перерыва. Я, как и все, был просто вне себя после этих терактов. Раньше времени я даже Карен ничего не говорил. Меня приняли обратно с понижением в звании до капрала, и 12 ноября я снова поступил на военную службу.

Меня постоянно спрашивают, почему я вернулся. Сколько себя помню, меня всегда тянуло к сражениям, к войне. Я и решил — почему бы мне эти желания не реализовать, и так, чтобы всем от этого было хорошо? И я пошел в морскую пехоту. Когда я попал в свой первый батальон, я сразу же почувствовал себя там как дома. А после 11 сентября я вернулся на службу, потому что понял, что грядет большая заваруха, и в самых тяжелых боях будут участвовать в основном морпехи, как это всегда бывало. И чтоб я такое пропустил? — Да ни хрена!

Лейтенант уходит к своей машине, а я разбираю возможные варианты развития событий со своей группой. Мы отрабатываем наши действия, если наткнемся на засаду, еще раз проговариваем порядок зачистки помещений и входа в здание — мне надо быть уверенным в том, что все понимают, что и как делать. Какое-то время мы с наблюдателем и радистом, младшим капралом Кином, обсуждаем порядок обмена информацией между снайпером и наблюдателем. В моей группе четыре человека: я сам, Кин, Левик и Док. Как командир группы и единственный в ней человек, прошедший обучение на снайпера, я буду стрелять из М40. Младший капрал Левик — помощник командира группы, он вооружен новой винтовкой М16 А4, оснащенной более тяжелым стволом и рассчитанной на точную стрельбу до восьмисот метров. К винтовке прилагаются хороший оптический прицел и прибор ночного видения, поэтому Левик может действовать и без меня, как отдельный снайпер. Док — санитар

Кое-кому достанется

нашей группы, заодно и радист. Отличные ребята. У всех есть кое-какой опыт, а в наш взвод они были отобраны за зрелость и сообразительность. В снайперской группе каждый человек должен уметь делать все. Тут я не могу нянчиться с ними, как в пехотных ротах. Они должны уметь действовать без указаний, а в ротах среди младших капралов такое встречается не часто.

Сержант Азуэла сообщает, что объявлена пятиминутная готовность, и мы все садимся в машину. Мы с Кином — у правого борта, Левик с Доком — у левого, глядим каждый в свою сторону. По всей колонне морпехи бегут к машинам. Клейбак сидит впереди, на пассажирском сиденье, и прослушивает волну батальона. Если что-нибудь произойдет, Азуэла с Клейбаком останутся в машине. Если, конечно, мы не наткнемся на засаду — в этом случае мы или рванемся вперед и оставим ее позади, или все выйдут из машины и примут бой.

Все машины заводятся одновременно, чтобы по звуку нельзя было определить их количество. Трогаемся с места. Видно и слышно, как орудия стреляют по городу. Стрельба идет без перерыва, словно попкорн трещит. Через полчаса езды с черепашьей скоростью мы проезжаем мимо орудий, там, наверное, целый дивизион. Они расставлены в одну линию перпендикулярно дороге, по обе стороны. При каждом выстреле грохот отдается в животе.

— Ух, ты, зацени! — кричит через плечо Азуэла. — Прямо по курсу.

Впереди виднеется Евфрат, по которому проходит южная граница Ирака. Нам предстоит проехать по мосту, справа от которого стоит горящий танк, светящийся на фоне ночного неба.

— Чудесно!

— А танк ведь настоящий, да?

— И тебе досталось!

Колонна на минуту останавливается, и мы глядим на горящий танк с южного подъезда к мосту.

Через несколько минут я спрашиваю Азуэлу, куда подевалась колонна. Я гляжу

Ирак

вперед и ничего не вижу — там только мост и черная темень за ним. Глядя на огонь, Азуэла вывел из строя очки и не заметил, как тронулась колонна. Азуэла жмет на газ, разгоняется где-то до 40 миль в час [65 км/ч], и после стольких часов езды со скоростью 15 миль в час [25 км/ч] кажется, что скорость у нас под сотню. Ствол М16 Левика торчит над бортом, и он снова начинает вглядываться в темноту. Я знаю, что мои ребята сейчас просто бога молят о том, чтобы он дал им побывать в бою.

Вдоль улиц тянутся невысокие дома, по два-три этажа максимум. Типичные строения третьего мира. Тропическая растительность резко отличается от тех пустынных пейзажей, что окружали нас по пути сюда. В промежутках между домами растут пальмы и густые неухоженные кусты.

Мы доезжаем до другого моста, и Азуэла немного сбрасывает скорость. На мосту стоит выгоревший каркас «Амтрака» — это наш. Впереди над дорогой с обеих сторон пролетают трассирующие пули. В небе вспыхивает осветительный снаряд. Мы едем прямо к месту боя.

Левик сообщает, что колонна впереди, ждут, пока не стихнет бой.

— Кому там достается? — задаю вопрос. Рота «Чарли» идет первой, но вовсе не обязательно бой сейчас ведут именно они.

— «Браво», — отвечает Левик. Понятно. Они шли вторыми, за ними — «Альфа», и, по моим прикидкам, рота «Браво» попала в засаду или подверглась нападению после того, как рота «Чарли» прошла тот участок. Доносится треск очередей, в него влетается громыхание гранатометов AT4 и SMAW, которыми, наверное, дырявят стены, проделывая в них проходы.

Оглядываю свою группу. Они терпеливо ждут, выглядывая наружу над бортами «Хамви», осматривают местность через очки ночного видения.

— Дай наушники, — говорю я Левiku, — и переключись на полковую разведку.

— «Десперадо-6», я «Десперадо-1», — вызывает командира нашего взвода.

— «Десперадо-1», я «Десперадо-6», — отвечает командир.

— «Диско», — передаю я условный

сигнал перехода на разведволну нашего батальона.

— Вас понял.

Левик переключается на другую частоту. Жду ответа командира взвода.

— «Десперадо-1», прием.

— Вас понял. Нам надо поучаствовать в том бою, вижу отсюда хорошее здание, с него можно прикрыть огнем. Прошу разрешить.

— Вас понял. Определитесь с координатами, я попрошу разрешения у «Пейлхорс-3».

Наврал я все про здание. Ни хрена мне не видно — мы слишком далеко отсюда, но я расследываю, что лейтенант настолько занят возней с рацией, что и не смотрит на бой, идущий впереди. Я просто уверен, что мы там что-нибудь да обнаружим. В общем, будем ждать разрешения от «Пейлхорс-3» — начальника оперативного отдела, который руководит всеми передвижениями подразделений батальона или хотя бы их отслеживает. Все мои оборачиваются ко мне и широко улыбаются, только Док слегка покусывает губы, раздувая ноздри.

Лейтенант снова выходит на связь, передает разрешение:

— Вы только, как будете выдвигаться, держитесь к западу от дороги. Там с восточной стороны гадов много. Ту засаду они подготовили весьма хорошо.

— Вас понял, я, «Десперадо-1», связь кончаю.

Приказываю сержанту Азуэле подогнать машину к голове колонны, где мы высаживаемся, чтобы направиться к месту боя пешком, а идти туда метров пятьсот. Левик передает доклад по радио, мы выходим за линию охраны колонны и рассыпаемся в дозорном порядке к западу от дороги.

Там стоят несколько одноэтажных зданий, и мы прячемся за ними, уходя вперед и оставаясь на некотором удалении от дороги. Кин идет в голове, за ним иду я, за мною — Левик, и Док идет замыкающим. Мы идем не так, как обычно передвигаются снайперы, то есть крадучись, стараясь оставаться незамеченными — ситуация не та. Нам нужно добраться до места как можно быстрее, и мне вовсе не хочется, чтобы восемнадцатилетние пацаны из роты «Браво», что стоят в охранении, решили, что мы вознамерились просочиться через их посты.

Мы передвигаемся почти бегом, по мере возможности прикрываясь зданиями и растительностью. Делать это просто, потому что все кругом заросло. Но передвигаться в химзащитных костюмах очень и очень трудно. Это все равно, что надеть пижаму огромного размера поверх костюма-тройки и пытаться сохранять изящество, танцуя танго.

Мы заходим за угол дома.

— Стой! — кричит нам куст. — У меня на столе лежит книга, — называет он пароль, в котором должно быть слово «стол».

Отзыв — «официант».

— Твоя мать трахалась с официантом, — отвечает Кин.

Мы по-прежнему идем параллельно дороге, держась от нее на удалении порядка ста метров. Доходим до самого большого из замеченных нами зданий. Здание трехэтажное. Рядом с дорогой, справа от нас, видны «Амтраки» роты «Браво» и множество морпехов, распростертых на земле. Некоторые окопались неплохо, но большинство просто лежат цепью у дороги. На мой взгляд, лежат они слишком кучно, но кто я такой им указывать? Им виднее.

Я выхожу на связь на частоте роты «Браво» и спрашиваю, нет ли кого-нибудь в здании, в которое мы хотим войти. Командир роты отвечает, что никого там нет, и я прошу разрешить мне в него войти и занять позицию на крыше.

— Располагайтесь как дома, — отвечает он как дурак, каковым и является.

Вызвать бы огонь на подавление по зданию — вдруг там кто-нибудь сидит? — но пока координаты определишь, то да се, да и со скрытностью можно будет распрощаться, когда отделение пулеметчиков разнесет тут все ко всем чертям. Зайдем туда все сразу, группой, как на занятиях, что проводили до прибытия сюда.

Мне как-то беспокойно, и я решаю подойти к зданию и проверить его через окно. Там нет ни огонька, как и во всех зданиях города — электричества нет. Мы заглядываем в окно — обычная комната, со столами и шкапами. Заходим со двора — то же самое. Ну, и черт с ним, произношу я про себя, мне уже не терпится туда войти.

Я подаю группе условный сигнал — входим в здание через окно. Док становится на четвереньки, Кин забирается ему на спину и несколько секунд глядит в окно. Мы с Левиком на чеку, озираемся по сторонам. Условным сигналом приказываю ему заходить, и Кин разбивает окно прикладом. Очищает раму от осколков стекла и вваливается вовнутрь. Вслед за ним лезаю я, затем Ландерс. Кин стоит на одном колене, направив ствол винтовки на дверь. Мы с Левиком высываемся из окна и втягиваем в помещение Дока.

Оказавшись в здании, мы с минуту прислушиваемся. Тихо. Пахнет плесенью и пылью. Мы снова занимаем боевой порядок. Видно, что все напряжены — движения стали четче, быстрее, что ли — на занятиях так бывает не всегда. Мы оста-

навливаемся у двери, и я бью коленом Кину по ноге, это знак открывать дверь. Мы влетаем в соседнюю комнату, каждый держит под прицелом свой угол, как на бесчисленных тренировках. На какую-то секунду меня охватывает теплое чувство гордости, но я тут же сосредотачиваюсь на наших действиях. Вот вернемся все назад — тогда и будем гордиться.

Таким же образом мы осматриваем еще две комнаты и выходим на лестничную площадку. Поднимаемся по лестнице на второй этаж, затем на третий. Теперь надо отыскать выход на крышу. Обходим все комнаты в поисках люка или (что было бы лучше) лестницы, но ничего не обнаруживаем. Вообще-то, лестница может быть снаружи, и на нее можно было бы вылезти через окно, но я решаю не тратить времени на поиски. Жестом подзываю всех к окну, которое выходит на улицу с той стороны, где могут быть потенциальные цели.

Располагаемся. Мы с Кином подтаскиваем стол, оборудуя хорошую, устойчивую позицию для стрельбы, Док открывает все окна. Не только то, через которое я собираюсь стрелять, потому что в этом случае внимательный наблюдатель сможет заподозрить неладное и нас обнаружить. Я оборудую позицию для стрельбы на столе, Кин устраивает пост наблюдения рядом со мной, а Левик с Доком переходят к окнам, что выходят во двор, чтобы прикрывать нас с тыла.

На столе из рюкзака сооружаю подставку для ствола M40. Стол мы поставили в центре комнаты, подальше от окна, чтобы нас не было видно сквозь оконный проем. Я снимаю с полки стопку папок и укладываю их на столе как опору для локтя, создав таким образом подставку, чтобы винтовка была направлена под углом вниз на улицу и здания, что перед нами. Когда Кин устраивается на другом столе, усевшись по-индейски, уперев локти в колени и установив перед собою бинокль на треноге, я говорю ему, чтобы связался с ротой «Браво» и сообщил им, где мы есть, и что мы к стрельбе готовы.

Начали! Позиция у нас хорошая, немного севернее того участка, где стоят все «Амтраки» роты «Браво». Где-то в сотне метров к югу от нас виднеется наиболее выдвинутый на север «Амтрак». Рота «Чарли» находится севернее, но отсюда их не видно. Смотрю, где там ребята с оружием, по которым можно пострелять.

На той стороне улицы стоят два дома: один высотой в два этажа, второй одноэтажный. Между этими двумя зданиями — отличный пустырь, где можно вдоволь по-

прятаться в кустах и за деревьями. Там много затененных мест, есть, где засесть. Будь я иракцем, я бы точно перемещался именно там, на это я и рассчитываю. Из рации Кина доносятся голоса, от которых мы узнаем, что рота «Браво» готовится зачистить здание, в котором, по их мнению, больше всего врагов, это к югу от нас. Мы слышим, как разрываются два реактивных снаряда, и несколько пулеметов открывают огонь на подавление. Атакуют как по учебнику. Мы с Кином продолжаем оглядывать пустырь, надеясь засечь там пару-тройку иракцев, убегающих на север.

— Кажется, один есть, — говорит Кин. — Два деления влево от пальмы посередине. Засек движение.

— Понял.

Я перевожу глаза на тот участок, и через рез ночной прицел замечаю подозрительное темное пятно. Прицел установлен на 300 ярдов [275 м], а пятно это ярдах в 350 [320 м] от нас. Ветра нет. Возьми чуток повыше, говорю я сам себе. Выжидаю, пока цель явно не обозначится — незачем выдавать позицию. И тут этот гребаный придурок встает в полный рост — запросто так, на открытом месте. Думает, наверное, что за деревом его не видно, и не подозревает, что мы глядим сверху. А вот это совсем уж хорошо — у него в руках АК.

Я собираюсь записать на свой счет первого убитого. Промаяхнуться с такого расстояния я никак не могу, он заполнил собою все поле зрения прицела, но я все равно не тороплюсь, делаю все как тысячи раз до этого во время подготовки. На выдохе я медленно и плавно нажимаю на спусковой крючок, ведя пальцем прямо на себя. Это медленное, уверенное движение длится чуть ли не вечность, и он успевает поднести приклад к плечу, собираясь стрелять. Перекрестье моего прицела лежит прямо на воображаемой линии, проходящей между его плечами... Он под углом 45 градусов...

Бах!!!

Винтовка подпрыгивает, и от отдачи прицел уходит в сторону. Я быстро опускаю винтовку в прежнее положение и ищу свою цель, но ничего не вижу.

Кое-кому достанется

Отвожу затвор, перезаряжая винтовку. Гладко идет, как по маслу.

— Прямо в яблочко, попал, — докладывает Кин. Сердце мое бешено бьется, голову кружит восторг. Получилось! Охереть как здорово! Все вышло так, как мне всегда и представлялось.

Кому-то может показаться, что это чересчур — представлять себе во время тренировок, будто стреляешь по живым людям. Может быть, оно и так, ведь и вообще стрелять по людям — уже немного чересчур, но за тем нас сюда и прислали. Я заранее знал, что моя пуля, если придется стрелять всерьез, оборвет чью-нибудь жизнь. Однозначно. И если бы я не был психологически готов к этому, я бы сейчас, наверное, больше беспокоился по поводу содеянного, и было бы мне не до работы.

Я бы, наверное, трясся сейчас и дрожал, и целиться бы не мог. Но тот парень для меня уже в прошлом. Главное — настоящее, есть еще, кого убивать.

— Отличная работа, сержант, — говорит Кин. Ощущаю на себе его взгляд.

— Заткнись и продолжай вести наблюдение. Там еще эти уроды должны быть... или побегут там скоро, — говорю я ему, успокаивая дыхание, снова начиная дышать легко, спокойно и ровно. За несколько сотен ярдов от нас ведет огонь рота «Браво». Мы слушаем переговоры на их волне.

— Есть один... Четыреста... Бежит от здания, — говорит Кин. Веду винтовкой влево и тут же его замечаю. Он бежит, но с большим трудом, потому что трава высока и местность неровная. Надо взять повыше. Я расслабляю левую руку, опускаю приклад и поднимаю перекрестье до уровня его головы. Веду его пару секунд. Эта цель труднее, потому что движется, но, к счастью или несчастью (для него), он бежит перпендикулярно мне. Так вести легче. Бежит он не очень быстро, поэтому я навожу перекрестье на долю тысячной перед ним и начинаю давить на спусковой крючок. Несильно, плавно...

Бах!!!

Выстрел из винтовки всегда меня поражает — так и должно быть. Я опускаю ствол, отвожу и отпускаю затвор.

— Попал... Он упал.

— Куда попал?

— А я не понял. Он просто взял и упал.

— Доложи роте «Браво». Про обоих. Скажи им, что участок у нас под прицелом.

Таким же образом я поражаю еще двоих, доводя свой счет до четырех за эту ночь. Часа через полтора едем дальше. Минут двадцать стрельбы не слышно, рота «Браво» зачистила три проблемных

Ирак

здания. Сдается мне, задача у нас была не в том, чтобы город зачистить или дорогу освободить, надо было просто проехать через этот участок, а то, что было — задача побочная, самооборона. Я гляжу на часы, и вижу, что мы пробыли в здании примерно два часа.

Когда мы трогаемся в путь, занимает-ся рассвет.

— Как постреляли, сержант? — спрашивает Клейбак со своим обычным наивным энтузиазмом.

— Четырех завалил.

Я достаю из рюкзака сухой паек, ставлю разогревать говяжьи равиоли, а сам тем временем съедаю немного кекса. Док уже спит на своих вещах, а Левик с Кином болтают, поедая сухпай. При свете дня город выглядит иначе. Он походит больше на провинциальный городок, чем на город с миллионным населением. Свежо, прохладно, на листьях лежит роса. И тут мы совершенно неожиданно оказываемся в пригороде. Оказывается, город этот еще меньше, чем выглядит на карте.

Мы проезжаем мимо мало-литражки, горящей на осевой. Дверь со стороны водителя распахнута, с водительского сиденья свешивается местный житель, голова его лежит на земле. Мертвый, как... Да просто — мертвый.

— Ни хрена себе, глянь-ка, — вырывается у проснувшегося Дока, озирающего окрестности. И я вижу, о чем он говорит. Впереди стоит автобус, разнесенный в клам, он еще догорает. И тут я ощущаю неопишимо отвратный запах горящей плоти. Мы проезжаем мимо автобуса со скоростью 5 миль в час [8 км/ч], и перед нами медленно разворачивается картина кровавого месива внутри него. Там люди. Человек пятнадцать-двадцать. Ни одного живого. Некоторые обуглены дочерна, до корки, окна выбиты, и несколько уро-дов лежат в проемах, наполовину высохнувшись наружу — спастись пытались. Некоторым удалось выбраться из автобуса, и их тела, скрюченные во всех мыслимых положениях, валяются на дороге. Мы проезжаем по пятну, оставшемуся от одного из этих трупов после того, как по нему бесчисленное количество раз прошли гусеницы и колеса. На дороге — пара ботинок, они стоят так, что кажется, будто они по-прежнему на чьих-то ногах, только остались в них лишь ступни и обрубки ног несколько дюймов длиной.

Мы глядим на последствия прошедшей ночи. Еще один автобус. Он в таком же состоянии. Оторванная нога валяется на дороге. Оторвана она по пах.

— Ни хера себе! — произносит сержант Азуэла.

Я гляжу туда.

— Стоп машина, — говорю Азуэле. — Док, за мной.

Мы перепрыгиваем через борт и подходим к телу, лежащему на дороге. Это мальчонка. Крохотное шевелящееся тельце. Мальчику лет семь-восемь, он лежит на спине, задрав ручонку вверх.

Направляясь к нему, я думаю: «И сколько же машин прошло мимо, не остановившись ему помочь?» Я оста-навливаюсь рядом с ним, окидываю его оценивающим фельдшерским взглядом, и мне становится как-то нелегко дышать. Пл...ц пацану — иначе и не скажешь. Он

переводит взгляд, его глаза встречаются с моими. Ну и глаза у него: большие, черные, типично арабские. Он протягивает ко мне ручонки, как будто хочет, чтоб я взял его на руки, и тяжело, хрипло, поскуливает. В его распахнутых глазах — моляба, а глаза огромные, красивые, черные. Голова его расколота, и под ней большим пятном в форме сердечка расплывается лужа темной липкой крови. Кровь сочится из груди. Кровь темным пятном запеклась на маечке, слившись в лужицу у левого бока. Из уголков рта по щекам тянутся две сухие запекшиеся полоски. Трудно поверить, что он до сих пор жив. Он бос, в рваных шортах.

Вся эта картина в одно мгновение запечатлевается в мозгу. Док роется в сумке, вытаскивает из нее стетоскоп, прослушивает грудную клетку, а у меня сердце разрывается при виде этих глаз. Мне хочется наклониться, взять его на руки, прижать к груди и все исправить. Я опускаюсь на колени рядом с ним, кладу руку на лоб. На его чумазом лице — следы от высохших слез, глаза не отрываясь глядят на меня, он пытается что-то сказать, но только раскрывает рот, моля о помощи, но помочь ему я не могу, и никто из нас не может. Пацану конец. «Да ... !!!» — воплю я про себя.

«Ладно, Док, пора. Нас ждут». Я помогаю Доку встать, мы подбегаем к «Хамви» и едем дальше. Все молчат. Я чувствую, как на меня накатывает могучая вол-

на гнева, и я хочу дать ей выход, не держать ее в себе, сделать так, чтобы она схлынула, но так, чтобы никто этого не заметил. Я все думаю об этом мальчонке — напуганном, одиноком, изнемогающем от боли, ему хочется к маме, он растерян, он не понимает, за что ему такое, отчего так вышло, ему страшно и хочется, чтобы пришла мама и все исправила, но нет никого, только холод, темень, грохот, боль.

Подкатывает тошнота. Господи же, не дай мне блевануть перед моими ребятами. Нельзя мне раскисать, я должен оставаться в норме, держись! Я пытаюсь совладать со своим дыханием, но рот наполняется слюной, горькой и кислой. Поздно, бл..., подкатывает. Но не бывать этому! Я сижу спиной к ребятам, высовываюсь за борт и пытаюсь овладеть собой.

Ни хера, не сдамся, не буду я блевать на глазах у своих ребят. Не с чего. Все мышцы напрягаются, и я чувствую спазм в желудке. Переживает горло, и я силой воли не даю блевотине вырваться наружу. Во мне борются рассудок и желудок, блевотина прет вверх, но я плотно сжимаю рот. Я не сдамся, я стискиваю и стискиваю челюсти, и вот этот поток прекращается, и я глотаю большую его часть. Чуть-чуть блевотины я выплевываю, кашляю. Немного попало в дыхательное горло, и я все кашляю и кашляю, как в предсмертном состоянии. Но все же опрашиваюсь. Глаза слезятся, я вытираю глаза и рот, оборачиваюсь посмотреть на своих ребят, но никто ничего не заметил, слава тебе, господи. Я обливаюсь потом, пью затхлую, грязную на вкус воду.

Я усаживаюсь, расслабляюсь и размышляю о том, почему увиденное так сильно на меня действовало. Как умирают дети, я уже видел, работая фельдшером, и от этого мне всегда было не по себе. Однажды это была красивая восьмилетняя девочка, которую сбита машина, когда она переходила через дорогу. От удара об ее голову разлетелось ветровое стекло, и, когда мы туда добрались, она лежала футах в двадцати [метрах в шести] от машины. Мы сделали, все, что могли, то есть почти ничего, но она перестала дышать по пути в больницу. Мы делали ей искусственное дыхание, но в больнице, во время операции, врачи констатировали смерть. Увольняясь из фельдшеров, я думал, что мне никогда больше не придется глядеть на такие вещи.

Мы катим дальше. Солнце уже высоко, а мы — передовой батальон нашей дивизии, мы идем на Багдад. И я настраиваю себя на то, что таких дней будет еще много.

Сангьюм Хан

ОТАВА

Перевод Екатерины Туревич

С момента начала войны в Ираке, десятки тысяч иракских мужчин, женщин и детей погибли, как вследствие военных действий, так и повстанческих атак, еще больше людей стали инвалидами на всю жизнь. 12 декабря 2005 года, отвечая на вопросы после своей речи, президент Буш определил количество погибших «где-то в районе тридцати тысяч».

Старший лейтенант 1-го Батальона 12-той полевой артиллерии Американской армии, Сангьюм Хан, двадцати четырех-летний урожденный кореец, прослужил в Ираке с сентября 2003 г. по апрель 2004. Он написал следующую историю, основанную на реальных последствиях взрыва дорожной бомбы. Хан попытался изобразить инцидент со всех сторон. Те части рассказа, что отражают американскую сторону, основаны на его собственных впечатлениях и на разговорах с другими американскими солдатами. Мысли же и чувства иракских персонажей — это плод его воображения.

Специалист Брион Чамберс спрятал лицо еще глубже в воротник, пытаясь защититься от холодного хлесткого ветра. Никто из них, отбывая в пустыню, не хотел брать с собой зимнюю одежду. Ни один из них и не предполагал, что застрянут здесь до зимы.

Опять в голове возникло зудящее ощущение досады. Как-будто он что-то пропустил. Хамви шел под шестьдесят, медленно, слишком медленно, по мнению Чамберса в тот момент. Завышенный риск фатальных исходов считался вполне приемлемой платой за гонки по заминированным дорогам. К сожалению, сержант МакКлинтон придерживался другого мнения, и, поскольку он командовал первым из двух конвоев их батальона, то он и задавал скорость.

Везде их окружали знакомые виды и звуки: разрушенные здания и обиженные люди, дизель, сработавшийся до хриплого рыгания — все под толстым слоем пыли. Всегда одно и то же, день за днем.

Совсем недолго, сразу после вторжения, американскую армию повсюду

встречали счастливые улыбки иракцев, освобожденных из-под гнета Саддама Хусейна и довольных тем, что война, на самом деле, оказалась краткосрочной. Теперь же Чамберс постоянно чувствовал на себе обозленные взгляды, даже от малышей, едва стоящих на ногах. Создавалось ощущение, будто все население сопровождает солдат плевками проклятий, а чтоб они еще более прочувствовали ситуацию, находились и такие, что реально пытались их ударить.

Именно поэтому, дозор, сопровождающий конвой, должен был быть предельно внимательным. Протокол из штаба ясно говорил, что, если что-то выглядело подозрительно, то так оно, скорее всего, и было. Чамберс подсознательно ощущал, что они только что проехали мимо чего-то подозрительного, только он не мог конкретно определить, что это было. Звук радио вывел специалиста из задумчивости.

— Нас задело, — в панике сообщил голос сержанта Вилсона. Только после атаки на второй грузовик Чамберс вспомнил, как какое-то время назад он видел трещины на дороге. Вспомнил, что выглядело все это, как-будто кто-то вскапывал асфальт. Раньше они там никогда не проезжали, поэтому уверенности у него не было.

— Назад!

Чамберс затормозил быстрее, чем сержант МакКлинтон проорал свой приказ. На резком, скрипящем повороте он упорно держал акселератор вжатым почти до самого пола.

— Эй! — кричал сержант МакКлинтон пулеметчику. — Дай звук! Убери этих идиотов с дороги!

Крутая пулеметная очередь покрывала собой гуля-

щий звук мотора, и Чамберс увидел, как движение на дороге расступилось, как Красное море в древние времена.

Кассим стоял в двадцати шагах от дороги, у разрушенного забора, отделявшего его землю от земли соседа, когда он увидел приближающиеся грузовики. Сердце его подскочило аж в горло, и кусок земли, который он так внимательно изучал перед этим, выпал у него из рук. Седьмое чувство подсказывало ему, что что-то должно произойти: дорога была совершенно пустая.

Три грузовика постепенно приближались и через какое-то время оказались на расстоянии ста метров от него. Даже своими слабеющими глазами на таком расстоянии Кассим четко видел лица сидящих в машинах солдат. Понимая, что судьба дала ему редкую возможность близости, он изучал их лица. И вдруг взрыв поднял последнюю машину в воз-

дух. Грохот оглушил старика, и он почувствовал, как земля уходит у него из-под ног. Было больно в ушах, но старый крестьянин стоял на месте, как прикованный, все еще оглядывая последствия взрыва. Он хотел посмотреть, разглядеть, выяснить, что собираются делать американцы. Ответ на вопрос был дан мгновенно: американцы стали стрелять.

Он побежал.

Отава

Ирак

Рядовой первого класса Рой Джаксон все еще чувствовал волну взрыва, прокатившуюся по телу, когда раздался голос сержанта Вилсона, отдающего команду срочно повернуть назад. «Наверняка, жертвы», — подумал Джаксон.

Он видел через плечо ведущего грузовик Дэйвиса, как идущий позади них второй Хамви с сержантом Прайсом за рулем, подъехал к ним вплотную. Около ста метров позади был виден силуэт кратора с выходящим оттуда черным дымком. Третьего Хамви видно не было.

У Джаксона засосало под ложечкой: теперь ему надо будет заняться ранеными. Поэтому, собственно, медики и состояли в числе сопровождающих конвои. Джаксону не терпелось приняться за работу. Только когда он увидел Дэйвиса и сержанта Вилсона выпрыгивающими с пушками наготове, он осознал, что самым главным в сложившейся ситуации, было окружить район и обезопасить дальнейшее тут пребывание.

Джаксон вылез из грузовика и посмотрел в сторону города. Его немного трясло. Никого не было видно, хотя обычно в этот час было довольнолюдно. Мелькнула мысль, что, возможно, городские жители заранее знали об атаке. Пустые улицы делали находившихся там солдат еще более заметным.

Недалеко молодой иракский парень, примерно одного возраста с Джаксоном, периодически выглядывал из-за стены. Он не выглядел испуганным, в панике, наоборот, было похоже, будто он разглядывает место взрыва, чтоб наиболее точно оценить последствия. В руке парень держал нечто, похожее на пульт, приглядевшись, Джаксон увидел, что, на самом деле, это была еще более губительная улика: устройство для детонирования мины.

В руке у парня был сотовый телефон. — Вон там! — крикнул Джаксон. — Вот тот, тот, это все его дело! — медик прицелился и полностью опустошил обойму. Он заново зарядил оружие, одновременно направляя дергающийся пулемет в сторону низкой стены, за которой скрывался иракец. Земля гудела от очередей, способных разорвать человека на мелкие части. Но Джаксон уже понял: молодому парню удалось ускользнуть.

Джаксон осторожно поднялся во весь рост, все еще направляя 9-ти миллиметровку в сторону города. В ушах звенело, асфальт под ногами был усеян пустыми гильзами, и он нервно осматривался вокруг, ожидая услышать от кого-либо, что делать дальше. Дорожная мина и пулеметные очереди отыгрались на ушных перепонках, но медик таки услышал рез-

кий щелчок винтовки, который плавно перелился в неясный приглушенный крик. Еще один выстрел прогремел до того, как Джаксон успел обернуться.

Сержант Прайс сидел на коленях в грязи, в полуметре от своего Хамви, и целился в поле. Там бежал местный, довольно пожилой уже человек в белом халате в сторону земляного дома, стоящего в ста метрах от дороги. Но медик видел — у того не было шансов добежать. Раздался еще один выкрик, и затем все предупреждения закончились.

«Если бегут, значит виноваты!» Им твердили это настолько часто, что фраза стала самостоятельной правдой. Она и звучала как единственная мысль в голове сержанта, когда он присел, чтобы прицелиться. Он страстно желал, чтоб человек остановился до того, как он нажмет на спусковой крючок.

Винтовка отдала в плечо, и, спустя секунду, сержант Прайс увидел всплески грязи, подпрыгивающие впереди бегущего человека. Не было никакой возможности иракцу избежать пули, но он продолжал бежать.

— Стой! — крикнул Прайс в спину бегущего, но его голос утонул в жужжании 50 калибра с другого Хамви. Сержант дал человеку еще одну секунду, затем выпустил очередь.

«Ведь ему же так просто остановиться и больше не бежать!» — подумал Прайс, и тихая злоба поднялась в его груди. Он прицелился — осторожно — боясь, что руки начнут дрожать от перенапряжения еще до выстрела. «Перестань бежать!» — кричал, разрывался его мозг. Сукин сын заставлял Прайса стрелять. Прайс ненавидел того человека. Прайс желал старикку смерти еще до того, когда ему, Прайсу, придется его убить.

— Стой! — прокричал он за полсекунды до того, как выстрелил, так что это, собственно, и не могло служить предупреждением.

Еще больше грязи взвивалось перед Кассимом, который теперь уже был уверен, что стреляли в него. Одновременно испытывая и облегчение, и ужас, Кассим понимал, что, если первая пуля прошла мимо, то вторая, наверно, попадет. В него. Мир съехал до ненадежного горизонта и крыши его дома, что стоял прямо за низкой земляной оградой. «Я добежу, я убегу», — говорил себе Кассим. До дома стоило рукой подать.

Вдруг, все стало очень тихо, и Кассим удивился, что американцы перестали стрелять. Болезненная любопытность чуть не заставила его остановиться и посмотреть назад, но с еще одним выстре-

лом мимо него, он побежал еще быстрее. Ноги у него горели, и легкие готовы были взорваться, откуда-то издали, позади, он слышал, как кто-то орет какое-то слово. Чужое, американское слово — слово, которое он не понимал. Кассим упал в грязь. Три пули пробили его насквозь, проходя через спину прямо в мягкую пучину его желудка.

После пулеметного грома настала тревожащая душу тишина, совсем как чистое небо после урагана. У рядового медика Джаксона кровь в ушах пульсировала, когда он посмотрел в сторону сержанта Вилсона, стоящего по другую сторону Хамви. Сержант кричал:

— Джаксон, док, двигаемся!

Джаксон все еще ковылял с импровизированным замком стальной двери, когда грузовик тронулся в сторону кратора. Позади они оставили сержанта Прайса с его шофером, и те отправились к упавшему иракцу. Еще через секунду Джаксон увидел место взрыва вблизи дерева, растущего в канаве у дороги.

Рядовой специалист Сэм Варгас делал короткие, неглубокие вздохи, лежа на спине и глядя вверх на иракское небо. Одинокое белое облако плавно перекачилось с одной стороны неба на другую, но это незначительное изменение в голубом простанстве еле зарегистрировалось в его мозгу. Молодой солдат был погружен в ужас.

Последнее, что он помнил, была мысль, что ехали слишком близко, почти вплотную ко второму Хамви. Теперь он вообще ничего не понимал, не знал, где он находится, что произошло, и ничего не слышал, кроме еле проходящего сквозь сознание звона в ушах. Он попытался встать, но обнаружил, что не может шевельнуть ни единой частью своего тела. Такого страха он не испытывал никогда в жизни.

Медик Джаксон спрыгнул с еще не остановившейся машины и побежал осматривать раненых. Перед ним находился последний, третий Хамви, развернутый силой взрыва и стоявший теперь перпендикулярно дороге. Из-под разбитого бронестекла вился дымок, заставляющий задуматься о дальнейшей безопасности. Две фигуры в бежевом одеянии

медленно, с трудом вылезали из-под грузовика, но Джаксон видел, что это не те, о которых ему надо заботиться.

На земле были разбросаны поврежденные остатки сухих пайков, перемешанные с разнокалиберными частями самого грузовика. Прямо за этой кучей мусора, в паре метров от двери водителя лежал солдат на спине.

Медик наклонился над Варгасом, одновременно, сквозь дым, крича инструкции сержанту Вилсону:

— Его надо объявить как 'Срочного'. Не знаю, что с другими, но этот, по всей видимости, как минимум, 'Приоритет'.

— Понял. А как насчет того иракца, которого Прайс заморозил?

— Иракец? Как минимум, 'Срочно-Оперативный'. Он, наверно, уже давно мертвый лежит.

— О'кей! Звоню медикам!

Они находились в ста метрах от сержанта Вилсона, когда Чамберс нажал на тормоза и положил конец безумной волне адреналина последних трех минут. Они вернулись на сумасшедшей скорости — Чамберс и не подозревал, что Хамви может так быстро ездить — и все равно, они, по всей видимости, опоздали. На земле лежали раненые, одним из них был Варгас.

Чамберс выскочил из грузовика, и побежал к Варгасу. С размаху вогнав винтовку в землю, он склонился на одно колено рядом с медиком.

— Все хорошо. Он выживет! — уверил его Джаксон, но застывший страх в немигающих глазах лежавшего солдата го-

ворил иное. Слюна пузырилась пеной у него на губах, и Чамберс заметил, как тело Варгаса подергивали легкие судороги. В Багдаде Варгас спал на скрипучей зеленой кровати в полутора метрах от Чамберса, в той же дырявой, прогнившей палатке, что и десятки других солдат. Теперь он лежал на спине в иракской грязи, и его тело билось в судорогах. Нет, с Варгасом не все было хорошо, и они все это знали.

Кассим, стиснув зубы, держал челюсти сомкнутыми, пока американцы переворачивали его на спину. Горячая боль прошла по животу, и он еще крепче сжал землю, попавшую ему при падении в руки. Он не хотел, не желал, отказывался смотреть вниз, на свой живот от страха, что увиденное его переборет, и он заорет или зарыдает. Он находился в двухстах метрах от своего дома. Там, внутри, его жена пряталась в дальнем углу с их самыми маленькими детьми, — остальные дети, постарше, прятались дальше в поле. Он не хотел, чтоб они видели, как он плачет от страха за жизнь. Он не хотел умирать, как животное.

В уме Кассима проносились озлобленные, горячие слова молодых сорвиголов, звучавшие каждый раз, как речь шла об американцах. «Труссы! — кричали они. — Убийцы!» Теперь, лежа на мокрой, кровью пропитанной земле, Кассим сам хотел испытывать те же чувства, сам хотел ненавидеть, выплюнуть американцам свою злость, презрение прежде, чем последняя капля жизни вытечет из его

Отава

тела навсегда. Но все, что он чувствовал, была обжигающая боль от ран.

Он увидел лишь их силуэты, когда открыл глаза, несмотря на то, что мир принял гораздо более яркий оттенок. Американцы были выше ростом, больше в теле, чем его сыновья, но было в них что-то такое, что делало их мягкими, почти надутыми. Комфортабельно жили они у себя дома. Это были люди, привыкшие к роскоши, и скоро они вернутся обратно к своим удобным жизням, а он помрет, и его дети останутся сиротами. С последней мыслью он почувствовал кипящую злобу, покрывающую собой боль.

С того момента, как он увидел землю, быстро превращающуюся в темную, кровавую грязь, сержант Прайс знал, что все усилия сохранить жизнь иракцу будут бесполезными. Но иракец продолжал жить и даже находился в сознании, и единственный другой вариант, кроме как попытаться его спасти, был вернуться обратно к Хамви и наблюдать, как он умирает. Прайс был, в принципе, согласен, что, поскольку он подстрелил человека, то он и должен пытаться поддерживать в нем жизнь.

Облегчить страдания было трудно, не имея при себе ничего, кроме полевой медсумки. Прайс уложил — осторожно, как смог — все кишки на животе умирающего. Болезненная теплота дышащих органов в руках, обтекающая склизкость жидкостей, чуть не заставили Прайса самого скрючиться над землей. Он вытер кровь со своих рук о штаны, затем открыл свою полевую медсумку.

Единственное, что он мог в данный момент предпринять — это поставить умирающему внутривенный пакет (ВВ) для поддержки давления. «Абсурд, конечно, — подумал он про себя, — держать маленький целлофановый пакетик над человеком, все внутренности, которого сложены в кучу на его животе». Но он просто не знал, что еще предпринять.

Варгас все еще лежал на земле без сознания. Ожидание медиков было самым ужасным, думал рядовой Джаксон. Последний раз, он помнил, у них ушло 45 минут, чтоб только долететь до места подрыва.

Джаксон смотрел на ВВ пакет, что Дейвис держал над Варгасом, у которого до сих пор оставалась пена на

Ирак

губах, и тревожился. Глаза у Варгаса почти не мигали, но взгляд при этом был совершенно бессмысленный. Джексон представлял себе Варгаса в возрасте сорока лет, в какой-нибудь военной больнице, в кресле, бессмысленно смотрящего на предлагаемую ему нянечкой ложку.

Он попытался отвязаться от настойчивой мысли: «С ним все будет хорошо!» — повторял он про себя. Но, видя перед собой распластанное тело, бьющееся в легких судорогах, он не мог не испытывать ощущения тревоги.

Легкое бормотание вертолета сняло напряжение с Чамберса, последние двадцать минут охраняющего посадочную полосу. Он инстинктивно повернулся в сторону Черного Ястреба, не смотря на то, что знал: по инструкции, держать дозор — это все время смотреть в одну сторону.

Облако пыли поднялось на демаркированной зоне, частично заслоняя собой сам вертолет. Медик спрыгнул из нутра вниз, таща на спине носилки для раненых.

Варгас попытался сопротивляться, когда его перекладывали на носилки, но его привязали и перетащили в урчащее брюхо вертолета. Остальные солдаты со взорванного Хамви последовали сразу за Варгасом, вертолетная команда посадила их внутрь. Медики с носилками бросились обратно, и Чамберс наблюдал, они побежали к сержанту Прайсу, который все еще склонился над раненым иракцем.

Прайс был поражен, что человек, лежащий на окровавленной земле, все еще не только был жив, но и в сознании. Вплоть до момента, как прибыла команда с носилками, умирающий не произнес ни слова. Он даже не выглядел испуганным от того, что теряет так много крови. Просто продолжал смотреть, так напряженно, так выразительно, что Прайс только пожегивался. Было похоже, будто человек знает, что подстрелил его именно Прайс.

— Черт, — плюнул медик, когда увидел, насколько серьезны были ранения. — Этот не выживет!

— Что ты хочешь делать?

— Мы его загрузим, так или иначе. Мы же не можем оставить его здесь.

Только когда они перетаскивали иракца на носилки, Прайс понял, каким

крошечным было тело раненого. Был он под метр шестьдесят, максимум, и такой тощий, что почти ничего не весил. Когда они его подняли, Прайс услышал, как человек издал свой первый звук. Слабый вздох, чуть громче, чем обычный — никто, наверно, и не слышал из-за шума вертолета, — но Прайс уловил, потому что до этого больше получаса сидел, охраняя тело и пытаясь услышать хоть что-нибудь в этом роде. Он наклонился еще раз и поправил кусок прямой кишки с засохшей на ней грязью, свалившейся с живота в процессе передвижения.

Варгас крепко зажмурился, когда его стали передвигать. Он держал глаза закрытыми даже тогда, когда почувствовал

что заработал пропеллер, и Ястреб поднялся в небо. Несмотря на то, что он пролежал больше получаса на обочине дороги, Варгас, все еще, не совсем владел своим телом. Его снова одолевали судороги, и он лежал и только молился, чтоб, когда он снова откроет глаза, он увидел потолок какой-нибудь больницы в Кувейте или в Германии, а не голубое иракское небо.

Сержант Прайс стоял, облокотившись на машину сержанта Вилсона, когда тот подошел. Вилсон почуствовал, что с Прайсом не все в порядке.

— Что такое? — спросил Вилсон.

— А? Я просто не знаю, я правильно сделал? Я ведь точно не знаю, виноват ли он? А вдруг, нет?

— Эй, этот сукин сын бежал. Ты ж не мог знать! О'кей, не своди себя с ума этим, старик. У нас хватает дел.

Кассим чувствовал, как вертолет стал подниматься. Физически стало чуть легче, и преобладающими чувствами теперь стали злора и ощущение безысходности. «Как меня будут хоронить мои жена и дети?». Он даже не знал, куда его забирают.

Злость и обида, однако, накалялись независимо от его желания. Если бы он не стал наблюдать за конвоем, он был бы все еще у себя в поле, готовя его для весеннего сева. Кассим проклял про себя свой идиотизм. Он так же, молча, проклял американцев за их пулеметы и молодых — за их бомбы. Он почти проклял самого Бога, но вовремя остановился. Он умирал, и ничего нельзя было поделать.

Тревожное чувство возоблало над ним. Злость и обида переросли в обиду и надежду. Он хотел жить, он хотел продлить мгновения своей жизни.

Он оглядел вертолет еще раз, желая поймать, запечатлеть последние моменты своей жизни. Брюхо вертолета и все находившиеся внутри предметы были окрашены в цвет черной стали. Все было покрыто той же легкой пылью, что и все остальное снаружи. На противоположной стене виднелось окно с проглядывающим сквозь него голубым иракским небом. Кассим хотел бы посмотреть на отдаляющуюся землю, но знал, что этого он не сможет уже никогда. Напротив него лежал с закрытыми глазами, слегка подергиваясь, американский солдат. Кассим видел, что, несмотря на всю потрясающую экипировку, солдат был парализован ужасом. «Это всего лишь ребенок, — сказал себе Кассим, — испуганный мальчик, который страшно хочет домой.»

— Все скоро пройдет, — думал Кассим. Каждый новый вздох давался ему все труднее и труднее. В последний раз он посмотрел на солдата напротив и закрыл глаза.

Ричард Ачеведо

ИЗГОЙ

Перевод Анатолия Филиппенко

За время, прошедшее с октября 2001 года, более миллиона военнослужащих морской пехоты, сухопутных войск, ВВС и ВМС США были мобилизованы для службы в Ираке и Афганистане, и очень многие из них приняли участие в боевых действиях в обеих странах. Судя по их рассказам о войне, военная служба — дело тяжелое, нудное, страшное, озлобляющее и изматывающее. И в то же время для этих людей — это самый памятный и полноценный период их жизни. Многие, если не большинство, называют одну, самую главную причину того, что не считают это время потерянным — это узлы дружбы, которые завязываются между ними и их братьями и сестрами по оружию. Такие отношения между людьми складываются не сразу, и было бы неверно

утверждать, что в военной среде не бывает тренировок и открытой вражды. В любом сообществе есть люди, которые просто напросто в него не вписываются. Первый сержант сухопутных войск США Ричард Ачеведо (было ему тогда 38 лет) даже до Ирака еще добраться не успел, когда столкнулся с проблемой, которую сам он назвал «проверкой командирских качеств», а связана она была с одним из солдат его роты. (Имя и фамилия этого солдата изменены).

Все свои двадцать лет в сухопутных войсках я провел среди пехотинцев — людей ершистых, конкретных, самостоятельных, сообразительных и всегда готовых к приключениям. Им по душе

скверное питание, жизнь в суровых условиях, недостаток сна, постоянные физические нагрузки и затаившаяся неподалеку смерть, которая может настичь их при исполнении обязанностей, которые они поклялись исполнять. Такая жизнь не для всех.

Солдат по имени Маньюэль Эрнесто был определен на службу в подразделение непростой судьбы — «Боевой 69-й» пехотный батальон Национальной Гвардии, базирующийся в Нью-Йорке, который я считаю своим домом. Батальон этот известен тем, что входит в число наиболее отличившихся армейских частей и может похвастаться родословной, которая уходит далеко в прошлое, во времена Войны за независимость, а также доволь-

Изгой

Ирак

но большим числом легендарных деятелей, служивших в его рядах. Среди них известный поэт Джойс Килмер, армейский капеллан отец Даффи, памятник которому украшает Таймс-сквер, и «Дикий Билл» Donovan, основавший Управление стратегических служб, из которого выросло сегодняшнее ЦРУ. В наши дни в «Боевом 69-м» служат истинные нью-оркцы, выходцы из всех слоев общества. Манюэль Эрнесто был, можно сказать, ярчайшим их представителем.

Наверное, самое подходящее определение для Эрнесто — простак. Было ему тогда на вид лет под сорок, хотя точно сказать трудно. Он отличался добрым нравом и каким-то детским простодушием, но с трудом понимал, чего от него хотят, когда получал несложные, однозначные задания и указания. Кроме того, была в нем некоторая неуклюжесть и несобранность. За многие годы, проведенные в армии, я научился быстро разбираться в солдатах и с первого взгляда на Эрнесто понял, что в спартанский пехотный мир, где так сильно мужское начало, он впишется не очень.

Эрнесто был застенчив и замкнут, а поскольку армия есть, в первую очередь, сообщество стадное, те, кому не удастся влиться в это стадо, быстро оказываются в изоляции. В армии отдельная личность никогда не ставится во главу угла, главным в ней всегда является коллектив. Те, кто не вносит вклада в общее дело или не пользуется уважением, становятся обузой, и всех, кто не вписывается в шаблон, подвергают безжалостному ostracismu. В глазах своих соратников Эрнесто не был своим, его записали в неприиспособленные. Несмотря на мнение других солдат об Эрнесто, я отнесся к нему исходя из презумпции невиновности. Продиктовано это было двумя обстоятельствами: во-первых, мне отчаянно не хватало людей, каких угодно — у меня был некомплект личного состава, а во-вторых, Эрнесто был чрезвычайно вежлив и искренен, что бы он ни говорил и ни делал.

Мы провели четыре месяца в Форт-Худе, что в Техасе, готовясь к отправке

в Ирак. Я решил в ходе обучения избавляться от всех солдат, что не смогут выдержать требований, предъявляемых боевой подготовкой. И если Эрнесто так и не сможет стать нормальным солдатом, я в свой срок с этим делом разберусь. А до тех пор буду следить за его успехами, надеясь на лучшее.

В первый раз я увидел Эрнесто в деле во время утреннего занятия по физической подготовке. Каждый день обучения я начинал с изматывающих физических упражнений. Мне надо было привести людей в форму, помочь им сбросить лишние фунты, набранные за время гражданской жизни со всеми удобствами. Поблажек в ходе боевых действий в Ираке давать этим ополченцам никто не собирался, им там предстояло ежедневно таскать на себе более 20 кг на безжалостной жаре за 40 градусов. Занятия по физике я часто начинал с легкой разминки, разогревая ребят, чтобы не было травм позднее, когда начнется настоящая тренировка. Обычно мы начинали с прыжков

Чем больше Эрнесто пытался двигаться синхронно с другими, тем хуже у него получалось. Тело его дергалось как старая тряпичная кукла, а лицо было таким отрешенным, таким сосредоточенным, что солдаты уже просто задыхались от смеха.

с разведением ног и сведением рук над головой, и в то утро, прыгая и задавая ритм остальным, я услышал неудержимый хохот. Я пробежал глазами по группе, пытаюсь понять, в чем дело. Вот оно что — вот он, в последнем ряду слева! Это был Эрнесто, который усердно прыгал, неуклюже дергаясь не в лад и не в погоню. Он походил на рыбу, которую только что бросили на палубу, и она бьет плавниками, пока ее не успели оглушить колоушкой.

Сначала я решил, что он придиуривается, и едва не рассердился, полагая, что он во время моего занятия хаханьки строит. Но через пару секунд я пришел к выводу, что он не придиуривается. Остальные же смеялись так, что и сами начали выбиваться из ритма. Чем больше Эрнесто пытался двигаться синхронно с другими, тем хуже у него получалось. Тело его дергалось как старая тряпичная кукла, а лицо было таким отрешенным, таким сосредоточенным, что солдаты уже просто задыхались от смеха. Один из них, что был рядом с Эрнесто, начал имитировать его движения, а тот, не уловив насмешки, удивленно посмотрел на шутника и прокричал ему, с трудом переводя дыхание:

«Что... тоже... не... выходит?» После этого все вокруг едва не попадали от смеха. Вот он, Эрнесто, во всей своей красе. Он старался как только мог, но у него не получалось справиться даже с самыми простыми вещами.

Командир огневой группы, командир отделения и взводный сержант Эрнесто взяли в привычку ежедневно жаловаться мне, что Эрнесто никак не удается овладеть основами службы в пехоте. Я же то и дело говорил им, что они недостаточно стараются, что Эрнесто — проверка их командирских качеств. Все трое сержантов глядели на меня как на психа, но сказать мне о том, что я несу полный бред, они не могли, так как я был старше их по званию. Всякий раз они уходили от меня, бормоча себе под нос, что Эрнесто безнадежен.

Дни складывались в недели, а успехов у Эрнесто так и не наблюдалось. Пора было что-то с ним делать, пока он не убился сам и не убил кого-нибудь еще. Однажды я решил обсудить вопрос об

Эрнесто с сержант-майором нашего батальона. Я собирался рассказать ему обо всех наших подходах и попытках обучить Эрнесто. Я намеревался доложить ему, что Эрнесто следует отправить к военному психологу на оценку его психической устойчивости, после чего добиться его увольнения из армии — тем или иным образом. Весь план действий я продумал заранее.

Как только я заговорил о Манюэле Эрнесто, сержант-майор расплылся в улыбке. Оказывается, несколько лет назад Эрнесто служил в его роте, когда сам он был первым сержантом. Во время прохождения подготовки Эрнесто начал таскать из столовой продукты, складывая их в свой рюкзак в ожидании невесты откуда-то движущегося голода. В один прекрасный день он унес с завтрака три пакетика молока. Молоко в Армии чаще всего подвергается обработке и может храниться очень долго. Но в тот самый день в столовой выдали свежее молоко, а Эрнесто разницы не заметил и засунул пакеты с молоком в свой вещмешок. Несколько дней спустя, поздно ночью, на территории патрульной базы раздались чьи-то вопли. Это был Эрнесто, от боли он катался по земле, держась за живот. Причиной его заболевания было употребление в пищу прокисшего молока.

Выслушав этот рассказ, я сердито спросил сержант-майора: «Раз всем известно, что это за олух, зачем вообще его направили в мою пехотную роту, которая вскоре отправится в опасное место?» Я расстроился, поняв, что во всем батальоне я был единственным человеком, не знавшим о том, что за идиот этот самый Эрнесто. Сержант-майор заверил меня в том, что найдет для Эрнесто должность, где он будет служить на побегушках в каком-нибудь безопасном месте в батальоне. Но он рассказал мне еще кое о чем, и это меня поразило: до поступления на службу Эрнесто был бездомным и жил в городском приюте. Вот почему он таскал продукты, и вот почему прятал у себя молоко — он ведь привык так жить за долгое время бездомного существования.

Несколько дней спустя мне сообщили, что Эрнесто переводят в штабную роту на вещевой склад. Главным в этом было то, что Эрнесто должен был работать там, не выходя с территории лагеря на задания. Я сообщил Эрнесто о грядущем переводе на новую должность. В роте его безжалостно дразнили, он был мишенью бесчисленных приколов всех здешних альфа-самцов, и я ожидал, что он вздохнет с облегчением, узнав, что ему предстоит от всего этого избавиться и перейти в более спокойное место. Но когда я рассказал ему о предстоящем переводе, эта новость явно его огорчила.

Я сообщил Эрнесто, что на вещевом складе штабной роты освободилось место, и что мне было очень трудно решить, куда его отправить, потому что все бойцы в моей роте — отличные специалисты. Но рекомендовать кого-нибудь на эту важную должность надо в любом случае, и я решил, что он подходит для этой работы лучше всех. После этих слов он несколько воспрянул духом и поблагодарил меня за доверие. Он сказал, что никоим образом не подведет ни меня, ни роту. Я ответил, что в том не сомневаюсь. Он тихо вышел из моего кабинета, а я остался вполне доволен тем, как разобрался с этим делом. Вместо Эрнесто я получу более подходящего человека, а он будет работать там, где не причинит вреда ни себе, ни другим, если уж на то пошло. Все — проблема разрешена, вопрос закрыт!

Прошло несколько недель. Однажды ночью я задержался за работой у себя в кабинете и вдруг услышал робкий стук в дверь. Я громко сказал: «Войдите!», с удивлением прикидывая, кто бы это

мог стучать в такое неурочное время. Оказалось, что это Эрнесто.

Он тихонько ступил через порог, с видом смущенным и извиняющимся за то, что меня побеспокоил. Я пригласил его проходить, садиться и рассказать мне о том, что его беспокоит. Я понимал, что в столь поздний час просто так в гости не ходят. Он сел и начал осматривать мой кабинет, сцепив пальцы рук и бегая глазами по всем углам и закоулкам комнаты. Глаза его шарил по поводу, вот только на меня он их не поднимал.

Эрнесто попытался начать разговор с мелочей, спросил, как поживают мои родные. Я ответил, что у них все хорошо, все в добром здравии. Поняв, что такая беседа может тянуться еще долго и безрезультатно, я мягко спросил, что его тревожит. В конце концов он робко посмотрел мне в глаза и спросил, нельзя ли ему вернуться в роту и снова быть вместе со всеми. Я немного удивился этому заявлению и спросил, чем ему не нравится нынеш-

нее место службы. Он ответил, что сержант, отвечающий за имущество штабной роты, относится к нему очень хорошо, что и работа ему нравится, и распорядок.

Я ответил, что не очень понимаю, почему он хочет обратно. Ведь ясно было, что там он нашел свою нишу, и о работе его отзываются очень даже хорошо. Ему было страшно трудно глядеть мне в глаза, и в конце концов я сказал ему, самым деликатным образом, что, по моему мнению, в пехотинцы он не годится. Не думаю, чтобы эти слова так уж удивили Эрнесто, я ведь понимал, что в глубине души он осознает истинное положение вещей. Он тихо сказал, что знает о том, что в скором времени солдатам придется пойти в бой, где их могут убить, и что ему хочется быть рядом с ними и помогать им чем угодно по мере сил — даже если ему придется собирать убитых и укладывать их в мешки.

Изой

Высказавшись таким образом, Эрнесто замолчал. До отправки в Ирак оставалось несколько недель, а в газетах и по телевидению было полно сообщений о том, как людям отрезают головы, как автоколонны регулярно попадают в засады, а американские военнослужащие гибнут от неискоренимой напасти — фу-гасов на дорогах. Мои солдаты рассказывали друг другу о всяких ужасах, и слухи эти весьма всех будоражили, всем было очень от них неуютно.

Я глядел на Эрнесто и понимал, что его слова о собирании убитых и укладывании их в мешки были сказаны не просто так, и не было в них ничего ненормального. Несмотря на всю свою неуклюжесть и инфантильность, Манюэль Эрнесто лучше нас всех понимал кое-какие важные вещи. Он осознавал, чем может обернуться ожидающая нас опасность, и хотел участвовать в серьезном деле. Эрнесто проявил больше сочувствия к своим соратникам, чем они когда-

либо проявляли по отношению к нему. И в тот момент мне стало стыдно, особенно в свете того, что кое-кто из бойцов моей роты готов был пойти на что угодно, лишь бы не идти воевать. И вот сидит передо мной Эрнесто — бездомный, отвергаемый представителями цивилизованного общества, но именно в нем, в итоге, обнаружилось больше душевности и храбрости, чем в большинстве из них.

Эрнесто молча сидел в ожидании ответа, и я понимал, насколько важным будет для него мой ответ. Я посмотрел ему прямо в глаза и сказал, что если, боже упаси, настанет день, когда мне придется собирать павших в бою солдат, я сочту за честь, если в этом мне будет помогать именно он. Он улыбнулся, глаза его увлажнились. Он тихо встал и неловко отдал мне честь, и я ему ответил, не в силах указать ему на то, что я сержант, а честь полагается отдавать только офицерам.

Он еще раз поблагодарил меня и вышел, а мне пришла в голову мысль, что я должен быть более благодарным Эрнесто, чем он мне. Он преподал мне могучий урок о том, что такое скромность и что такое мужество. Я с улыбкой проводил его взглядом, когда он прошел мимо окна моего кабинета и растворился во влажной техасской ночи.

Осенью 2004 года Ачеведо и Эрнесто были направлены в Ирак, где пробыли почти целый год. Оба вернулись оттуда живыми и здоровыми.

Ирак

Джон МакКэри

МЫ УМИРАЕМ

Перевод Нины Меньших

Испытывая нечеловеческое напряжение во время пребывания в зоне боевых действий, многие военнослужащие в определенный момент ощущают полную подавленность от происходящих вокруг событий. Джон МакКэри, двадцатисемилетний сержант разведывательного отделения, прикрепленного к оперативной группе 1-34 (1-я пехотная дивизия бронетанковых войск, дислоцированная в иракской провинции Аль Анбар) отправил в конце января 2004 года домой письмо, в котором рассказывал о все возрастающей жестокости повстанцев и о смерти своих товарищей. Однако, несмотря на гнев и ощущение собственного бессилия — легко читающиеся между строк — сержант подчеркивает, что теперь, среди этого хаоса, он, наконец, осознал полностью смысл своего пребывания здесь.

Всем:

Мы умираем. Не в некоем отвлеченном, философском смысле, мол, «все там будем». Просто умираем. Само собой, это наша работа и, ясное дело, тебя могут убить даже тогда, когда ты просто идешь по улице любого американского города. Но только не так, как здесь. Там нет ни машин, начиненных взрывчаткой, ни толп, ликующих от этого зрелища. Мы считали, что смогли совершить невозможное, перейти Рубикон и вырваться, наконец, на финишную прямую. Однако, они все еще здесь — те, кто жаждет нашей крови. Все это никогда не было честной борьбой, да и мы не всегда играли по-честному.

Всякое бывало, но только не так: никто из нас не выходит за пределы территории, страстно желая крови или надеясь на свою собственную гибель, никто из нас не просыпается со словами: «Ну что, надеюсь, мы сегодня на славу повеселимся...» Можно едва держаться на ногах от бесконечных патрулирований, смен караула, следствий, аварий... но, несмотря на все это, ты никогда не просыпаясь с мыслью отправить на тот свет кого-либо из них. Мы не живем по принципу «Убейте всех ибо Бог Разберется

Сам», рассчитанному на трусов и подонков, боящихся рукопашной и избегающих возможности разобраться с врагом по-солдатски...

Они убили моих друзей. Не отчаянно сражавшихся за родную землю, не выполнявших самоубийственное задание по вызволению пленных или спасению какой-нибудь попавшей в беду семьи... Мои друзья погибли, регулируя движение на дорогах, торопясь на встречу, по дороге на работу... И все, что я могу подумать, это: «Ублюдки. Грязные подлые ублюдки...»

Здесь вообще творится полная неразбериха. А быть «крутым» в такой ситуации недостаточно. Как там говорится: «К черту детей, если они на твоем пути! К черту их всех!» А вот мне интересно, что можно сказать своим ребятам после того, как ты вышвырнешь на обочину скальпы целой иракской семьи, как раз

«сегодня на КПП в результате подрыва автомобиля погибло двое военнослужащих»? И что вы думаете по этому поводу? «Всего-то двое. Спасибо, что не тридцать... Слава Богу, что этого не произошло где-нибудь на городской площади или в кинотеатре...»

Да уж... А вот я стал думать иначе. Когда ты сидишь на заупокойной службе в их память и смотришь на все это действо, перед твоими глазами стоят их армейские бутсы, сделанная когда-то

Всякое бывало, но только не так: никто из нас не выходит за пределы территории, страстно желая крови или надеясь на свою собственную гибель, никто из нас не просыпается со словами: «Ну что, надеюсь, мы сегодня на славу повеселимся...» Можно едва держаться на ногах от бесконечных патрулирований, смен караула, следствий, аварий... но, несмотря на все это, ты никогда не просыпаяешься с мыслью отправить на тот свет кого-либо из них.

туда, где лежат ошметки от твоих солдат — сваленные в кучу бут-сы, бронежилеты и каски? Что «мы хорошо поработали»? Нет, не думаю. Мы просто воюем. А теперь еще и мрем, как мухи.

Можно сказать «старо, как мир», но это не совсем так. Теперь-то я знаю, что это за взгляд — взгляд ветеранов второй мировой и тех, кто прошел Вьетнам. А сейчас пришел и наш черед. Вы слышали слова Конни Чанг* о том, что

* Конни Чанг (Connie Chung) — американская журналистка.

впопыхах фотография 8х10, винтовка, опущенная стволом вниз... Ты слышишь и разговоры их друзей: «Он говорил о сыне каждый вечер. Парню всего два года, она только начал говорить, а его Отец уже знал, что он будет первоклассным регбистом...» Или: «Его жена сейчас командует взводом где-то еще в Ираке. Она будет сопровождать тело домой, однако, несмотря ни на что, вернется обратно, чтобы увидеть благополучное возвращение своих друзей на родину. Всеми своими мыслями мы разделяем это горе вместе с их семьями.»

Какими мыслями?! О чем вы, интересно, думаете? Какой вообще может быть прок от этого? Что толку от рыдающего, который размазывает по лицу слюни и сожалеет, что не мог предотвратить такой развязки, упрекая Бога, что Тот не взял его вместо них?

Что можно сказать родителям тех, кто загнал нас сюда? Собирающимся пообедать, спокойно отдыхающим дома. Убить из-за того, что породили таких чудовищ? Утолить свою жажду крови сокрушительным ударом в лицо, вышибив зубы, просто потому, что у тебя перед глазами стоит твой погибший товарищ?

Среди всех этих разговоров о мужестве и силе духа чувствуешь необходимость как-то на все это реагировать. А как? И — зачем? Скажут ли твои дети когда-нибудь: «Да. Я знаю, что мой Отец погиб, защищая Ирак»? Нет. Он погиб вместе со своими друзьями, плечом к плечу, делая свое дело: отстаивая некую расплывчатую и призрачную идею под названием долг. Погиб вместо кого-то еще, кто мог бы оказаться на его мес-

Достаточно один раз ввести человека в курс предстоящего задания, ознакомить его с поставленной задачей, напомнить ему об опасности и риске данной операции, а потом узнать, что он не вернулся, узнать о его смерти — далеко не самой красивой и, Дай Бог, быстрой и почти безболезненной... Вот с этого самого момента ты напрочь забудешь о том, что такое ровное дыхание. Напрочь. Раз и навсегда. Друзья — бесценны, но все, что тебе останется — это плач по ним. Плач бессмысленный и бестолковый. Но ты человек — и ты не можешь не скорбеть. Такова наша природа.

те, погиб, зная, что никогда не переложит эту свою работу на чужие плечи, не скажется больным, не поддастся страху и не подведет в беде. Достаточно

один раз ввести человека в курс предстоящего задания, ознакомить его с поставленной задачей, напомнить ему об опасности и риске данной операции, а потом узнать, что он не вернулся, узнать о его смерти — далеко не самой красивой и, Дай Бог, быстрой и почти безболезненной... Вот с этого самого момента ты напрочь забудешь о том, что такое ровное дыхание. Напрочь. Раз и навсегда. Друзья — бесценны, но все, что тебе останется — это плач по ним. Плач бессмысленный и бестолковый. Но ты человек — и ты не можешь не скорбеть. Такова наша природа.

С этого момента ты начинаешь полностью осознать смысл своего пребывания здесь. И ты будешь бороться каждый день, будешь жить, уже не понимая — зачем. Иллюзии ушли, уступив место зловонию расплавленного металла. Я, мы — все должны досмотреть это до самого конца, так же, как досмотрели

будь то Иисус, Аллах, Будда или кто-либо еще не заповедал: «Иди и пусть тебя разорвет на части, ибо се — к лучшему.» Этот «промысел» — Человеческий, точно такой же, как и эта Война. Нечестная, неправая, непростая... и незаконченная. Как жаль, что здесь нет тех, кто отправил нас сюда. Но, в любом случае, им никогда не будет покоя, пока мы еще существуем на этом свете. И только так. Ну, а мы — мы будем сражаться дальше. И я не сверну с этого пути. Многие забудут о том, что такое жалость и сострадание. Но я не думаю, что мы сможем когда-либо простить всех тех, чья цель — убийство ради эффекта, тех — для кого чужая смерть стала неотъемлемой частью, смыслом существования. Все вместе — да, мы станем суровее, но никогда не скатимся к несправедливости по отношению к кому бы то ни было. И мы не свернем с полпути. Просто не сможем свернуть: оборвавшиеся жизни наших друзей отныне навсегда связаны с нашими собственными.

У нас так мало времени на скорбь, на тоску, смех, память... И на забвение. Каждый грядущий день — как очередной шаг в неизвестность. И мы поднимаемся, скрывая слезы и стискивая зубы... и идем, плечом к плечу... на Зов Долга, отдавая дань павшим.

Джон

В сентябре 2004 года МакКэри завершил прохождение службы и вернулся домой. В апреле 2005 года он был с почетом демобилизован из армии.

Интервью

Михаил

РУССКИЕ В ИРАКЕ

Беседовал Аркадий Бабченко

Михаил — человек уникальной судьбы. Солдатом срочной службы воевал в Афганистане. Служил в спецназе. Застал Таджикистан. С развалом Союза уволился из армии. Работал в службе безопасности авиаперевозок, объездил полмира — российские компании тогда стали активно осваивать Запад, Ближний Восток, Африку. Служил в Израильской армии, четыре раза воевал в Ираке в армии США.

Недавно вернулся на Родину.

У него все хорошо. Есть семья, двое сыновей, свой дом в Подмосковье, в котором вместе с ним живут и его друзья-сослуживцы. Что-то типа пункта постоянной дислокации.

Своего настоящего имени он просил не называть. Выполняем его просьбу. Михаил — это псевдоним.

— Михаил, как ты попал в Ирак?

— В девяностых уволился со службы к чертовой бабушке, работал в системе безопасности авиаперевозок. Мотался по миру... Если помнишь, тогда же все в Америку ломились, всем хотелось получить вид на жительство. А мы туда летали по работе. Ну, и написали заявление в корпус морской пехоты. Официально у них иностранного легиона нет, но есть наборы под что-то конкретное. США еще до 11 сентября довольно активно использовали выходцев из третьих стран, хотя это нигде это не афишируется. В тот момент их интересовал Афган, в частности, Кандагар. Нам было все равно куда, лишь бы грин-карту получить. Но затея эта повисла, никакого гражданства не дали. То языка не хватает, то того, то сего. Они там все нежные, но говорят прямо: «пошел на фиг, ты debil». Говорят — мы с вами свяжемся. Полгода проходит, год... Понятно, пролетели.

Вернулись в грузоперевозки. И в Африке познакомились с одним американцем, бывшим морским пехотинцем. Этот человек занимался набором в Югославию, в международные полицейские силы, но, видимо, параллельно зарядили его

и на Афган. В Москве пересеклись, он дал телефон и предложил прилететь в Италию, там поговорить уже конкретно. Поехал наш товарищ, мы передали с ним документы. В Италии этот амер поставил вопрос: если скажут прилететь за свой счет в какую-то страну и там пройти интервью, вы согласны? Мы согласились. А те, кто говорил: нет, у меня вообще денег нет — тех отфутболивали. Через какое-то время — вызов в консульство...

— То есть, это все было официально?

— А как тут сказать: официально, неофициально? С нашей стороны всем до балды было, что происходит. Россия вся под управлением была: что откуда скажут, то и делалось. Вербовочные центры были не только в Москве — и в Саратове, и в Смоленске. Об этом все знали. Моих товарищей, например, собирали в Италии, в Римини, под табло на вокзале. Сажали в грузовик и отправляли на военную базу. В итоге все равно все попадали в Бахрейн, там основной вербовочный лагерь и учебный центр подготовки. Оттуда потом в Калифорнию.

Но я не думал, что из этого что-то получится. Это на несколько лет все растянулось. То письма по электронной почте приходят. То какие-то звонки, что-то уточняют. Мужик какой-то позвонил: по-английски с ним поговорить. Какую-то фигню поспрашивал, я какую-то фигню ответил. Он про меня подумал — debil, я про него.

Первое конкретное собеседование было в Джексон-Вилле штат Флорида, потом в Арабских Эмиратах, в Дубаи. Потом Бахрейн. Там месяц физподготовки и проверки на коммуникабельность. Отбор был довольно жесткий. Это сейчас

набирают всех подряд, даже если английский почти не знаешь, а тогда отсев большой был

Я попал в соединение, которое было расформировано после первой иракской войны. Но в связи с тем, что я уехал после второго месяца, в академии здесь учился, то с Афганом пролетел, ребят без меня отправили. В Кандагар, в Шиндант и в Мазар-и-Шариф. В Мазар-и-Шарифе погиб у нас парень. А меня распределили в подразделение, которое отправляли в Ирак. Перебросили в провинцию Анбар. Это был уже 2003-й, уже Багдад был взят.

— Ты служил именно в американской армии? Не ООН, не миротворцы, а именно армия США?

— Корпус морской пехоты. USMC.

— Служили вместе с американцами или это было отдельное славянское подразделение?

— Официально мы иностранным легионом не считались, хотя, в принципе, можно было и так назвать. Это пятнадцатый юнит, он был реанимирован военнизированной миграционной службой, я уж забыл, как она правильно называется. В основном там были те, кто когда-то подавал на вид на жительство и проходил где-то там в списках. Русские, ев-

реи, хорваты, белорусы, латинос. Прибалтов много. У них в морской пехоте это общепринято — хочешь, можешь подать заявку, а там тебя будут рассматривать.

— У тебя гражданство уже было на тот момент?

— Нет.

— Кем ты служил?

— Командиром отделения обеспечения. У них первыми идут штурмовые подразделения, спецназ. Если они натывают на сопротивление, сразу вызывают авиацию. Ну, примерно, как наши в Афгане. А мы шли за ними. Второй

началось рубилово, никакие конвои не проходят, посты вырезаются. Плюс политика — Саддам исламистам воли не давал, старался в этом регионе светскую власть поддерживать. Его свержение тут же развязало руки «борцам за веру», те ко всему прочему стали резать суннитов. И вот, с апреля и до августа, пока Ас-Садра не заперли в мечети, шла война. Этот промежуток времени был самым напряженным.

— Ты его захватил?

— Да. Однажды заходим колонной в кишлак. Оттуда «ба-бах!» РПГ. Граната чиркнула по «Хаммеру» и отскочила. Сверху пулеметчик сидит, трещит что-то непонятное, у него английский тоже

Образовались два очага, где началось рубилово, никакие конвои не проходят, посты вырезаются. Плюс политика — Саддам исламистам воли не давал, старался в этом регионе светскую власть поддерживать. Его свержение тут же развязало руки «борцам за веру», те ко всему прочему стали резать суннитов.

эшелон. Батальон, к которому я был приписан, с бритами входил в Умм-Каср. Там солончаки, техника вязла. И они что делали — высадились перед Басрой, отрезали часть иракских сил и стали разрушать коммуникации. Этот батальон обеспечил прорыв. У иракцев продажное, конечно, все было, те гвардейцы, которые там стояли, долго бы не продержались, но сутки там шла натуральная война.

— Вернемся к тебе.

— В 2004-ом началась партизанская война — захватить-то страну захватили, а ее же еще удержать надо. Пошли волнения в Эль-Наджафе и Кербелле — у мусульман это второе место после Мекки, а для шиитов вообще первое, там, говорят, находился Эдемский сад. Огромный регион страны практически вышел из-под контроля. Сформировалась шиитская «Армия Махди», которую америкосы сначала поддержали, а потом с ними же и воевали. Они же думали поставить гарнизоны, назначить в городах наместников и отойти на второй план. А наместников этих стали резать, города вышли из-под управления. Образовались два очага, где

не родной. Но вовремя сориентировался. Я хорошо помню — из кишлака начался огонь и он разворачивает свой пулемет, «Браунинг», типа нашего КПВТ, и начинает фугачить туда. Эти глино-

битные домики разносит в пыль. И я вижу, как оттуда выскакивает человек, пытается убежать, но ему просто оторывает ногу. Мне показалось, он каким-то образом еще на одной ноге пытался бежать. А потом уж песок только столбами...

Русские в Ираке

— Сколько всего ты был в Ираке?

— Пять раз. После ранения меня уволили из морпехов, и я ездил уже в качестве телохранителя и в британском ЧОПе, и в русской миссии. Жаль, что руководители российских компаний мало использовали людей вроде меня. У нас же есть опыт. На Востоке вообще, а в Ираке особенно, все продается. В том числе и жизнь. Может, и вычурно звучит, но удалось бы избежать тех жертв, что были.

— Михаил, скажи... Вот, ты гражданин Америки. Насколько я знаю, при принятии гражданства подписывают бумаги, что-то типа того: в случае конфликта сторон я обязуюсь принять сторону Америки и забыть про свою прошлую родину. Скажи, если представить, что начнется третья мировая, ты выполнишь это обязательство?

— Нет, конечно. У меня такого вопроса даже и не было никогда. Я не воспринимаю ту страну, как свою. Оцениваю это просто как приключение. Возможность была поездить — я и поездил. Хотелось посмотреть, что такое американская армия, посмотрел. Хотелось посмотреть, что такое израильская армия, посмотрел. У меня в жизни все сложилось — я послужил и там, и там. Это можно рассматривать как твои журналистские поездки, но никоим образом я Америку как родину не рассматриваю. У меня Родина здесь. Здесь друзья, русский для меня родной. Таким людям, как я, видимо, нужно специально сунуться туда, чтобы понять, где твоё место. Я просто лишний раз убедился, что никогда не буду человеком без Родины. Кто-то может расценивать, что я продал страну, его дело.

— Наемник?

— Кто как называет. Отношение скорее негативное. Все же сейчас «патриоты». Америка два года назад была нашим главным другом, а теперь же она наш главный враг! Я устал уже что-то доказывать. Если человек не понимает, зачем объяснять? Люди становятся профессионалами, выбирают себе такую судьбу, потом их государство кидает, хотя они воевали за него и в Афгане, и в Чечне. Ну, и что делать? Если мы ничего больше не умеем? Мы же

Интервью

не идем против России. Родина — это моя семья, моя земля, место, где я живу. А какими путями ты цели достигаешь — ты ведь не ворешь, не грабишь... Сейчас вот наши энергетики в Харте выиграли большой тендер. Будут восстанавливать энергосистему в «суннитском треугольнике». Документы все подписаны, Международный банк должен начать денежные транши переводить. Их охранять надо?

— А ты сам себя как ощущаешь — наемник, профессионал, авантюрист?

— Да черт его знает. Когда доходит до дела, Родина становится расплывчатым понятием. Это потом можно говорить: они сражались за Родину, и так оно и будет на самом деле, но в тот момент каждый воюет за себя и за того, кто рядом. Все просто: вот враги, вот друзья. Ты дерешься, потому что тебе надо победить, потому что ты оказался в этой ситуации. А влезть в нее... Я бы назвал это — ощущение жизни. Вот таким странным способом. Там включаются другие ценности — и не самые плохие, надо сказать. Отношение к тебе твоих товарищей и, самое главное, — твоих врагов. Вот этот контраст дает жизненную силу. Это как наркотик. Я видел человека, который потерял ногу — приехал на чужую землю, на чужую войну, остался без ноги, но если бы суждено было повторить, он бы для себя другого не желал. Те, кто это чувствовал, меня поймут. Кто нет, могут назвать идиотом. Каждому свое.

— А у тебя сейчас в голове сложилось, за что ты воевал в Ираке?

— Сначала считал, что это было правильно. Вот эти угрюмые парни, курды, которые там сорок лет воюют и для них Саддам — вражина лютая. Заходишь в Курдистан, и тебя уважают просто за то, что ты здесь. А если еще пару курдских

слов знаешь, вообще лучший друг. Я чувствовал, что я там был нужен. Но сейчас мнение изменилось. Ну, например, бой вот был один. Нам танк придан...ну, в общем, если реально на вещи посмотреть, там два-три боевика было, а расфигачили полкишлака. Или вот еще... не знаю, стоит ли об этом говорить... для меня это трагедия... Короче, колонна попадает в засаду, наша задача — вывести их из-под огня. Мы высаживаемся, пробираемся к дувалу. Заязалась перестрелка. И работает пулемет из окна. Товарищ меня прикрывает, я пробирюсь под самую стену. И тут в наушниках слышу: «Отходить». Мне отходить — стопудово попадаю под огонь. Да и сил уже не хватает. Я кидаю туда гранату. Любой солдат на моем месте так бы и поступил — как учили. Итог: два труп. Мужик и мальчик. Тринадцать лет где-то. Этот моджахед взял с собой сына, из пулемета пострелять. У них тринадцать-четырнадцать лет уже воин считается... Много таких инцидентов было. Зачистка кишлака, стоит солдат, на него выходят двое с «калашниковыми». Он их не задумываясь расстрелял. Оказалось, подростки, вроде, просто нашли автоматы.

— У тебя не клинит башню, из-за того, что ты на чужой войне...

— У меня сын недавно сильно болел, я начал задумываться — а не наказание ли это? Стало тяжело справляться, выходить стало тяжелее с возрастом. Но надо уметь не заикливаться. Человек — это совокупность психонервического вещества, и основная подоплека его поступков — это психика. И если ты ей управляешь, ты можешь делать многие вещи. Поэтому сначала должна быть мотивация вхождения в ситуацию, а затем мотивация выхода. Нужно уметь войти в воду и нужно уметь из нее выйти. И если ты не научился плавать, то войдешь один раз. Уносит кукушку у тех людей, которых к этому не подготовили.

— В мире сейчас Америка в Ираке расценивается как агрессор

— Лирика. А кто мы были в Афгане? Как и в Чечне. Там тоже разносили деревни, только

в путь. Группу Ульмана взять — мирные жители, не мирные жители, как определить? Понятно, что самое простое — это Великая отечественная. Черное и белое. И то — у Прибалтики сейчас своя правда, у нас своя.

— А в Чечне не было желания повоевать?

— Честно говоря, я вообще не понял той войны. На Ближнем Востоке я пересекался со многими чеченцами, которые свалили с началом войны. В одной компании работал парень из Грозного, Мага. Мы с ним дружили, у него брат воевал в Афгане, в Логаре, в одно и то же время в операциях участвовали. Мы друг другу «бача» говорили. А возьми солдата нашего, с этой войны, они для него враги. И по другому быть не может... В Ираке с чеченскими боевиками встречались и стреляли в друг друга. У тех своя правда, у нас своя. Рано или поздно, но черта ляжет...

— Человек-война, это про тебя?

— Ну, может быть... Не знаю. Я вот сейчас в гражданскую жизнь окунулся, бизнесом занялся — и как-то это на второй план отошло. Даже не то что на второй план, я сейчас на распутье — с одной стороны, вроде бы и еще съездил, а с другой стороны, ставить на карту семейную жизнь, опять ее разрушать, не хочется.

— Ладно, с третьей мировой все понятно. А если Россия введет войска, ну скажем, а в какую-то третью страну, совсем чужую, типа Бангладеш?

— Да поеду, ептить. Если большая страна себя позиционирует как Большая Страна, у нее должна быть геополитика. Должны быть свои интересы и в Латинской Америке, и в Африке и уж тем более на Ближнем Востоке. Потенциал-то есть. И многие люди готовы эти интересы обеспечивать.

Майкл С. Дафтариан

ДРУЖЕСТВЕННЫЙ ОГОНЬ

Перевод Анатолия Филиппенко

Когда американские и коалиционные войска хлынули в Юго-Западную Азию для проведения операции «Несокрушимая свобода», тысячи летчиков летали над регионом, нанося бомбовые удары по объектам «Аль-Каиды» и «Талибана» и обеспечивая непосредственную авиационную поддержку. До призыва на действительную военную службу 32-летний капитан Резерва ВВС США Майкл С. Дафтариан работал гражданским летчиком и пожарным. В августе 2002 года его на шесть месяцев направили в Афганистан, где он служил в составе 354-й истребительной эскадрильи 355-го истребительного авиакрыла, базирующегося в Аризоне. Рассказывая об одном из своих вылетов, Дафтариан описывает не только то, насколько непросто с технической точки зрения пилотировать штурмовик А-10 «Уортхог» в суматохе боя, но и то, как пилоту в доли секунды приходится принимать решения, сидя в самолете, летящем со скоростью свыше 400 миль в час (более 640 км/ч), причем в темноте.

В районе, куда мы направляемся, в холмистой среднегорной местности на границе с Пакистаном располагается небольшая американская застава. Мне уже приходилось работать с наземными авианаводчиками переднего края, но в такой темноте я еще не летал. А у моего ведущего — это вообще второй вылет после прибытия в Афганистан и первый ночной полет в здешних местах — он и прибыл-то сюда всего три дня назад.

Мы летим на юг, на четыре часа от меня уплывают вдаль огни Кабула — последнего, а по сути, единственного большого города, да и вообще населенного пункта в этом

бескрайнем регионе. Далеко к востоку от нас — щедро освещенный пакистанский город Пешавар. На юге же нет ничего, и как раз туда лежит наш путь. Впереди возникает какое-то слабое мерцание, там словно весело пляшут огни Святого Эльма. Мы с ведущим переговариваемся по радио, сверяя координаты и быстро перебирая варианты действий. Подходим ближе, и становится ясно, что это светят-ся очереди трассирующих пуль.

Ведущий выходит в эфир на выделенной частоте, вызывая землю: ««Плеймейт», я «Мисти-11»».

Нет ответа — мы еще слишком далеко. До нашего района еще двадцать миль (около 30 километров), но уже понятно, что на земле воюют не на шутку. С северо-востока ведут плотный огонь трассирующими пулями, а вот ответный огонь — надо понимать, от наших ребят — не столь плотен. Кроме перестрелки, к юго-западу от места, где идет бой, я замечаю что-то вроде проблесковых маячков. Увиденное трудно описать словами: похоже на какой-то безумный фейерверк — по земле во все стороны разлетаются римские свечи.

Ведущий делает еще одну попытку связаться с землей: ««Плеймейт», я «Мисти-11»».

Ему тут же отвечают: ««Мисти-11», я «Плеймейт», у нас тут заваруха, — кричат в трубку на земле. — Нас обстреливают из автоматического оружия, они к северу от нас. Где вы, и что можете сделать?»

Действия по непосредственной авиационной поддержке обычно сопровождаются стандартным ритуалом: до входа в район происходит обмен информацией с наземным подразделением, и только после этого экипаж открывает огонь и сбрасывает бомбы. Называется это «9 строк», то есть девять обязательных разделов информации для координации действий, которая передается наземным подразделением самолету, осуществляющему поддержку. Эта информация включает в себя координаты цели, высоту цели над уровнем моря, тип цели, расположение своих войск, ограничения (если таковые есть), средства целеуказания, курс и расстояние до цели при выходе на нее с исходного пункта, и так далее. Но сейчас на соблюдение ус-

Афганистан

тановленной процедуры времени нет, а большую часть того, что нам необходимо знать, мы видим с высоты.

«“Мисти”, я “Плеймейт”, нас гасят с высот к северу от нас, мы под сильным обстрелом. Подавите их. Видите, где они?» — спрашивает авианаводчик.

«Так точно, — отвечает ведущий. — Цель вижу, через минуту прилетим и ударим. Ограничения есть?» Авианаводчик сообщает ограничения — огонь надо вести с северо-запада на юго-восток или наоборот, чтобы случайно не задеть своих. Есть во всем этом что-то нереальное: из кабины самолета я любуюсь великолепным представлением с иллюминацией — по-другому это зрелище не назвать. Тот факт, что люди на земле заняты взаимным уничтожением, осознаешь только тогда, когда авианаводчик нажимает на тангенту рации. Каждый раз при этом слышны очереди и винтовочная пальба на фоне криков.

Авианаводчик выходит на связь, кричит в трубку (совсем оглох, наверное, от всей этой пальбы под ухом): «“Мисти”, я “Плеймейт”, ограничения вы получили, огонь разрешаю, перед атакой доложите направление и цель, у вас... Ложись!»

Передача «Плеймейта» обрывается, а я сверху вижу, как две зажигательные гранаты, выпущенные с высоты, проносятся над землей и разрываются, тут же озаря ярким светом все вокруг.

«Плеймейт» разговаривал с нами по рации и увидел, что в его направлении летят две реактивные гранаты, выпущенные из РПГ-7. Наблюдая за происходящим сверху, я услышал, как они бабахнули как раз в тот момент, когда «Плеймейт» заорал «Пожись!», предупреждая товарищей.

Ведущий вызывает землю: «Я «Мисти». «Плеймейт», ответьте! Как вы там?»

Нет ответа.

Несколько секунд спустя «Плеймейт» снова выходит на связь, он кричит в трубку, как-то неразборчиво, дышит с трудом, как после удара в живот: «Вы... Как понял?... Огонь... разрешаю... Срочно... Жюльет-Папа».

«Жюльет-Папа» — подтверждающий условный сигнал. При проведении операций по непосредственной авиационной поддержке, когда

собираешься вести бомбардировку, поддерживая войска, ведущие бой, они обязательно должны подтвердить, что обстановку осознают, нанесение удара разрешают, и готовы пойти на риск, сопутствующий нанесению ударов с воздуха по участкам, расположенным в непосредственной близости от них, что они осознают тот факт, что поразить может

Я вижу, как по-прежнему летят трассирующие пули противника, как мои снаряды усыпают землю бенгальскими огнями — словно масса фотовспышек срабатывает в сумраке концертного зала. Продолжая давить на спуск, я вожу ручкой управления примерно на дюйм вперед-назад, рассеивая смерть и разрушение по высоте, вместо того чтобы сосредоточить их на одном участке.

и их. В данном случае удар предстоит нанести не только по району, где идет бой, но и в опасной близости от наших, ведь противник находится всего в семистах-восемистах метрах. Учитывая, что минимальное безопасное удаление от точки разрыва 500-фунтовой (227 кг) бомбы составляет 425 метров, ошибка недопустима. Готовясь к первому заходу на цель, настраивая приборы, я мысленно твердил пилотскую молитву: «Прошу тебя, Господи, не дай мне облажаться».

Мы с ведущим скороговоркой договариваемся о плане действий: на первом заходе ударим на бреющем полете из 30-мм пушки, а там уж посмотрим. Вот чем я располагаю: 30-мм пушка с боезапасом в 1170 патронов, две 500-фунтовые бомбы Mk.82, одна кассета на семь реактивных снарядов и одна ракета «Мейврик» класса «воздух-земля». Быстро проверяю положения переключателей: проекционный дисплей в верхней части панели управления установлен в положение для стрельбы из пушки, переключатель пришла светится, данные в резервный прицел введены, переключатель скорострельности 30-мм пушки установлен на максимум, главный предохранитель вооружения снят, в верхней части приборной панели, по центру, светится зеленый индикатор — «к стрельбе готов». Ведущий выходит на связь: «Я «Мисти-1», захожу с юго-востока, цель вижу, к стрельбе готов».

«Огонь... разрешаю!» — устало звучит в ответ голос «Плеймейта» на фоне все того же стаккато очередей.

Ведущий передает: «Ухожу от цели на запад». Одновременно с ним «Плеймейт», наблюдавший за нанесением удара, сообщает: «Второй, работайте дальше на север, оттуда и дальше по высоте...». Подтверждаю прием поправки, переданной «Плеймейтом».

Вскоре после этого передаю: «Я — Второй, захожу с юго-востока, цель вижу». «Второй, огонь разрешаю», — отвечают с земли.

Цель точно слева. Я закладываю крен в 140 градусов, одновременно отводя рукоятку управления двигателем на полхода назад и резко опускаю нос. Затем из пикирования под углом 70 градусов я вытягиваю его вверх, совершая рассекательный маневр и заходя на цель, выходя из крена и продолжая пикировать под углом 50 градусов. Быстро вертится стрелка высотомера, примерно каждую секунду описывая круг против часовой стрелки. Я начал заход на высоте 17000 футов (5181.6 м), и вот уже, пикируя под углом 50 градусов, прохожу отметку 14000 футов (4267.2 м). Когда скорость дохо-

дит до 370 узлов (685.24 км/ч), я выпускаю тормозные щитки, удерживая цель в перекрестье прицела.

«Т-р-р-р-р-р-р-р-р-р-р» —
рокошет пушка, когда я нажимаю на
спуск, выпуская в склон высоты
семьдесят снарядов в секунду.

Я вижу, как по-прежнему летят транссирующие пули противника, как мои снаряды усыпают землю бентальскими огнями — словно масса фотовспышек срабатывает в сумраке концертного зала. Продолжая давить на спуск, я вожу ручкой управления примерно на дюйм вперед-назад, рассеивая смерть и разрушение по высоте, вместо того чтобы сосредоточить их на одном участке. Когда стреляешь по танкам, лучше стрелять кучно, этот метод называют «навел-пострелял-навел». Но здесь лучше стрелять враспыленную — так сказать, одарить своей любовью как можно больше врагов. Кажется, что на пуск я даваю целую вечность, меня слепит вылетающее из носовой части самолета пламя.

Тут до меня доходит, что я стремительно пикирую на горы под углом 50 градусов с воздушной скоростью 440 узлов (814.88 км/ч), а бешено вращающаяся стрелка высотомера перешла уже отметку 8000 футов (2438.4 м), и я отпускаю спуск пушки и тяну ручку управления на себя, одновременно перемещая регулятор тяги вперед. Ухожу от цели вверх под углом 40 градусов и закладываю крен влево на 90 градусов, опуская нос и описывая вокруг цели круг против часовой стрелки.

Я вижу, что противник продолжает вести огонь с северного склона высоты, хоть и не столь сильный, как раньше. Ведущий выходит на исходную позицию и снова заходит с юго-востока. Получает разрешение на открытие огня от «Плеймента».

Он снова уходит от цели на запад, и «Плеймей» выходит на связь с запросом: «Второй, на следующем заходе бомбы сбросишь? Надо этот склон похерить. Они там до сих пор резвятся, стреляют, а нам туда надо».

Отвечаю утвердительно и спрашиваю, нельзя ли в следующий раз зайти с юга, изменив курс атаки (не стоит слишком часто применять одну и ту же тактику) и атаковать с несколько большим удалением от наших, которые начинают разворачиваться всею от границ заставы. На этот раз снимаю с предохранителей бомбосбрасыватели, но 30-мм пушка на всякий случай по-прежнему готова к стрельбе, выбраны четвертая и восьмая подвески, взрыватели установлены на короткий интервал, чтобы две

бомбы взорвались с интервалом в 31 миллисекунду, главный предохранитель вооружения снят, на бомбовой панели светятся две зеленые лампочки. Подходя к цели с юга, я сообщаю: «Я «Второй», захожу с юга, цель вижу».

«Плеймейт» передает «Огонь разрешаю», и я захожу на цель.

Я снова вывожу самолет в пике под углом 80 градусов. Высотомер бешено крутится в обратную сторону, воздушная скорость нарастает, и я слежу за тем, как бомбовый прицел, он же «пиппер», медленно ползет по проекционному дисплею к тому участку в центральной части высоты, откуда противник ведет огонь. Как только индикатор «пиппера» проходит над этой точкой, я нажимаю кнопку сброса бомб и ощущаю легкий толчок, когда самолет освобождается от подвешенных под ним двух 500-фунтовых бомб. Я ухожу от цели вверх под углом 30 градусов, закладывая выраж, выводя самолет в горизонтальный полет, и вижу, как разрываются мои бомбы: одна на вершине высоты, другая на северном склоне, производя сильный эффект фотовспышки. Обе бомбы падают на землю чуть левее той точки, куда я целился, недалеко от наших. Я тут же выхожу на связь. «Плеймейт», я «Мисти-2», как бомбы упали?»

«Плеймейт» не отвечает. К горлу подкатывает огромный комок. Я снова передаю: «“Плеймейт”, я “Мисти-2”, как там бомбы?»

«Плеймейт», я «Мисти-2», ответьте!». В ответ по-прежнему не слышно ничего, кроме прерывистых помех. Глядя сверху на склон, я замечаю, что трассеров больше не видно. Ни одного выстрела, ни с одной стороны. Тут и там что-то горит, но никаких признаков стрельбы — противник не ведет огня с высоты, а наши не стреляют от заставы.

Черт! Черт побори! Ничего нет хуже этого ощущения — когда сбросишь бомбы на своих, на тех, кому прилетел на помощь. «Плеймейт», я “Мисти-2”, доложите обстановку!»

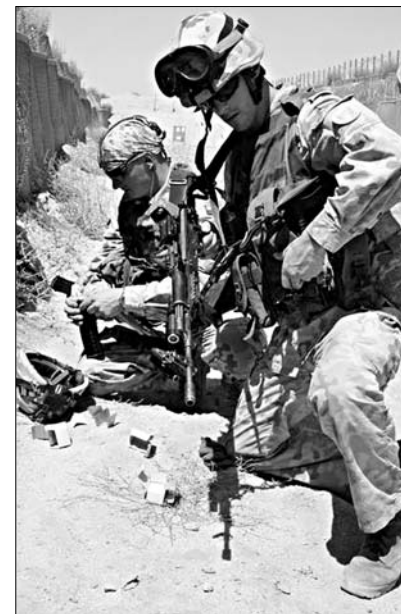
Лишь тишина в ответ.

И тут раздается характерный звук нажимаемой тангенты. Один раз, второй. «Плеймейт» выходит на связь: «Второй... Отлично попали, мы тут до сих пор голов поднять не можем... У нас тут осколки до сих пор сыплются, но склону конец! Вам все, Второй... Первый, сбросьте бомбы на северный склон, подальше».

Чертовски близко было, еще бы чуть-чуть... Но облегчение какое! — не описать словами. Ведущий сбрасывает бомбы на северный склон. Мы делаем еще по два захода, выходя ракетой и обстреливая из пушек острый склон, что у границы — на тот случай, если кто-нибудь попытается уйти тайно в Пакистан. «Плеймейт» сообщает, что все чисто, благодарит нас и предлагает передать оценку результатов бомбардировки с наступлением дня. Задает добро на уход от цели.

«Вас понял, «Плеймейт». Понадобится —зовите, мигом прилетим», — передаю ему в ответ и разворачиваю самолёт, чтобы направиться в Баграм, до которого 40 минут лета. Менее чем через два с половиной часа, вернувшись на базу, проинформировав разведчиков и просмотрев видеозаписи, сделанные во время вылета, я укладываюсь спать.

Через семь месяцев после возвращения из Афганистана в Аризону Дафтериан был снова призван на военную службу — на этот раз ему предстояло обеспечивать непосредственную авиационную поддержку американских наземных частей, которые вели бои на начальных этапах операции «Свобода Ирака».

Афганистан

Роберт А. Линдблом

ДЕНЬ ДРАКОНА

Перевод Анатолия Филиппенко

32-летний капитан ВВС США Роберт А. Линдблом служил в Афганистане в Кандагаре в составе 41-й экспедиционной спасательной эскадрильи. Там в период с февраля по апрель 2003 г. он участвовал в спасательных операциях и руководил полетами. Во время трагических событий, произошедших в его подразделении в марте 2003 г., в неожиданной возникшей критической ситуации, ему пришлось не только разрешать проблемы личного и организационного характера, но и помочь коллегам осознать значение тех жертв, которые приносили они и другие военнослужащие американских сил в этом регионе.

Глядя прямо перед собой на экран компьютера, я не мог боковым зрением увидеть, что происходит в помещении, но чувствовал, что все смотрят на меня. Прозвучавшие слова повисли в воздухе, словно мираж. Я понял смысл сказанного, но рассудок отказывался принимать услышанное. Рация хрипло повторила сообщение.

— «Рокер», «Рокер», «Комодо-11» упал!

Переданное сообщение предназначалось нашему управлению, носившему позывной «Рокер», но любому, кто прослушивал сейчас эту частоту, при этих словах стало бы не по себе — так же, как и мне. Напряжение, звучавшее в голосе, без лишнего слов отвечало на общий невысказанный вопрос: вертолет попал в беду, он не просто совершил аварийную посадку или перевернулся — там кто-то погиб. Как командир звена, я еще дома занимался вопросами боевой подготовки и оснащения с целью обеспечения военного превосходства наших сил на данном театре военных действий. И потому я нес личную ответственность за шестерых членов экипажа, находившихся на борту того вертолета.

«Комодо-11» и «Комодо-13» — позывные вертолетов ВВС HH-60, приписанных к авиабазе Кандагар в Афганистане. Они выполняли задачи по проведению поисково-спасательных операций, т. е. спасению экипажей или вертолетов, пострадавших от огня противника.

Именно этим обязаны были заниматься экипажи «Пейвхоков», поскольку в этом им равных нет. Однако в Афганистане американские военные самолеты и вертолеты сбивались редко, и эти HH-60 часто применялись для эвакуации раненых, пострадавших в ходе наземных боев или по другим, более прозаическим причинам. Спасение американских военнослужащих по-прежнему оставалось нашей главной задачей, но когда в нашем вышестоящем управлении, Объединенном поисково-спасательном центре, наступало затишье, нам то и дело приказывали с авиабазы Аль-Удеид в Катаре, оказывать помощь пострадавшим афганцам — военнослужащим и гражданским лицам. Эти задачи санкционировались главным образом из чисто гуманистических соображений, но был у них еще и дополнительный эффект: они положительно воз-

В тот день нам сообщили о двух больных афганских детях. Один получил жестокие ожоги, и ему грозила серьезная опасность остаться без глаза, а другой сильно повредил голову, скатившись кубарем в овраг.

действовали на местное население. Ничто не препятствует распространению терроризма в столь полной мере, как доброе отношение и проявление доброй воли, особенно когда люди при этом рискуют своей жизнью или многим жертвуют.

В тот день нам сообщили о двух больных афганских детях. Один получил жестокие ожоги, и ему грозила серьезная опасность остаться без глаза, а другой сильно повредил голову, скатившись кубарем в овраг. Они жили в разных деревнях, но довольно близко друг от друга, и мы могли в течение нескольких часов вывезти обоих детей и доставить туда, где они могли получить полноценную медицинскую помощь, в то время как по земле им пришлось бы добираться несколько дней. Но даже «Пейвхок» не смог бы обернуться туда и обратно на одной заправке, требовалось дозаправиться в воздухе. Как раз об этом и было последнее

нормальное сообщение: «Комодо-11» и «Комодо-13» начали действия по дозаправке от HC-130 «Кинг». А теперь нам сообщили, что ведущий вертолет по какой-то причине разбился в ходе этой операции. Подробностей пока не было.

Когда я встал из-за стола, все взгляды обратились на меня. Будучи офицером по оперативным вопросам, я руководил полетами, подчиняясь командиру нашего отряда подполковнику Стайну. Но самое главное, я был его заместителем, и в тот день за все отвечал я сам. Подполковник Стайн вылетел на «Комодо-11».

— Выключить все компьютеры и телефон, — громко приказал я, ни к кому конкретно не обращаясь, но после этих слов несколько рядовых бросились выполнять это поручение. Остальным я сказал:

— За пределами отряда эту тему не обсуждать. Домой не звонить. Понятно?

Поисково-спасательный центр наконец-то ответил на сообщение, которое мы все слышали.

— Повторите последнее сообщение для «Рокера».

Уже другой голос, в котором я признал бортового стрелка «Комодо-13», напряженно-терпеливо сообщил о случившемся в третий раз.

— Рокер, я «Комодо-13». «Комодо-11» потерпел крушение. Повторяю, «Комодо-11» потерпел крушение.

После секундного молчания ему ответили:

— Я — «Рокер», вас понял.

За этим донельзя сдержанным ответом скрывалась лихорадочная деятельность, которая, как я знал, разворачивалась сейчас за тысячи миль там, где было принято это сообщение. Работники центра уже должны были приступить к сбору всей доступной информации и начать согласовы-

вать действия по спасению шести членов экипажа, которые, как известно, были на борту вертолета. В глубине души я был рад, что это они сейчас отвечают за все.

Вскоре после того как «Рокер» подтвердил прием сообщения, командир «Комодо-13» лейтенант Спиндлер вышел на связь.

— Операции по дозаправке прекращены. Идем на посадку к пострадавшим.

«Рокер» подтвердил прием и запросил точные координаты места аварии, чтобы организовать авиационное прикрытие, направив туда находившихся неподалеку истребители-бомбардировщики, и вызвать группу быстрого реагирования для оцепления участка.

В скором времени «Комодо-13» уже был на земле, и на время высадки спасателей, готовившихся обследовать участок, переговоры были прекращены. Пытаясь совладать с собой, я повел плечами, разжал кулаки. Они проводили дозаправку, поэтому в момент встречи с землей их скорость должна была составлять порядка 110 узлов, т. е. свыше 120 миль в час [примерно 200 км/ч]. Шансы на выживание даже одного человека были невелики, не говоря уже обо всех шестерых.

Несколько тягостных минут сообщений не было, затем спасатели передали неутешительные новости: двоих они нашли, оба мертвы. На душе стало очень тяжело.

И вдруг спасателей срочно вызвали к вертолету с «Комодо-13» — к месту аварии направлялись несколько автомобилей. Когда я услышал, как в треске эфира прозвучал ответ «Рокера», во рту у меня пересохло.

— Разведка подтверждает — наших там нет.

Это сообщение вовсе не обязательно говорило о том, что на приближающихся машинах — враг, но вероятность этого оно определенно повышало. А после того, как предупредительная очередь из минигана GAU-2B ни в коей мере их не смутила, вероятность эта еще более возросла.

Как и положено кавалерии, через несколько секунд туда принеслось звено вертолетов AV-8 «Харриер». Моментально оценив, где находятся наши, а где — неустановленные машины, они начали носиться там на бреющем полете, чтобы нарушители спокойствия поняли, что наш вертолет и его экипаж лучше не трогать, потому что внушительная огневая мощь уже наготове. Полностью проигнорировав эту попытку их запугать,

кучка машин все же шла на сближение. К этому моменту экипаж «Комодо-13» засек еще два скопления фар, которые двигались по направлению к ним. Их быстро окружали.

Неустановленные лица в машинах по-прежнему ничем не проявляли враждебности, поэтому AV-8 могли лишь угрожающе летать над ними, не открывая огня. Приняв во внимание, что нападение становилось все более вероятным, экипаж «Комодо-13» благоразумно завел двигатели, взял на борт спасателей и поднял машину в воздух. Вертолет набрал высоту и завис над ближайшей машиной, которая была уже примерно в пятистах ярдах [примерно 450 метрах], поднявшись на безопасную высоту как раз в тот момент, когда

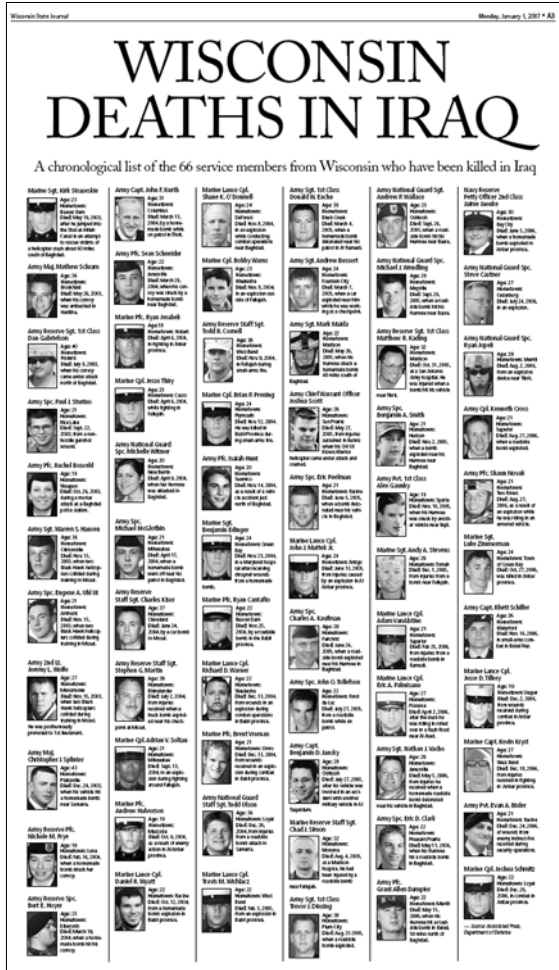
К тому моменту их баки опустели настолько, что они не смогли бы уже добраться до какого бы то ни было американского объекта. А без горючего они были бы вынуждены сесть на какую-нибудь гору, а нам пришлось бы заниматься еще одной машиной, совершившей посадку на враждебной территории. После заправки командир вертолета принял решение лететь в Баграм, до которого было тридцать минут лета, а не болтаться в небе полтора часа, которые занял бы путь до Кандагара.

К этому времени горячее начало кончаться и на AV-8, но им на смену прибыло звено штурмовиков A-10 «Уорхог». И они, в свою очередь, начали летать на бреющем полете, выпуская осветительные ракеты при каждом заходе. Ракеты эти никакой опасности не несли, однако эти действия смогли, наконец, отпугнуть любопытствующих местных жителей — они быстро расселись по машинам и уехали тем же путем, каким прибыли. На какое-то время наши машины и люди, живые или мертвые, оказались в безопасности.

Примерно в это время из центра пришел вызов на переговоры по защищенной связи через Интернет. Мне сообщили, что группа быстрого реагирования доставлена на место на вертолетах CH-47 «Чинук».

Местность была обильно усыпана обломками, и на поиск и спасение всего оборудования требовалось определенное время. Кроме выполнения основной задачи — спасения людей, которые могли оставаться в живых, — необходимо было собрать оружие и источники секретной информации. Члены группы приступили к делу, рассыпавшись по участку, а нам оставалось только ждать, и я краем глаза нервно поглядывал на экран телевизора. Внимание всех СМИ было сосредоточено на Ираке, и Афганистан упоминался лишь мельком, все могло бы измениться, стоило им узнать о нашей аварии с человеческими жертвами. Звук был приглушен, я смотрел, не прерываясь ли поток сюжетов о большой войне красноречивым появлением на экране карты Афганистана или фотографией оттуда.

Не прошло и часа, как мне позвонил лейтенант Спиндлер, сообщивший о своей благополучной посадке. Но затем он сообщил о том, что по пути в Баграм у них возникли неполадки с электропитанием, и мы должны были им помочь, согласовав

грузовики прибыли на место их посадки, где никого уже не осталось.

После этого «Комодо-13» пришлось еще какое-то время полетать, в ухудшающихся погодных условиях и над неблагоприятной местностью, пытаясь восполнить в полете иссякающий запас топлива. Когда им удалось, наконец, подключиться к HC-130, я с облегчением вздохнул.

День дракона

Афганистан

разрешение на проведение ремонтных работ на борту силами армейских механиков. Я поблагодарил его за сообщение и пообещал заняться этим вопросом. Прежде чем повесить трубку, он успел рассказать о том, что они увидели на месте аварии. На самом деле были найдены три трупа, а не два, как считалось сначала, и я прочитал про себя короткую молитву за троих оставшихся авиаторов.

Вскоре после этого в комнате защищенной компьютерной связи закипела работа. С места аварии и из центра начали поступать противоречивые доклады. То они обнаружили двоих живых человек, тут же сообщают, что нашли еще один труп, а живых совсем не нашли, потом говорят, что есть основания полагать, что трупов два, а живой один. Спасательные операции чаще всего так и проходят. Сведения пытаются передавать как можно быстрее, и сообщения с места происшествия бывают порой непонятными и запутанными.

Я попытался совладать с гнетущим ощущением непонимания происходящего — с каждым новым докладом я то обретал, то терял надежду на лучшее. И вдруг кто-то закричал: «Смотрите!», указав на телевизор, стоявший справа от меня, и мы все уставились на бегущую строку внизу экрана: «Вертолет ВВС HH-60 «Пейвхок» потерпел аварию к юго-западу от Кабула. Экипаж, возможно, погиб». Я рассвирепел: там погибли трое наших, а может, и все шестеро. Как можно низводить сообщение о погибших до уровня репортажа о рекордном выпадении осадков в Аризоне или о том, что в Виргинии перевернулся какой-то пикап?

Вскоре после того как эти новости прошли по CNN, меня вызвали из центра на личные переговоры — в специальную компьютерную комнату, где в нашу беседу не были бы посвящены остальные.

— Слушаю, — набрал я сообщение.

— Я замдиректора Центра, — пришел ответ. — Мы установили непосредствен-

ный контакт с группой быстрого реагирования.

— Пнл, — отвечал я, сообщая, что понял.

— Пришло подтверждение... Нашли шесть трупов.

— Понятно. Живых нет? — спросил я на всякий случай.

— Нет... Погибли все.

Вот и получили официальную информацию. Несмотря на слабые надежды, за которые я пы-

тался цепляться, все они погибли, включая подполковника Стайна.

Я в оцепенении сидел на стуле. Все вокруг усталились на меня — понятно было, что мне что-то сообщили, но о подробностях они могли только догадываться. «Общий сбор в ремонтной палатке, — приказал я. — Свежая информация».

Уже через несколько минут я стоял перед небольшой группой авиаторов, еще более тяжело ощущая груз ответственности. Никто не говорил ни слова — вместо обычного трепы в воздухе повисло неестественное молчание, лица людей были мрачны и сосредоточены. Я проклял про себя тот момент, когда принял предложение подполковника Стайна стать офицером по оперативным вопросам и работать у него в Кандагаре. Для такого рода дел опыта у меня было маловато, и я определенно не был руководителем, способным воодушевить людей — а именно это сейчас и требовалось. Я не просто боялся сделать что-то не так, я страшно боялся. А что еще хуже, я опасался, что не смогу решить, что делать, подавшись собственной боязни возможной ошибки.

В конце концов, сделав глубокий вдох, я начал:

— «Комодо-13» ушел в Баграм. Сели благополучно, но у них серьезные неполадки с электропитанием. Им придется сидеть там, пока мы не придумаем, как отремонтировать вертолет и обеспечить их благополучное прибытие в Кандагар.

Мне одобительно и понимающе покивали в ответ, и я, собравшись с духом, приготовился сообщить следующую новость.

— Группа быстрого реагирования завершила осмотр места аварии.

Все как один затаили дыхание.

— Найдено шесть трупов. Живых нет.

Одни повесили головы, другие просто смотрели перед собой, погрузившись в мысли. Один человек беззвучно заплакал.

Какое-то время я стоял и молчал — не потому, что мне хотелось дать им переварить эту новость, но потому что я совершенно не знал, что говорить дальше. С трудом подыскивая про себя нужные слова, я вглядывался в лица людей перед собой. По выражению их глаз я понял, что они хотят, чтобы кто-нибудь повел их за собой. Меня осенило: все очень просто, надо действовать и руководить, вот и все. От меня не требовалось быть безупречным, не требовалось постоянно быть правым, но я должен был руководить. Именно поэтому приказы у военных отдаются именно так, командным тоном, чтобы в напряженной ситуации бойцы не испытывали неопределенности, способной при отсутствии руководителя парализовать подразделение.

Хотел я этой ответственности или не хотел, не имело никакого значения. Я ее теперь нес, и обязан был поднять флаг, который выронил мой командир, и, насколько хватало умения, повести за собой этих людей. Я понял к тому же, что нам сейчас нужна какая-то цель — нужно заняться выполнением какой-нибудь задачи, разрешением каких-нибудь проблем. Людям нужно было что-то делать, иначе они погрязли бы в гнетущей тоске.

— Сержант Уитфилд, — обратился я к сержанту, отвечавшему за техобслуживание вертолетов. — В каком состоянии третья вертушка?

Я не хуже него знал, что единственный из оставшихся у нас вертолетов к боевым вылетам не готов. Как выяснилось, показаниям двигательных контрольно-измерительных приборов доверять было нельзя, а летать без них было небезопасно. Но мне хотелось, чтобы об этом услышали все. Сержант тут же подтвердил эту информацию.

— Вертолет надо отремонтировать, джентльмены. Наших задач никто не отменял, а с неисправным вертолетом на поиск и спасение мы летать не сможем. Починить сможете?

— Так точно, сэр! — с энтузиазмом ответил сержант.

— Если этот вертолет снова сможет летать, будем сидеть наготове с одной машиной, пока «Комодо-13» не вернется домой. Надо будет — полетим с «Апачем» в качестве ведомого. Сколько времени потребуется для ремонта?

— Часов пять-шесть.

— Хорошо, давайте за работу.

Все в помещении ощутили прилив свежих сил.

Я обговорил этот вопрос с командиром отряда армейских «Апачей», базировавшегося рядом с нами в Кандагаре. Он заверил меня в том, что помочь они готовы, и будут находиться в состоянии го-

товности к вылету, сколько нам потребуется.

Вместе с офицером по ТО мы начали думать о том, как получить разрешение на то, чтобы наш вертолет из состава ВВС отремонтировали армейские механики. Мастер-сержант Уитфилд периодически докладывал о состоянии оставшегося у нас вертолета. Дело шло медленнее, чем ожидалось, хотя он и задействовал в ремонте весь личный состав. Помимо этого мы обсуждали со штабом вопросы опознания погибших, выделили людей для сбора личных вещей и подготовки их к отправке родным и близким покойных вместе с их останками.

Кроме того, мы начали подготовку к общему мемориальному мероприятию, которое должно было состояться двумя днями позже. А до этого мы сочли необходимым в самое ближайшее время провести менее массовую, но не менее важную церемонию, поэтому решили перенести стандартную церемонию поднятия флага с утра на полдень. Вместо того чтобы поднять и оставить флаг в его обычном положении, было решено его поднять, а затем приспустить до середины флагштока. После этого я должен был зачитать фамилии наших шести товарищей и объявить минуту молчания. Старший из офицеров ВВС на базе должен был выступить с краткой речью, после чего церемония должна была завершиться молитвой.

День дракона

восемь, самому молодому — двадцать один год. Двое из членов экипажа были обручены, один женился буквально несколько месяцев назад, у троих были дети, у одного — единственный родитель, двоим очень скоро должны были присвоить очередные звания, один готовился уйти по выслуге лет, и все они были моими друзьями.

Я всех их хорошо знал, и уже сейчас мне их ужасно не хватало. Я не мог больше удерживать расправившие меня эмоции. Сначала я по-детски всхлипнул, затем потекли слезы, и я перестал четко видеть бумажный лист перед собой. Я бросился прочь из офиса, низко пригнув голову, быстро преодолел короткую дистанцию до нашей жилой палатки и благодарно окунулся в прохладу, темноту и изолированность от внешнего мира, которые она мне предоставила.

И там-то я выпустил свои эмоции на свободу — несколько минут освобождался от печали, отчаяния и гнева, накопившихся за предыдущие двадцать часов, пока более или менее не овладел собой. Хотя самообладание понемногу возвращалось ко мне, я не пытался остановить поток слез. Стук в дверь вернул меня к действительности.

— Войдите, — сказал я, как можно тщательнее вытирая следы слез.

Дверь осторожно отворилась, в проеме появился тот самый авиатор, что вручил мне листок с фамилиями.

Афганистан

— В общем, сэр, к церемонии все готово.

— Да-да, иду, — ответил я.

Дверь закрылась так же робко, как и открылась.

Непродолжительная церемония с участием небольшого контингента ВВС, дислоцированного на этой базе сухопутных войск, прошла в основном по плану. Когда я громко зачитал фамилии погибших перед собравшимися, я снова не смог сдержать слез. Однако на этот раз я плакал не один — ни у кого из группы людей, стоявших передо мной, не осталось сухих глаз. Кроме военнослужащих нашего крохотного отряда, составлявших менее четверти собравшихся, погибших, собственно, никто не знал. Но они разделили с нами эту потерю, и они понимали, как бы чувствовали себя мы, будь это кто-то из них. Мы все ощутили сильное чувство единения во время церемонии. Меня удивило, насколько сильный терапевтический эффект произвело это скромное выражение уважения к павшим.

Вскоре после поминальной церемонии я почувствовал, что силы начинают мне изменять. До меня дошло, что я уже тридцать четыре часа на ногах. Лишившись адреналиновой подкачки, вызванной грузом ответственности, организм начал отключаться. Я приказал дежурному разбудить меня, если что-нибудь случится, и решил немного отдохнуть. Ложась на койку, я подумал, смогу ли уснуть после всего произошедшего. Только эта, одна-единственная мысль и успела пронестись в мозг, прежде чем я впал в забытие. Я проспал почти четырнадцать часов.

Прошло два дня, а мы по-прежнему ждали возвращения «Комодо-13». Из крупных дел оставалось провести большую мемориальную церемонию с участием всего персонала базы. Она была назначена на вечер. Исполняя обязанности командира отряда, я должен был выступить на церемонии с краткой речью, но больше практически ни за что не отвечал.

Для проведения прощания был выделен самый большой ангар на базе. В нем, как память о первых днях войны, еще виднелись отверстия пробитые пулями и следы повреждений, полученных во время налетов на базу.

Меня всерьез поразило и тронуло то, что в тот вечер там собралось так много людей. В очень скором времени в ангаре можно было только стоять, а ряды пришедших попрощаться с погибшими продолжали расти. Туда в самой что ни на

есть парадной форме пришел даже целый батальон коалиционных сил, дислоцированный в Кандагаре. И, хотя большинство из них не могли понимать сказанного, они хотели выразить поддержку. В очередной раз меня поразило это мощное чувство солдатского братства — погибшие не были их товарищами, но они все равно ощущали эту потерю.

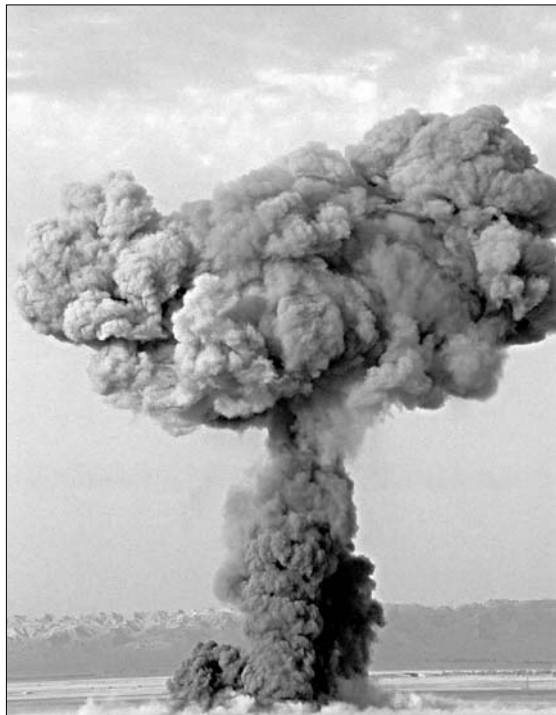
Когда в начале церемонии раздалось траурное завывание волюнок, я почувствовал, как меня снова охватывают эмоции. Решив на этот раз быть собранным до конца, я подавлял свои чувства, пока били барабаны, звучал салют из двадцати одной винтовки, пока показывали слайды с фотографиями погибших, пока говорил капеллан, и пока выступал я сам. Когда все осталось позади, я заметил, как изменился наш маленький отряд. Стоя среди своих, я слышал обрывки воспоминаний, тут и там замечал даже смех и улыбки во время чьего-нибудь рассказа. Мы ни в коей мере не собирались забывать погибших товарищей, но сигнал к закрытию цере-

шили и пережили нечто безмерно важное. Экипажу было предоставлено двенадцать часов на отдых и восстановление сил, а затем мы снова пришли в состояние 100 процентной боевой готовности. Мы откровенно гордились собой. Впереди нас ожидали другие трудности, но нам казалось, что все худшее осталось позади.

В последовавшие за тем недели и месяцы кое-кто ставил под сомнение необходимость гибели людей в ту ночь, когда упал «Комодо-11». Неужели шесть военнослужащих ВВС США должны были погибнуть, пытаясь спасти двоих детей-афганцев из крохотных деревушек, названия которых никто уже и не помнит (позднее мы узнали, что их благополучно спасли другие американские военнослужащие)? Мы скорбели по ним и по-прежнему оплакиваем их гибель, но ни за что не согласимся с тем, что смерть их была напрасной. Во время мемориального собрания в честь экипажа «Комодо-11» в Кандагаре я отдал дань памяти погибшим товарищам следующими словами и я столь же крепко уверен в правоте этих слов, как в тот вечер, когда их произносил:

«Обычно операцию по поиску и спасению представляют так: вертолеты летят навстречу граду пуль, чтобы спасти молодого солдата ВВС или сухопутных войск, который изо всех сил цепляется за жизнь, получив ранение в бою с противником. Тот факт, что этот полет был иным, никоим образом не умаляет важности принесенной жертвы. Суровая реальность операций, подобных тем, что в настоящее время проводят американские вооруженные силы в Афганистане, состоит в том, что мы зачастую не видим результатов своих усилий. Нам даже не дано узнать, какую трагедию мы отвели, и какие катастрофы, может быть, предотвратили за счет нашего присутствия. Каждый новый союзник и друг — это на одного врага меньше в будущем. И пусть их вылет не увенчался успехом — может быть, родители

этих детей когда-нибудь расскажут им о смелых мужчинах и женщине, которые погибли, пытаясь их спасти. Может быть, этого окажется достаточно, чтобы убедить еще одного человека в том, что Соединенные Штаты Америки находятся здесь в духе доброй воли и с добрыми намерениями. Может быть, это будет еще один человек, который не обратит оружие против нас. Именно ради этого они вылетали, и именно поэтому погибли они не напрасно».

Амебы и «мир» в Кабуле

Бранко Влахович

Бранко — ветеран международной военной журналистики. В России работает с 1985-го года. Побывал в Афганистане дважды. За два года до выхода войск (10 дней в Кабуле и Кандагаре) и во время вывода войск через Термез.

АМЕБЫ И «МИР» В КАБУЛЕ

Перевод Ильи Плеханова

Каждый раз, когда я вижу цифры потерь советских солдат в Афганистане, я спрашиваю себя: зачем они гибли так далеко от своих домов? почему посылавшие их на смерть не делали то же со своими сыновьями? И я вспоминаю две свои поездки в Афганистан, в страну, многие провинции которой выглядели как фотографии с Луны. Везде была желто-коричневая глина и большие облака пыли.

Перед Днем Победы в «Аргументах недели» военные историки напечатали статью под названием «Генштаб подсчитал потери», в которой объявили официальные данные о советских, а затем уже и российских солдатах, погибших в войнах от Гражданской и до Чеченских. В этой статье было написано, что за десять лет войны в Афганистане погиб 14 751 советский воин. 15 000 — это только погибшие, раненых куда больше. Скорее всего, это вполне реальные цифры, поскольку уже нет причин скрывать потери. Если военные историки могли бы узнать о больших потерях, они бы написали правду. До вывода войск из Афганистана в советских газетах вообще не публиковались данные о погибших.

В качестве аккредитованного корреспондента издательского дома «Вестник» из Загреба я в первый раз работал в СССР с 1985 по 1989 гг. В начале войны советские газеты очень редко писали о тяжелых условиях в Афганистане, в многочисленных репортажах в газетах и на ТВ власти создавали образ мирной жизни в этой стране. Телерепортеры с обожженными солнцем лицами говорили о душманах, об их жестокости и о победах советских войск. В большинстве случаев печатались материалы, в которых афганцы благодарили СССР за помощь. Настоящая правда очень трудно доходила до советских граждан, потому что в стране была цензура. Только те, кто не боялся за свою карьеру, смело рассказывали, как они воевали в Афганистане. А то, что советские солдаты гибнут в Афганистане, было видно по кладбищам. Несчастные родители, кроме дат рождения и смерти, указывали на мраморных плитах и место гибели сыновей. В эти годы пресс-центр МИДа время от

времени организовывал для иностранных корреспондентов поездки в Кабул и другие города Афганистана.

Несмотря на то, что Югославия не поддерживала ввод советских войск в Афганистан, в одной из этих поездок побывал и я. Самолетом Аэрофлота из Москвы мы долетели до Ташкента, потом в Кабул. Накануне отъезда советские дипломаты, с которыми мы сотрудничали в пресс-центре, доброжелательно советовали нам быть внимательными, потому что ситуация в Афганистане была достаточно сложная. Я должен подчеркнуть, что иностранным корреспондентам никто не говорил, что надо приукрашивать ситуацию. Это оставили на нашей профессиональной совести.

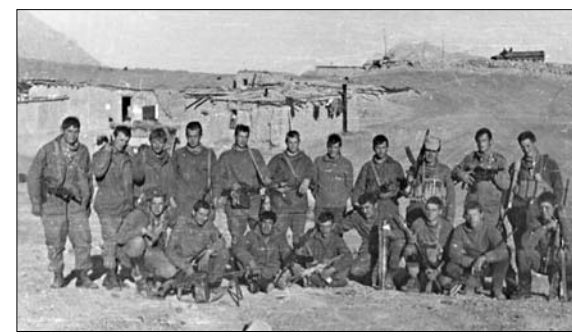
Иностранные журналисты должны были по замыслу советского руководства написать о том, как выглядит Кабул и Афганистан изнутри. В западных газетах печатали репортажи корреспондентов, приезжавших туда по приглашению душманов. Их маршрут был хорошо известен: они приезжали в Пакистан, затем через горы моджахеды проводили их по своим базам. Конечно, они в своих репортажах фиксировали мужество душманов, писали о том, что моджахеды наносят огромные потери советской стороне.

Первое впечатление о Кабуле было очень неприятным. При заходе нашего самолета на посадку, в воздух поднялись вертолеты, которые отстреливали тепловые ловушки. Пытались обмануть стингеры, которые душманы получали от американцев. Аэропорт находился в горах, поэтому была велика опасность, что враг может своими ракетами сразить наш самолет. Когда мы все-таки приземлились, нас быстро посадили в автобусы и отвезли в отель «Континенталь», построенный еще до войны. Это была единственная хорошая гостиница в Кабуле. Оттуда хорошо была видна панорама города. По-

том нас отвезли в советское посольство, где мы прослушали уже хорошо знакомую историю об афгано-советской дружбе, в которую уже мало кто верил. В посольстве нам доброжелательно сказали, что вечером нам нельзя гулять по городу, лучше оставаться в гостинице. Особенно было опасно нам, голубоглазым славянам.

В течение дня торгаши на прилавках предлагали товары своим главным покупателям — советским солдатам и офицерам. Товар со всего света завозили из Пакистана. Для многих советских солдат это был первый выезд за границу, поэтому, конечно, они хотели вернуться домой с подарками. Редкий иностранец, побывавший в Кабуле, не покупал в качестве сувенира афганские ковры. Нам, корреспондентам, было не до сувениров. Самым важным для нас было написать свои репортажи и вернуться в Москву.

С первой большой неприятностью иностранные корреспонденты столкнулись в первый же вечер. Гигиена в городе была на очень низком уровне, и, несмотря на то, что наша гостиница считалась лучшей в городе, мы все коллективно подцепили дизентерию, съев на ужин плохо промытый салат. На наше счастье, эти дизентерийные амебы были не так страшны, как африканские, поэтому после нескольких принятых вовремя таблеток все нормализовалось. Но пока лекарство не действовало, никто не мог даже выйти из гостиницы. Единственным нашим утешением было то, что дизентерия все одно лучше пули в голову. Я позвонил по телефону заместителю нашего посла в Кабуле. После того,

Афганистан

как я рассказал о своих проблемах, он начал смеяться, поскольку все иностранцы в Кабуле проходили через такое. Он отправил таблетки с водителем. Вскоре я уже навещал его. Жена заместителя посла была также журналисткой. Она была талантлива и быстро выучила афганский язык, и поскольку имела возможность общаться с местным населением, то достаточно хорошо понимала ситуацию. То, что она рассказывала мне, было очень ценной информацией. Она объясняла мне разницу между племенами. Благодаря полученным от нее сведениям, я сам стал более или менее понимать, что к чему в Афганистане.

На другой день был запланирован визит в советскую часть. Несмотря на то, что журналисты поздно легли спать, утром все проснулись очень рано. Все разом в своих номерах вскочили с кроватей. Прогрел сильный взрыв. Я бросился на балкон, чтобы взглянуть, что произошло. Облаков не было, но в городе был виден густой дым. Мне сразу стало ясно, что это был именно взрыв. Моджахеды подорвали заряды. Уже потом афганцы объяснили мне, что бомбу заложили в один из автобусов. Взрыв произошел на многолюдном утреннем маршруте. Погибло и было ранено очень много людей...

Руководство советской армии старалось показать нам, что советские солдаты живут в нормальных условиях. Бараки, в которых они спали, действительно были чисты и ухожены. Но из-за жары спать в них было все равно невозможно. Уже в начале осени, когда начинаются первые дожди, жирная глина образовывала на дорогах настоящее вязкое болото. В результате этого передвигаться становилось очень сложно, разве что на бронетранспортерах. Нам показывали фотографии, на которых было видно, что для разнообразия солдатской жизни из Москвы приезжали знаменитые артисты. В разговорах с нами офицеры говорили, что они совместно с лояльными афганцами держали под контролем весь Афганистан. Было ясно, что это все относительно. Они контролировали лишь Кабул, крупные города, а также главные дороги. Все остальное было ничьей землей, передвигаться по которой было очень опасно, поскольку моджахеды могли напасть в любой момент. Они умели выжидать свою жертву, как змеи... Ясно, что моджахеды имели массу преимуществ, поскольку они воевали на своей земле и знали каждый холм, каждый кустик. Советские солдаты признавались,

что им потребовалось достаточно долго времени, чтобы привыкнуть к сильной жаре и новым для них ландшафтам.

В один из дней советские офицеры пригласили нас поехать с ними из Кабула в Кандагар на бронетранспортерах. Стояла жуткая жара, поэтому в машинах было просто невыносимо. Над нами летели вертолеты, вдруг они начали стрелять, им что-то показалось странным. Затем наша колонна вновь тронулась. Места, через которые мы проходили, были действительно тихие. На улицах мы практически не видели людей, оживленно было только на базарах. Все выглядело очень бедно. Единственные хорошие дома были построены строителями СССР. В моменты откровенных разговоров советские солдаты говорили нам, что многие афганцы симпатизируют СССР. Хотя в городе, совершая покупку днем, невозможно отличить лояльного продавца от того, кто, придя в свой аул ночью, возьмется за оружие.

Нас интересовало, есть ли действительно опора советской власти среди афганцев, можно ли пойти вместе с кем-нибудь из них в разведку? Для группы иностранных журналистов организовали

напечатана по всему миру, на меня это произвело очень тяжелое впечатление. Я знал его до виселицы и увидел во время казни на фото... На Западе было много злорадства по тому поводу, что так сурово был наказан человек, веривший руководству СССР. Я предполагаю, что на Западе не подумали, что через много лет из Афганистана будут приходить вести о том, как талибы наказывают граждан и солдат западных стран. В этом смысле западный блок хотя бы уже добился некоторого равновесия.

В течение моего пребывания в Кабуле, мы посетили военный госпиталь. Впечатление очень тяжелое: всюду молодые люди, ставшие в этой стране калеками. Посещение госпиталя только подтвердило, что в Афганистане гибнет и калечится очень много людей. Там я понял, что такое «черный тюльпан» и «груз 200». Когда тебя приводят в больницу, чтобы ты увидел всю эту страшную мясорубку, кажется, что это не самый разумный шаг. Но это не была ошибка советской пропаганды. Я потом понял, что они тогда готовили почву для общестественности для вывода войск.

Только когда руководство СССР решило вернуть войска московские журналисты начали все чаще открыто писать о погибших и раненых в этой войне. То, что советские солдаты бессмысленно гибнут и их лучше вернуть на Родину, я слышал в разговорах представителей МИ-

Да еще во время посещения Кабула. В то время, когда мы были один на один с афганскими переводчиками, они нам откровенно говорили, что лучше бы русским уехать домой. Они вообще не стеснялись открыто говорить, что нет причин для присутствия советских солдат в их стране. На вопрос, не боятся ли они, что без советской помощи их быстро одолеют противники, они отвечали, что найдут с ними компромисс. От этих переводчиков я не услышал ни одного благодарного слова в адрес советских воинов. Сложилось впечатление, что СССР зря тратил огромные средства на строительство школ и больниц, дорог и т.д. Большинство афганцев, с которыми мы общались, осуждали присутствие советских солдат в Афганистане.

Со всеми переводчиками мы общались только на русском языке. В нашу группу журналистов входили представители многих стран, например, итальянцы. Мне запомнился известный потом на весь мир Джульетто Кьеза, из русских — ныне совладелец Интерфакса — Терехов. Такие

Амебы и «мир» в Кабуле

группы из иностранцев появились только где-то за два года до конца войны. До этого в Афганистан допускались только советские репортеры и журналисты из стран Варшавского договора. В загребском издании никто мне не указывал, в каком ключе освещать события в Афганистане. В своих репортажах я старался писать, что я реально видел. У руководства СССР уже назревало желание прекратить эту войну, и у них больше не было необходимости морочить нам мозги. В Югославии руководство страны с первого дня считало, что афганская война — это ошибка. Большинство материалов приходило к нам в страну через западные агентства, поэтому понятно, какую картину они воссоздавали, какое настроение преобладало среди простых людей. Люди думали: моджахеды разгромили то, разгромили это..., а в это время прозападные издания гласили: моджахеды молодцы.

Афганистан — это не государство, афганцы — не нация, это отдельные племена, они и сегодня живут как племена. Каждая чужестранная армия должна понимать, что от взаимоотношения с этими племенами зависит и настрой местных жителей. Наблюдая сейчас, что творится в Афганистане, я понимаю, что Запад получил бо́льшую кару за то, что помогал моджахедам бороться против СССР, они сейчас расхлебывают ту же кашу. Запад не знает уже, как выйти из этого «живого болота». Аме-риканцы настаивают, чтобы на их стороне выступало как можно больше солдат и инструкторов из европейских стран, чтобы они могли говорить, что находятся там с международной миссией мира. Буш-старший мог бы вспомнить, что советские солдаты тоже выступали там с миссией мира и пытались делать невозможное: поднять страну на более высокий уровень. Они думали, что там можно построить социализм. Многие молодые советские солдаты и офицеры действительно верили, что они оказывают братскую интернациональную помощь афганскому народу. Советское руководство совершило большую ошибку, приказав войти войскам на территорию Афганистана, советская разведка ошиблась в своем информировании ЦК КПСС, что для того, чтобы опередить американцев, войска должны обязатель-

но войти. А когда выводили войска, Горбачев и Шеварднадзе совершили еще одну ошибку, оставив Наджибуллу совершенно одного без какой-либо поддержки. Ему не хватало материальной помощи в виде запчастей, топлива, боеприпасов. Руководство Кремля должно было понимать, что и поражение Наджибуллы будет признано и поражением СССР в Афганистане. Почему Горбачев и Шеварднадзе так себя вели? Это легко объяснить. Во времена перестройки самолюбивый Горбачев думал, что он может поменять мир, и что его будут помнить как одного из крупнейших в истории миротворцев. Он и грузинский фельдшер тайно встречались с западным руководством, а затем иностранные СМИ вознесли их до небес. Во многом неопытные политики, Горбачев и Шеварднадзе, действительно поверили, что мир изменился и уже никогда не будет войн. На мой взгляд, именно они главные виновники того, что СССР не избрал более мудрый способ выхода из Афганистана, чтобы ни у кого не было возможности говорить об Афганистане, как о советском Вьетнаме. Автор этих строк уверен, что все советские солдаты должны были вернуться на Родину, вместо того, чтобы там гибнуть, и что советское руководство должно было предоставить необходимую помощь президенту Афганистана. Для Горбачева сорвать аплодисменты на западной сцене оказалось важнее жизней людей.

Сегодня мы все задаемся вопросом: чем закончится миссия США в Афгане? Скорее всего, это будет второй Вьетнам. Если бы американцы эту свою акцию вели в координации с русскими, не допускали бы экспорта афганских наркотиков, многие проблемы были бы решены. Это только вопрос времени — когда американские союзники начнут уходить из Афганистана. В конце концов, там останутся только янки и подхалимы из бывших соцстран, которые хотя бы показать свою лояльность новым хозяевам из Вашингтона. Потому что эти сами американцы и их западноевропейские союзники рано или поздно уйдут из Афгана (недавно убили еще одного немца, еще нескольких убьют и вся Германия встанет на уши).

Я помню и тот солнечный день, когда генерал Борис Громов переехал с флагом на бэтээре реку Термез. Нас специально привезли на самолетах освещать это событие. По колонне тоже было видно, что она специально готовилась к мероприятию, а не пришла маршем. Верил ли я что

это последняя колонна, и, как заявлял Громов, что за его спиной нет ни одного русского солдата? Тогда я об этом не думал, был важен сам политический момент. Тогда Громов говорил об интернациональной помощи, мужестве советских солдат. Потом я имел возможность говорить с генералом Громовым, который участвовал в последнем пленуме ЦК КПСС. Он поменял свою позицию и начал говорить, что Афганистан был большой ошибкой, руководство не должно было отправлять солдат туда. Благодаря этим словам, Громов стал известным политиком и губернатором Московской области. Люди же, которые погибли или стали инвалидами в Афганистане, никакие политические карьеры сделать не смогут. Годы проходили, а в России слово «афганец» получало все большую негативную окраску, потому что люди забыли мужество и страдания солдат, искренне веривших руководству своей страны, которое отправило их жертвовать своими молодыми жизнями.

Жизненный опыт и огромный личный стаж журналиста убедили меня в том, что во всех странах существует одна и та же формула: в войнах больше всех страдает и гибнет бедная часть населения, а те, кто больше всего говорит о войне, стараются прятать своих детей в надежных местах. Трагедия всех войн в том, что людей, сидящих в кабинетах, не интересует, что солдаты задаются вопросом: а за что мы страдаем здесь? Почему мать должна остаться без своего единственного сына, погибшего за какой-то Кандагар? Что там для России? Это сказки, что там огромные богатства... Что за интернационализм? Интернационализм — это, когда ты приезжаешь в Белград, и тебя принимают как родного... как сербы русских и русские сербов, но о чем говорить, если я ночью не могу пройти от одного дома до другого. Поэтому оказывается, что человеческие жизни имеют разную цену...

Бранко Влахович
«Вечерние Новости» (Белград)
Специально для Альманаха
«Искусство Войны»

Афганистан

Андрей Грешнов

Лейтенант. Июнь 1979-август 1980 - военный переводчик группы Советских военных советников в ДРА (4-я танковая бригада ВС ДРА) г. Кабул, Джелалабад. 1983-1987, 1989 - корреспондент ТАСС в ДРА.

Сайт «история Афганских войн»

<http://www.artofwar.net.ru>

КАБУЛ СЕГОДНЯ

Первое, что бросается в глаза на подлете к Кабулу, кроме гор, — кабульский централ Пули-Чархи. Как новый. Это «колесо телеги» с восемью спицами, кажется, вовсе не изменилось с 80-х годов. Все по-старому. Два «луча» — два блока для «наиболее уважаемых» арестантов — блестят оцинковкой, остальные «лучи»-блоки потускнели. Там сидят бандиты, по всей видимости. Старая, знакомая картина. Как будто бы и не улетал отсюда никогда. Правда, ощущения от встречи острыми назвать нельзя, просто тупая саднящая память.

Тепловые ракеты не отстреливали — больше по самолетам из ПЗРК не работают. «Северяне» охраняют подступы к аэродрому со знанием дела. Пока мы сядились, в небо поднимался американский транспортник цвета хаки. На аэродроме стояли итальянские борта, много гражданских самолетов. Среди них — белоголубой Боинг авиакомпании «Ариана».

Вышли по тропу. Очень тепло, но еще не жарко. Асфальт еще наш, с тех самых времен. За эти годы его никто не ремонтировал. Но он и не разрушается. Во времена СССР здесь все делали на совесть.

На месте нашей Пересылки идет какое-то большое строительство — там работают экскаваторы и краны, бульдозеры. Шумят отбойные молотки, клубится пыль. Чуть ближе к аэродрому, где стоял ОРТБ (ПВО), уже что-то построили — низкое, приземистое, но «реконструкция» все еще продолжается.

Снимать здесь нельзя — охранная зона и куча «следающих». Тут и безопасность (сейчас называется не ХАД, а просто «эс-тэхбарат»), и полиция (бывший царандой). Все с бородками, почти все северяне (не пуштуны). К иностранцам относятся нагло, но к «шурави», в общем, нормально. Я бы сказал, спокойно и даже приветливо.

Меня встретила сотрудница посольства Вера, милая и приветливая женщина. Ехали в легковой «Тойоте» с красными номерами, на переднем сиденье — охрана. Также приветливый молодой человек, в гражданской одежде. Номера американ-

ского образца — не длинные, а квадратные. Хотя в Кабуле полно машин и со «старыми» номерами. По зеленому и белому «советским» табличкам с полустертыми цифрами можно безошибочно определить, кто, когда и где их «позанимствовал».

Прямая, как стрела, «европейская» дорога в город от кабульского международного аэропорта, через полтора километра заканчивается, упираясь в бронированные железобетонные редуты, ограждающие от внешнего мира некогда самую красивую и широкую центральную улицу афганской столицы, ведущую к площади Пуштунистана.

Впрочем, саму площадь увидеть можно, но для этого требуется преодолеть несколько кварталов избитого войной, гусеницами и колесами пути, буквально прорываясь к ней в потоке машин и запряженных ослами и людьми телег. На заблокированной со всех сторон улице располагается посольство США.

На вышках, венчающих многометровые крепости из бетона, металлической сетки, надолбов, колючей проволоки, стоят пулеметчики, зорко всматриваясь в проезжающие мимо автомобили. Доставать фотоаппарат именно здесь местные жители не рекомендуют — могут воз-

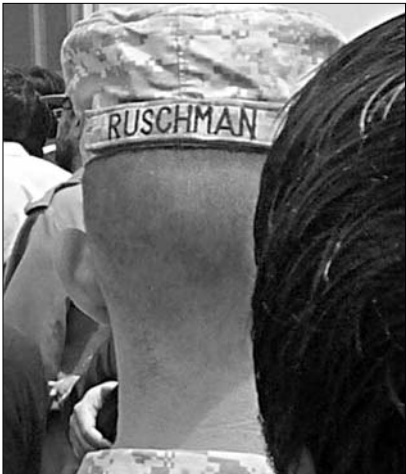
никнуть крупные неприятности. Да и отблеск линзы объектива могут запросто принять за оптику другого рода.

Президентский дворец, радио и телевидение Афганистана, здание Минобороны Исламской Республики, в котором в 80-е годы прошлого века размещался Центральный комитет Народно-демократической партии Афганистана, оказались заблокированными от внешнего мира в целях обеспечения безопасности «цивильных» граждан США, которые в город носа не кажут. Но их сограждане в военной форме корреспонденту РИА Новости встречались неоднократно.

От проносившихся как пули конвоев бронетехники США надо держаться подальше. Лучшее, что может ждать водителя легковушки, даже с красными дипломатическими номерами, не заметившего колонны, — брошенная американцами в стекло бутылка или банка, а с обычными городскими номерами белого цвета — пулеметная или автоматная очередь.

Всем иностранным гражданам рекомендуется немедленно изменить маршрут движения, если в поле зрения вдруг попадает американская военная колонна, и объехать ее стороной. Иракский синдром американцев перекинулся на Кабул.

То, что американцы такие «злые на всех», понять можно. Боевики движения «Талибан» избрали их в качестве мишени для проведения терактов. Если в войне 80-х годов 20-го века теракты с участием смертников в афганской столице не происходили (моджахеда берегли свои жизни для продолжения вооруженной борьбы), то сейчас воины Аллаха применяют их повсеместно. Недавнее нападение на

американский конвой на дороге Кабул-Джелалабад с жертвами и сожженными машинами — яркое тому подтверждение.

Каждую неделю в различных районах афганской столицы гремят взрывы. Но местные СМИ, находящиеся под негласным контролем иностранных советников, о них сообщают крайне редко и неохотно. В Кабуле все спокойно. Новости в прессе или на телевидении о совершенных терактах появляются лишь тогда, когда эти факты невозможно замолчать ввиду обилия жертв или масштаба разрушений.

Отличить американский военный конвой от французского или, скажем, турецкого весьма легко. Все, кроме американцев, вывешивают на бронетранспортеры флажки национальных цветов. Впрочем, иногда от талибов перепадает и им, хотя в несколько меньшей степени, чем американцам.

По словам местных жителей, военнослужащие США часто применяют оружие, не разбираясь, кто сидит в приближенной на «опасное» с их точки зрения расстоянии машине. За человеческие жертвы среди мирного населения они ответственности не несут в связи со «сложностями военного времени». Да и афганцы привыкли к предложенным американцами правилам «игры». Если раньше выстрелы по безоружным людям были событием для афганской столицы, то сейчас к этому уже привыкли.

Афганцы вообще привыкают ко всему плохому и страшному очень быстро. Длящаяся уже 28 лет непрерывная война — то с Советским Союзом, то среди различных группировок моджахедов, то с боевиками движения «Талибан» — сделала их такими. Человеческая жизнь не стоит сейчас здесь и копейки, хотя общечеловеческие ценности провозглашены правительством Хамида Карзая как одна из главных целей построения исламского государства.

Афганская столица лежит в руинах. Старый и новый кабульские «советские» микрорайоны, где некогда проживали тысячи семей советников и специалистов, офицеров афганской армии и Царандоя (народной милиции), невольно вызывают к сравнению с домом Павлова

в Сталинграде. И это после проведенного «ремонта» и реконструкции.

Уцелевшие дома носят на себе следы осколков снарядов и пуль, кое-где они замазаны цементом, но не везде. Несмотря на «реставрацию», картина все равно удручающая: по «старому» микрорайону проехать на машине практически нельзя — вокруг домов зияют многометровые котлованы, вырытые для ремонта труб водоснабжения и канализации. Эти ямы отрыты уже очень давно, однако ремон-

Каждую неделю в различных районах афганской столицы гремят взрывы. Но местные СМИ, находящиеся под негласным контролем иностранных советников, о них сообщают крайне редко и неохотно. В Кабуле все спокойно. Новости в прессе или на телевидении о совершенных терактах появляются лишь тогда, когда эти факты невозможно замолчать ввиду обилия жертв или масштаба разрушений.

тировать коммуникации, кажется, никто не собирается.

У блока (так называют в Афганистане дом) номер восемь, где я проживал в середине 80-х годов, группа опрятно одетых мужчин в возрасте от 45 до 60 лет собралась посмотреть на иностранца, шелкающего фотоаппаратом. Узнав, что иностранец русский, они горестно улыбнулись: «О, шурави (советские)!.. Как жаль, что вы ушли отсюда. Как жаль, что мы с вами воевали! В какой квартире Вы жили? А, на четвертом этаже? Там сейчас живет Фазыл. А старые хозяева все давно уехали отсюда и больше никогда сюда не вернутся! Жаль, жаль».

Микрорайон — отдельная тема. Он был «старый» и «новый». Каждый из вас

может вспомнить себя — город своего детства, своей молодости, свой двор, свой дом. И все, что связано с этими, уже уходящими в небытие, понятиями. Друзья и подруги, честность и бессовестность, храбрость и трусость, любовь и ненависть. Я в этой стране не просто работал, но еще и жил. Слишком много времени провел, честно говоря. Наверное, поэтому, воспринимал ее как родину. Представьте себе молодого человека, который начал тянуть свою афганскую «одиссею» в 22 года, а вернулся «домой» в 32. Наверное, самые лучшие годы были отданы этой стране. И, честно сказать, сейчас самому непонятно, как можно было променять тогдашнюю молодость на сегодняшнюю, не скажу «мудрость» — скажу «понимание»: зачем и почему был там. Но Афганистан платил мне добротой за эти годы. Даже не сама страна — люди. Вам может показаться, что они другие. Это не так. Каждый хочет жить счастливо, без войны. Мы отняли у многих из них простое счастье — быть дома, рядом со своими детьми, женами, любимыми, ездить на рыбалку, просто шептаться в кустах. Почему мы все думаем, что это нужно только нам? Почему никогда не думаем, что эти «дикие» «средневековые» люди не хотят того же? В конце концов, многие из них просто были такими же, как мы — горячими,

ничего не понимающими и стремившимися уничтожить врага, вторгшегося на их Родину. Оставьте их в покое, наконец. Они достойны лучшей жизни. Они — люди.

Мои воспоминания. Они, конечно, несравнимо теплее, даже горячее, чем сегодняшняя жизнь моих детей.

Каждый дом в Микрорайоне — что старом, что новом — определенная вежа в жизни. 115-й блок в июне 1979 года был первым от круга, с которого начиналась дорога на Джелалабад. Она тянулась вдоль почти незастроенных участков песчаного неудобья. Потом, в день антияновского переворота, там поставили противотанковое орудие, а жены советников кормили солдат своим борщом. Это была асфальтированная дорога. Правее и чуть ниже от нее в то время шла еще одна дорога — проездная грунтовка. Они смыкались где-то в районе Пули-Чархи, откуда

Афганистан

до горной трассы и до старой «английской» заминированной дороги было рукой подать.

Первый раз в жизни поехали по этой дороге. На грунтовке при нас черный «Мерс» задавил мальчика. Хозяин «Мерса» дал денег его отцу, и все уладилось через 10 минут. Для нас это был шок, для меня уж точно.

Незадолго до отъезда из Кабула, спустя 10 лет, я вышел на совершенно пустую дорогу из «парадных» ворот посольства, чтобы пройти через Дар-уль-Аман («Ворота в спокойствие») и пойти к своей вилле. На совершенно пустой дороге материализовался бронированный «Мерседес» Минобороны. Справа из ниоткуда возник мальчик. Машина переехала мальчика, разбросав по дороге его кишки. Они были сизо-розового цвета, как у курицы. Наверное, у всех детей такие внутренности. Круг замкнулся, и я уехал вовремя, выпросив себе поблажку в Отделе кадров.

Снялся у окон своей квартиры. Тупая, шемящая сердце память. Взрывов эмоций нет. Дом стоит неразрушенный, на 4-м этаже, как и прежде, сушится белье. Сам дом особо от войны не пострадал. Крайний раз впервые после первого своего пребывания в Афганистане я его наблюдал после тех событий аж в 1983 году. Прошло два с половиной года. Знал, что там никого уже нет. Но поднялся и спросил. Вышла дамочка и сказала: «Что же Вы, молодой человек, столько ждали? Я Вас помню». А как же иначе?

Память не бьется осколками и пулями. Ничем.

Стою. Подходит женщина, лет 45-55. Видит меня и говорит: «Я еще тогда говорила тем, кто радовался, когда ваши солдаты уходили: посмотрите, что станет с нами. При вас все было чисто, опрятно, очень спокойно. Посмотрите, что они сделали с нашим городом!». Потом неотвязно звала меня к себе в гости, пить чай. Я вежливо отказался несколько раз. Но если бы был не по делу и подольше, то обязательно бы пошел — хотелось посмотреть, кто ее муж, какие дети. Отказался не из-за надуманной занятости

и какого-то «превосходства». Просто было не время. А может быть, я ошибся.

Никогда не стоит думать о людях худшего. Худшие представления рождаются из нашей испорченной войной психики. Иной раз можно пропустить нечто очень важное, что исходит от сердца, загородившись броником непробиваемого душевного холода. Зачем? Можно проворонить что-то очень важное...

На базаре огромная помойка нечистот. Скажу сразу: эта помойка меня не зацепила, а вот родная помойка, правда полуразрушенная, у 8-го блока, где я жил с 1983 по 1987 год, вызвала просто приступ безумной радости. Останки от нее есть, и что самое главное — мусор там тоже есть. То есть, действующий объект! Именно в этой помойке я похоронил свои новенькие импортные, привезенные в то время из Москвы, мокасины. Я не стал снимать эту помойку, побоявшись, что водитель, да и жители микрорайона, меня неправильно поймут и обидятся — мол, иностранец снимает мусорные ямы. Но от помойки я не отходил минут десять. Дыра в прошлое.

Напротив помойки раньше стоял луг толстого и добродушного Ахмадшаха. Он сам сейчас живет в Москве. Перед

его бывшим дуканом зияет огромный котлован. Впрочем, такие котлованы нарыты по всему микрорайону. Это, как мне объяснили местные жители, какая-то украинская фирма взялась починить канализацию во всех микрорайонах Кабула. Дело закончилось рытьем ям и оголением стыков труб. Где сейчас эти «ремонтники», никто не знает. Но проехать на машине по этим микрорайонам крайне затруднительно. А пешком ночью лучше из дома не выходить — если повезет не сломать шею, будешь сидеть там до утра, пока кто-нибудь добрый не пройдет мимо и не скинет тебе веревку.

Дукан Ахмадшаха, как и прежде, состоит из двух половин — в одной торгуют овощами, в другой — ширпотребом. Купил там зажигалку и жевательную резин-

ку. Вспомнилось, что в свое время у Ахмадшаха можно было покупать в долг — он вел долговую книгу, но никогда ее не проверял. Этим пользовались некоторые наши дуремары. А зря. Ахмадшах нас любил, и у него всегда была отличная водка из Союза, а не пакистанская, как в других дуканах. Напротив его магазина всегда стояла моя «Нива», ее охраняли два пацаненка, которые потом стали один пограничником, другой — гаишником.

За полчаса «гуляния» по некогда цветущему и, пожалуй, самому опрятному району афганской столицы слова сожаления об уходе «шурави» довелось услышать трижды. Их обычно произносили те, кто воевал с Ограниченным контингентом советских войск, и эмигранты, вернувшиеся на родину после того, как ситуация в Афганистане несколько стабилизировалась в начале 21 века.

Им есть, что и с чем сравнивать. Они еще помнят цветущий Кабул, отстроенный руками «шурави», его чистые улицы, помнят благоустроенные квартиры в сейсмостойких домах, помнят, что раньше свет отключался значительно реже, а из кранов текла горячая вода, и работала канализация. Помнят, что каждый

месяц Кабульский домостроительный комбинат сдавал в эксплуатацию один дом для новоселов. Они помнят все и уважительно относятся к людям из России. Слово «русский», правда, здесь не в ходу. В основном, «шурави» и, конечно, «товарищ».

Не жалеют ни о чем только дети. Та далекая война для них — лишь страшная сказка, рассказанная родителями. Они по-прежнему играют на огромной площадке в центре микрорайона, гоняют мяч, качаются на качелях.

Удивительно, но артиллерийские снаряды пощадили лицей для девочек. Он по-прежнему функционирует. А вот клуб, где раньше показывали кино, переделали в мечеть. Хотя и на ее территории слышны веселые детские голоса.

По пятницам жители микрорайонов ходят навестить усопших родственников на расположенное на ближайшей к домам горе «Кладбище шахидов». Кто только здесь не похоронен: и моджахеды, и видные в прошлом деятели Народно-демократической партии Афганистана, и дети со сбитого над Кандагаром в 1985 году душманами гражданского борта авиакомпании «Ариана», который вез их на отдых в Чехословакию.

Здесь — место всеобщего примирения, хотя и оно пострадало во время правления талибов. Некоторые надгробия были разбиты, каменные плиты вы-

вернуты из земли. Но афганцы постепенно все восстанавливают. Это место их памяти.

Район Дар-уль-Аман, на котором некогда размещалось советское посольство, медленно, но все же отстраивается. Посольство России, огороженное серьезными стенами, сияет новыми корпусами. Правда, оно несколько меньше бывшего советского. Реставрирована примерно половина жилого сектора. Но все сделано на совесть и с любовью.

Перед центральным входом в посольство — памятник советским воинам, погибшим в Афганистане. Он представляет собой пробитую снарядом в расколовшейся надвое от взрыва стене дыру в форме пятиконечной звезды, внутри которой висит бронзовый колокол. На памятнике нет надписи. Слова здесь просто не нужны.

В развалинах лежит бюро бывшего советского агентства печати Новости (АПН), которое в то далекое время не только распространяло материалы о «преимуществах социализма», но и активно укрепляло дружбу между двумя государствами. Сейчас там обитают кочевники. Население улицы, где располагалось агентство, жалуется на кочевников, распространяющих вокруг себя грязь и зловоние, просит россиян отобрать у них землю и «опять построить свой дом».

Дом советской науки и культуры (ДСНК), который афганцы называли ранее и иногда называют сейчас просто «Дом дружбы», также лежит в руинах. Еще полтора десятка лет тому назад это было самое красивое в Кабуле здание, которое посещали тысячи жителей афганской столицы.

Но строительство здесь все же ведется. Афганцы возводят огромных размеров медресе (духовное училище) и нечто вроде торгового центра со стенами цвета золота.

Даже днем, когда улицы Кабула относительно свободны до наступления «часа госслужащих», когда те около шести вечера возвращаются с работы на частных и государственных авто, попасть в переулки некогда самого фешенебельного и спокойного района Кабула — Вазира Акбар-Хана — сегодня затруднительно.

Кабул сегодня

За все годы 10-летней войны 80-х годов сюда «по неосмотрительности моджахедов» упало всего с десяток реактивных снарядов. Почти наверняка после каждого из таких падений происходили «разборы полетов». Даже талибы побоялись тронуть этот район. Здесь жили и продолжают жить афганские миллионеры и миллиардеры.

Образно говоря, этот район афганской столицы напоминает фикус, выросший на помойке. К красивым виллам миллионеров еще с далеких годов афгано-советской войны «жмутся» посольства и представительства иностранных государств. Район считается безопасным.

«Линия Мажино» — пожалуй, это будет самое точное сравнение. Доты и дзоты, бетонные напольные и защитные сооружения, окружающие посольства Канады, Японии и ряда других государств, — это один большой укрепленный район, откуда иностранцы не кажут носа. Подземелья и подступы перекрыты бойцами частных охранных структур — как иностранцами, так и афганцами.

По словам сопровождавших меня лиц, некоторое время назад японцы вообще не выходили за территорию посольства. В город от них выезжали лишь два человека — за едой и водой, и то раз в неделю. Дипломаты страны восходящего солнца жили, как говорится, впроголодь.

Отдвигаются стальные засовы, поднимаются шлагбаумы, снимаются закреплённые на огромных крюках стальные канаты. Машина со скоростью пешехода движется в узеньких щелях между железобетонных ограждений и «колючки». Этакий маленький Бейрут начала 80-х. Заглядывающие в окна авто охранники интересуются целью поездки и требуют предъявить удостоверение личности. Здесь и мысль не проскочит.

У британского посольства вид еще колоритнее: издали, да и вблизи тоже, оно напоминает хорошо оборудованную укрытиями, дотами и «колючкой» воинскую часть.

Достаточно свободно перемешаются по городу в небронированных автомобилях и пешком в основном русские и сотрудники ООН. Но если последних уважают за предоставление финансовой помощи и рабочих мест в своих многочисленных организациях, то русских уважают лишь за то, что они «шурави». По словам местного переводчика-афганца Сабура, русских вспоминают с теплотой даже бывшие враги.

«Однажды разговаривал с бывшими вашими и нашими врагами, — вспоминает Сабур, сам служивший в афганской армии во время войны. — Они рассказывают, что к «шурави» можно было, повелевая как следует, запросто подойти без оружия и попросить довести куда-нибудь, или оказать медицинскую помощь. Шурави только спрашивали, не душманы ли мы, а услышав, что нет, всегда помогали. А американцы ближе ста метров к себе не подпускают, за людей нас не считают. Чуть что — сразу стреляют.»

Центр Кабула — Шахри-нау (Новый город) также пострадал от войны, но не так значительно, как соседние районы. Здесь по-прежнему торгуют старые дукашки, безошибочно вычисляющие, сколько лет назад вы последний раз посещали их магазин. Возгласы удивления, приветствия, рукопожатия. Все возвращается на круги своя. Но сегодня не наше время. Оно еще придет, вне всякого сомнения. Но сегодня бал здесь правят американцы, которые хорошо знают, для чего им нужен Афганистан, но не знают, что им делать с этим самым Афганистаном. За семь лет, прошедших после свержения талибов, в городе особо ничего не меняется. Прибывающие из-за рубежа беженцы, поглядев на то, что творится в сегодняшнем Кабуле, в большинстве своем возвращаются в повторное добровольное изгнание, чтобы уже не возвратиться никогда.

Реэмиграция в сегодняшнем Афганистане явление устойчивое и набирающее силу. В последний месяц весны, по некоторым данным, число реэмигрантов превысило число афганцев, возвращающихся на родину из-за рубежа. Все все видят и понимают. И сколько им не говори «халва», во рту от этого у кабульцев слаще не становится. Что уж говорить о жителях провинций.

Это лишь маленькие пестрые мазки на огромной палитре, имя которой — Кабул. На самом деле, проблем здесь значительно больше, чем может показаться на первый взгляд.

Что ждет этот город в будущем? Это покажет только время.

Ливан

Владислав Шурыгин

Капитан. Участвовал: Югославия, Приднестровье.

ВОЙНА В ЛИВАНЕ

Я ни в коем случае не претендую на объективность и не верю в нее на войне. Поэтому мой взгляд — это взгляд пристрастного человека, увидевшего эту войну со стороны Ливана и Сирии. Говорю это заранее, чтобы не разочаровывать чьи-то ожидания.

Ночь над Бейрутом

Ночь — самое мучительное время. Налет обычно начинается после часа. Удары следуют с интервалом в полчаса-час. И так до пяти утра.

Когда сидишь в подвале дома, то удары бомб и ракет напоминают маленькие землетрясения, короткий толчок земли под ногами, дрожь стен, легкое головокружение и далекий глухой удар, словно невидимый землекоп стукнул кувалдой по земле. И так каждые полчаса...

Сидеть в душном бетонном ящике подвала невыносимо, и я, несмотря на энергичные протесты пожилой хозяйки: «Ля! Ля!» — что значит по-арабски «нет», показываю жестом, что мне трудно дышать, и выхожу во двор.

Счастливая арабка! Бетонный куб подвала под домом ей кажется надежным убежищем. Увы, я лишен этого спасительного ощущения знанием «тэтэха» бомб и ракет. Те калибры, которыми сносятся Бейрут, от этого дома с подвалом оставят лишь громадную воронку и в лучшем случае обрекут на мучительную смерть под грудой бетонных обломков и развороченной земли. Хотя, какой уж это «лучший случай»? Это худший случай...

На улице не по-ночному душно.

Ухо тотчас улавливает знакомый гул скользящего на боевом курсе в вышине самолета — и тут же тяжело ухаает разрыв где-то на окраине. Земля под ногами ощутимо вздрагивает. На мгновение огненный сноп искр и сполох пламени вычерчивает зубцы домов на горизонте в стороне взрыва, словно там полыхнул низкий китайский салют — и тотчас все

тонет в угольной черноте арабской ночи. Звук турбин стихает, и я слышу, как где-то высоко майским жуком тихо жужжит «беспилотник», нарезая круги и змейки над истерзанным городом.

Они работают в паре. Холодный бездушный робот, часами кружась над городом, разыскивает цели на земле. Его оптические, радиолокационные и инфракрасные поисковые каналы сканируют город под ним, определяют координаты, классифицируют цели, передают потоки данных на пункты управления, где они обрабатываются и тут же вводятся в бортовые компьютеры бомбардировщиков, которые через разъемы «заливают» исполнительными командами головки самонаведения ракет. И очень скоро, донесенные движками F-16 до рубежа пуска, будут одним нажатием кнопки отправлены к земле, чтобы впитаться в каменную плотность цели, и там, в ее глубине, рвануть всей мощью заложенной в нее высококачественной американской взрывчатки. После чего крылатый «дроид» тут же вновь воткнет свои объективы в курящуюся

ся дымом воронку, стараясь оценить нанесенный ущерб, определить: нужен ли еще один удар или цель можно перевести в раздел «target is destroyed».

И, возможно, сейчас в его линзах и на его электронных матрицах микроскопическим электрическим сигналом пульсирует этот двор и теплое пятно человека посреди него.

И мне становится жабко от этого холодного бесстрастного взгляда летающего прицела. По плечам пробегает изморозь, и я сердито осаживаю воображение. Успокаиваю себя тем, что двор находится в той части Бейрута, которую Израиль почти не бомбит, и что на матрицах БПЛА сейчас сотни таких, как я, теплых пятнышек, и я ничем не выделяюсь среди них.

Но это чувство мишени в чужом прицеле вдруг возвращает меня памятью в Белград, и, как когда-то в открытой кофейне на берегу Дуная, над которой протарахтела тяжелая чушка «томагавка», меня охватывает чувство безнадежности и какой-то унижительной незащищенности.

Нет ничего хуже, когда небо над тобой безраздельно принадлежит противнику. Когда ты лишь с бессильной злостью можешь сопровождать взглядом маленькую серую зарубку в небе, которая несколько минут назад метнула из-под своих крыльев огненные гарпуны ракет в деревню за хребтом и вздыбила ее к небесам грязными клубами разрывов.

Впрочем, слово «противник» сейчас очень условно.

Кто я на этой войне? На чьей я стороне?

Я не боец «Хезбаллы», но меня, как и всех людей этого города, бомбит Израиль. Значит, он мой враг?

В Сербии было проще. Я точно знал, что «НАТО-авионы» — враги. Я ненавижу дел НАТО. Я был среди тех, кого понимал и чувствовал. А сейчас?

Я ни слова не понимаю по-арабски. Я ни слова не знаю на иврите. Я могу только смотреть и слушать эту войну...

Немой на войне

...Чем ближе к ливанской границе, тем серьезнее становятся лица моих спутников. Все чаще они разговаривают между собой на арабском и, вслушиваясь в незнакомую речь, до меня вдруг доходит простая и ясная мысль — я влезая в опасную авантюру.

Еду на войну, не понимая ни слова ни на одном из языков тех народов, которые в ней участвуют.

Они кричат — я не понимаю. Они ругаются — я не понимаю. Они командуют — я не понимаю. Они радуются — я не понимаю, чему они радуются.

Фактически я буду немой и почти глухим журналистом. И понимать смогу лишь тот универсальный язык войны, для которого не нужны слова. Но выстрелы и разрывы — слишком уж специфический язык, чтобы использовать его для осознания ситуации...

Вдоль дороги странный сосновый лес. Невысокие сосны растут под углом в сорок пять градусов — следствие сильнейших ветров, дующих с моря, но сегодня кажется, что даже лес стремится отшатнуться как можно дальше от войны.

...В Сирии я второй раз. Был здесь всего десять месяцев назад. И теперь глаза ищут отличия. Внешне все то же самое. Тот же говорливый, шумный, непрерывно клаксонящий Дамаск. Зеленые свечи сотен мечетей над ночным городом. Разноцветье товаров в лавках и вечная рыжесерая громада горы Касьон над городом. Сладкий аромат кальянов на вечерних улицах старого города.

И все же отличия есть.

Почти сразу бросается в глаза огромное количество машин с ливанскими кедами на номерных знаках. Потом замечаешь, что изменилось что-то во взглядах людей. Обычно оптимистичные, добродушные глаза сирийцев посуровели, в лицах появилась какая-то тревожность. Каждый выпуск новостей собирает у экранов в кафе целые толпы зрителей. Все напряженно всматриваются. Война стоит у самого порога...

Пограничный пропускной пункт.

На «нейтральной территории» неожиданное многолюдье. Множество палаток с красным полумесяцем, молодые ребята и девушки с фартуками, на которых изображен все тот же полумесяц то и дело выбегают на дорогу, по которой непрерывным потоком идут машины. И в каждой детский сад. В некоторых дети сидят, как воробы на ветке. В одном старом форде я насчитал девять детских головок.

Если по официальным данным Ливан покинула почти четверть населения,

то теперь я понимаю, что это настоящий исход детей и женщин.

За полчаса мимо меня проехало никак не меньше ста машин, и в каждой дети. Неожиданно земля под ногами еле ощутимо вздрагивает, и через несколько секунд до слуха доносится отдаленный раскат взрыва. Штурмовик нанес удар по какой-то цели на территории Ливана. Сразу вспоминаю документальные кадры видеозаписи попадания ракеты в автомобиль с боевиками «Хезбаллы». Интересно, как летчики в этом потоке определяют цели? И какова цена их ошибок?..

— Вы из России?

Молодой кучерявый парень, больше похожий на итальянца, в каком-то «летном» комбинезоне с красным полумесяцем, обращается ко мне без всякого акцента.

Мгновенная радость узнавания родной речи и удивление.

— Откуда так хорошо знаешь язык?

— Моя мама с Украины. Из Донецка...

Странный город Донецк опять врывается в мою жизнь...

Парня зовут Хасан. Фамилия его мамы Максименко. Хасан только что закончил 11-й класс. Первые шесть лет отучился в Донецке. Сейчас готовится поступать в университет на инженера. Мечтает уехать учиться в Россию...

Хасан состоит в местной молодежной организации, которую, наверное, правильно будет называть добровольческим отрядом спасателей. Шесть лет он ходит на занятия, где учат оказывать первую помощь, действовать в условиях чрезвычайных ситуаций, пожаров и катастроф. И вот теперь все силы этой организации брошены на границу.

Масштаб работы сирийского МЧС поражает. Вдоль всей дороги стоят фургоны с водой, продуктами, горячими напитками и едой. К каждой выезжающей машине подходят ребята и девушки, передают бутылки, коробки, детское питание, горячее какао. Тем, кому некуда ехать, тут же даются схемы проезда в лагерь, развернутые для ливанских беженцев — школы, зоны отдыха, студенческие городки.

Чуть в стороне от дороги — машины «скорой помощи». Прямо у проезжей части стена, на которой укреплено несколько телефонов. Все звонки бесплатны.

— Сейчас уже ничего, — рассказывает Хасан. — А вот первые дни здесь было настоящее столпотворение. Тысячи машин. День и ночь. Наши просто с ног падали от усталости...

...За две недели только официально в качестве беженцев в Сирии зарегистри-

Война в Ливане

ровалось больше 250 000 человек. Еще почти столько же осело у родственников и друзей. Полмиллиона беженцев для такой страны — громадный груз, учитывая, что здесь уже живет почти миллион беженцев из Ирака. Но Сирия не жалуется и продолжает гуманитарную операцию, принимая все новые и новые партии...

— Привет России! — Хасан жмет мою руку и напоследок сует в кабину пару пластиковых баллонов с ледяной водой и пакет с местными хот-догами.

Я вдруг думаю о том, что моя страна отвечает за этого парня, что она должна защитить его и вернуть на эту землю мир; что здесь, в Сирии, живут многие тысячи граждан России и еще больше тех, кто считает ее своей Родиной — детей смешанных браков. Как, впрочем, и на другой стороне ливанской границы — в Израиле, где тысячи людей с израильскими паспортами говорят и думают по-русски. И все они по обе стороны границы с надеждой смотрят на Россию...

Сразу за ливанским КПП начинается «ливанская рулетка» — дорога, по которой то и дело проскакивают в обе стороны автомобили. Периодически их, как кегли, сносят с дороги, мозжат и рвут в клочья, как громадных жуков, ракеты израильских штурмовиков. Угадать, кого снесут, а кого пропустят, невозможно. Постичь логику израильских летчиков тем более. Можно лишь надеяться на Аллаха и собственное везение.

По словам моих спутников, «Хезбалла» без всяких проблем перебрасывает по Ливану оружие, подвозит в зону боев боезапас и подкрепления. У нее свои тайные маршруты и тропы. При этом за окном нет-нет, да и мелькнет остов разбитого, разорванного трейлера, обгорелый скелет автобуса или «лепешка» легковушки. Среди промелькнувших «целей»,

Ливан

наверное, только один похож на военный транспортник — часть кабины грузовика на краю огромной ямы. Возможно, он вез ракеты или снаряды. Остальные никак своей военной принадлежности не выдадут. У одного разбитого грузовика разбросаны по дороге упаковки из-под конфет и печенья, другой явно вез строительные материалы.

«Ливанская рулетка» — это игра в кошки-мышки со смертью. Говорят, что днем шансов уцелеть больше. Израильцы бомбят в основном ночью, и днем иногда можно успеть заметить пролетевший над тобой самолет, чья ракета через несколько секунд ударит в машину.

Мне кажется, что это придумано для самоуспокоения. Заметить подлетающую ракету почти невозможно. А услышать ее за шумом мотора тем более.

По словам водителей, чем южнее, тем плотнее охота за машинами. Если на север в сторону Сирийского Тартуса свободно проезжают легковушки, с риском, но можно проехать на автобусе, и даже проскакивают грузовики, то южнее Бейрута ни одна машина крупнее легковой не рискнет ехать открыто, а уж за Тиром любая машина автоматически становится мишенью.

Почти все мосты разрушены, и покорные судьбе арабы по каким-то настеленным шатким доскам, бревнам и палкам буквально перетаскивают свои авто по останкам мостов на другой берег, ставят иногда машину на два колеса. Обычно у таких переправ людно. Арабы помогают друг другу, кричат, суетятся. Арабы — вообще коллективистский народ. В таких ситуациях это особенно видно.

В первые дни маршрутов до границы с Сирией стоил 300 долларов. Поездка в Бейрут — 500. Но к сегодняшнему дню цены несколько упали. Теперь скачущие в тени деревьев пограничного КПП ливанские таксисты готовы довезти до Бейрута всего за 200 долларов. До войны такая поездка укладывалась в 5 долларов...

Станным образом Бейрут постепенно привыкает к войне. Шок и ужас первых недель проходит. Одна за другой открываются лавочки. Окуриваются знакомым запахом кофе кафешки, тянет душистым кебабом и кальяном из дверей ресторанчиков, и даже супермаркеты

распахивают свои двери. Видимо, начинает сказываться память: всего несколько лет назад здесь затихла война, которая шла в городе без перерыва почти пятнадцать лет. Разница только в ценах — они выросли на четверть...

Так говорит «Хезбалла»

Мой собеседник улыбаясь, часто оглаживает черную до вороненой синевы короткую бороду. На русском говорит с акцентом, иногда подыскивая слова, но уверенно. На французском — куда свободнее, а на английском вообще так, словно это его родной язык...

— Извини, но, после всего увиденного, не могу не спросить. Разве стояли те два израильтянина, которых вы захватили, этой бойни? Не слишком ли большая расплата за одну удачную вылазку? Зачем это было нужно? Зачем их было захватывать, нарушать перемирие?

— А кто тебе сказал, что война была закончена? Ты в газете прочитал? Что значит — война была закончена?

— Но ведь Израиль вывел свои войска из Ливана. Разве это не конец войны? Что еще было нужно?

— Давай по порядку. Израиль вывел свои войска не потому, что вдруг проникся любовью к Ливану и арабам. Просто

нужно было вернуть арабам. Только это их обычный прием. Все, что Израиль больше не способен удерживать, он кидает миру как подачку: вот, мол, какой я добрый и гуманный. Но это ложь.

— Это твой взгляд. Но Израиль все же ушел. И разве это не был повод для окончания войны и мирных переговоров?

— Скажи, когда заканчивается война?

— Когда войска воюющих сторон возвращаются в свои границы, когда заключаются договоры о мире, обмениваются посланцами...

— Ты забыл еще один момент. Наполеон говорил, что война заканчивается лишь тогда, когда похоронен последний солдат. Израиль гордится тем, что даже мертвых своих солдат, даже через десятилетия, но он возвращает домой. Что тут говорить про пленных? Любая война заканчивается тем, что воюющие обмениваются пленными, уходят с чужих захваченных территорий. Так вот, Израиль не ушел с нашей земли и не вернул нам наших пленных. Поэтому ни о каком конце войны речи не идет.

— Что, значит, Израиль не ушел с территории Ливана и не вернул пленных?

— Это значит, что выведя войска, Израиль продолжает оккупировать целый район Ливана, «фермы Шеба» — стратегические высоты на юге. Кроме того, Израиль до сих пор не вернул десятки ливанских граждан, кото-

рые сидят в израильских тюрьмах. Один находится там уже 28 лет! Поэтому, о каком окончании войны ты говоришь? Израиль знает наши условия — возвращение захваченных территорий и всех пленных. Мы долго ждали, что Израиль выполнит их, и не вели никаких боевых действий, но Израиль не собирался заканчивать эту войну. Он просто занял более выгодные для себя позиции и думал, что на них он легко будет диктовать свои условия.

Но его генералы не смогли оценить наш потенциал и обманули сами себя.

— Значит, война без конца?

— Почему? Рано или поздно, но мы вынудим Израиль выполнить все наши условия. Война не главное наше дело. «Хезбалла» — это не боевик с автоматом. Такими нас пытаются представить американцы и израильтяне. Мы серьезная политическая партия, которая, прежде всего, занимается социальными проектами.

больше сил удерживать оккупированные земли у него уже не было. Здесь каждый день шла война. Мы убивали израильтян, они убивали нас. Но мы боролись за свою землю, а они тут были оккупантами. И настал предел их выносливости. Они больше не могли выносить потери, которые здесь несли и не могли больше игнорировать мнение мирового сообщества. Конечно, Израиль свой уход обставил как великое благодеяние и чуть ли не протя-

Все эти годы мы строили школы и детские сады, больницы и клиники. В наших больницах могут лечиться все люди, независимо от сословия и богатства. В наших школах мы учим куда дешевле и лучше, чем в государственных. На юге даже христиане предпочитают учить детей в наших школах. Мы постоянно помогаем беднякам, платим пенсии семьям наших погибших соратников, бесплатно даем высшее образование их детям. Мы строим приюты для престарелых.

Если бы все эти деньги мы потратили на войну с Израилем, то сегодня на месте Тель-Авива была бы воронка. Но мы трагично большую часть совсем на другое. Восстанавливаем нашу страну после очередных вылазок Израиля. После агрессии 1993 года мы отремонтировали 2000 зданий, пострадавших от обстрелов. После агрессии 1996 года мы уже построили 5000 домов, проложили больше 500 километров дорог и компенсировали ущерб 2500 крестьянских семей. И после этой войны «Хезбалла» займется восстановлением разрушенного, и, можешь поверить, восстановит еще больше домов и отстроит еще более красивые здания и дороги. И люди верят нам. Они видят, что мы не ворую, не строим себе роскошные особняки и не вывозим деньги на Запад. И они идут за нами. Потому что справедливость — наш девиз.

— Но США внесли вас в список международных террористических организаций.

— Прежде всего, пусть в этот список Америка внесет саму себя. Что значит «международный терроризм»? Террор по всему миру? Может быть, США приведут хоть один пример того, что «Хезбалла» нанесла удар по территории какой-нибудь иной страны, кроме Израиля, который ведет против нас войну уже больше 30 лет? Может быть, мы хоть одного нашего бойца отправили в другую страну сражаться за чьи-то интересы? На все эти вопросы я отвечаю — нет! Мы сражаемся за свободу на своей земле и никаких интересов за границей не имеем и не поддерживаем. А вот военная оккупация Ирака, в ходе которой уже погибло больше ста тысяч иракцев — разве это не международный терроризм? Вот и суди сам, кто же террорист.

— В этой войне вы несете потери. Неизвестно, сколько еще она продлится. Возможно, результатом ее станет новая оккупация юга Ливана или ввод туда миротворческих сил ООН. Скажи, вы этого добивались?

— Если ты посмотришь на проекты всех обсуждаемых резолюций, то в любой из них ООН ставит перед Израилем требование освободить оккупированные

земли Ливана и вернуть ливанских граждан, томившихся в израильских тюрьмах. И это то, чего мы добиваемся и ради чего готовы сражаться до конца. Если итогом этой войны станет выполнение наших требований, то мы будем считать свою задачу выполненной. Если же Израиль их не выполнит, значит, война не закончится и никакая оккупация, никакие войска ООН не спасут его от наших ударов.

— Но сколько людей должно еще погибнуть ради достижения этой цели? Вы готовы идти на жертвы?

— В сентябре 1997 года в столкновении с израильскими оккупантами в бою пал смертью храбрых Хади Насрулла, старший из четырех детей нашего лидера Хасана Насруллы. Ему было всего 18 лет. Если наш лидер отдал на алтарь борьбы самое дорогое, что есть у него — жизнь собственного сына, неужели ты думаешь, что мы будем торговаться о цене победы? Русский народ в войне против Гитлера потерял почти тридцать миллионов убитыми. Неужели у кого-то из русских повернется язык сказать, что победа над Гитлером не стоила этого?

Я смотрю в глаза моего собеседника. В них нет никакого безумного фанатизма. Они холодны и спокойны. На болтуна он не похож...

«Неправильная» война

Каждая из сторон ведет свою информационную войну. Израиль упорно отрицается от обвинений в жестокости и неадекватности применения силы. Израильские представители демонстрируют листовки, которые разбрасываются с самолетов перед началом очередной серии бомбежек. В Бейруте раздаются звонки телефонов и компьютерный голос на арабском призывает жителей покинуть город. Но в реальности «забота» не более чем профанация, лукавство.

Бежать людям просто некуда. Нет безопасных дорог, нет гуманитарных коридоров, нет лагерей для беженцев и безопасных зон, куда люди могли бы выйти. К этому прибавляется еще одна проблема — больше не на чем эвакуироваться. В Ливане подходят к концу запасы бензина и солиарки. Каждый литр почти на вес золота.

Еще более драматичная обстановка на юге, в полосе боевых действий. Беженцев отсюда почти нет. Все дороги разбиты, все мосты уничтожены, любая машина автоматически становится мишенью для штурмовиков. Света нет, инфраструктура разрушена, уцелевшие жи-

Война в Ливане

тели прячутся по подвалам и бомбоубежищам. Они истощены, голодают и страдают от жажды. Их можно эвакуировать только с помощью специальных гуманитарных конвоев, но они в район боевых действий не допускаются.

Поэтому, когда израильтяне так горячо обвиняют «Хезбаллу», что та прячется за мирными жителями, они лукавят. На самом деле живой щит «Хезбаллы» создан и удерживается на месте израильскими бомбами, ракетами и снарядами.

«Хезбалла» каждый день пугает Израиль тем, что вот-вот нанесет удар по Тель-Авиву. По арабским каналам непрерывно идут победные ролики, любая запись с линии боев становится сверхновостью, которая часами крутится по телеэкранам. Поневоле складывается впечатление, что вся израильская армия давно разгромлена.

Понять в этих условиях, что же происходит на самом деле чрезвычайно сложно.

Безусловно то, что военная операция с первого дня пошла не так, как предполагали израильские генералы. Вместо стремительной «зачистки» района силами элитной бригады, поднапоревшей в полицейских и карательных операциях, Израиль втянулся в тяжелейшие сухопутные бои. Был допущен очевидный просчет в оценке сил и возможностей «Хезбаллы».

Поначалу израильское командование считало, что сможет решить поставленные задачи силами элитной бригады, усиленной танками и артиллерией. Основная роль отводилась ВВС, которые должны были подавить военный потенциал «Хезбаллы». В итоге за десять суток непрерывных боев израильские подразделения вгрызлись в оборону «Хезбаллы» на два-

Ливан

три километра, понеся при этом довольно ощутимые потери в людях и технике.

Апофеозом первого этапа войны стало неудачное наступление на городок Бинт Джбейль, один из приграничных опорных пунктов «Хезбаллы», к которому они смогли подойти лишь на десятки сутки.

Рано утром штурмовой отряд удивительно легко продвинулся почти на два километра. До центра городка оставалось совсем немного, когда разразилась катастрофа. Легкость продвижения оказалась ловушкой, которая стремительно захлопнулась, и отряд был полностью окружен. После чего на него обрушилась стена огня.

Надо отдать должное солдатам — сражались они храбро. Но это не снимает

жен, вынужден вступить в бой и вести его почти 4 часа, пока с помощью авиации не удалось отбросить окруживших больницу боевиков и расчистить себе путь к площадке эвакуации. Четверо захваченных в больнице арабов, чья принадлежность к «Хезбалле» совершенно не очевидна — не самый почетный трофей.

После таких провалов сухопутную операцию пришлось свернуть. И полностью пересмотреть планы войны.

Фактически Израиль проиграл первый этап. За две недели боев войска смогли углубиться в Ливан лишь на 3–4 километра.

«Блицкриг» провалился, и в течение последующих дней Израиль был вынужден стянуть к границам Ливана еще две ударные бригады, танковые части и дополнительную артиллерию. Общая численность группировки составила почти 30 000 человек, из которых около 10 000 — ударные части. Максимальная глубина продвижения к исходу третьей недели боев составила всего 8 километров.

Стоит напомнить, что в 1982 году, во время прошлого израильского вторжения в Ливан, всего через две недели танковые батальоны Шарона уже стояли на дороге Бейрут-Дамаск...

Бежать людям просто некуда. Нет безопасных дорог, нет гуманитарных коридоров, нет лагерей для беженцев и безопасных зон, куда люди могли бы выйти. К этому прибавляется еще одна проблема — больше не на чем эвакуироваться. В Ливане подходят к концу запасы бензина и солиarki. Каждый литр почти на вес золота.

ответственности с командования, которое не смогло оценить обстановку и реальные силы противника. Когда до генералов, наконец, дошло, что произошло, было уже поздно.

Почти семь часов израильские подразделения пытались пробиться к окруженному отряду. Полностью вытащить его из ловушки удалось только с наступлением темноты. Итог боя: по одним данным — 14 убитых и 12 раненых, по другим — 9 убитых и 22 раненых. Погибли четыре офицера, в том числе подполковник. Несколько подбитых танков и поврежденный вертолет.

Это одни из самых тяжелых потерь бригады «Голани» за всю ее историю.

Неудачей закончился и глубинный рейд «спецназа» в Баальбек, где, по расчетам израильского командования, в местной больнице должен был находиться один из лидеров «Хезбаллы». Лидера не оказалось, а сам «спецназ» был обнару-

Сегодня уже можно говорить о «феномене» «Хезбаллы».

Фактически впервые за всю свою военную историю ЦАХАЛ столкнулся с таким стойким сопротивлением отлично обученного и хорошо вооруженного противника. И в этих условиях эффективность израильской армии как силового рычага давления на арабов резко снизилась.

Собственно, в лице «Хезбаллы» Израиль впервые встретился с поколением арабов, выросших на войне и впитавших с молоком матери ненависть к Израилю. Когда к этому добавилась отличная военная подготовка и хорошее вооружение, оказалось, что разгромить такого противника крайне трудно. Фактически сегодня на холмах южного Ливана сгорает репутация израильской армии как «молниеносной» и «непобедимой». Это по-прежнему отличная и боеспособная армия, но чудеса заканчиваются.

Громить слабо обученные арабские армии, набранные из полуграмотных феллахов, никак не заинтересованных в войне — одно, а прогрызать оборону отлично обученных, фанатичных и хорошо вооруженных бойцов — совсем другое.

Теперь по израильскому телевидению никто не демонстрирует понурые колонны пленных, захваченную бронетехнику, убитых боевиков. Сегодня каждый пленный — удача, а трофей в лучшем случае ограничиваются изломанным взрывами стрелковым оружием.

Цветы зла

Дневной Бейрут напоминает парилку. Влажность у моря стопроцентная. Жара под сорок. Малейшее движение — и ты мокрый, как мышь. Между домов то и дело мелькает море. Вот оно — изумрудное, манящее и... недоступное. Лучшая пляжная зона на юге, а юг города — это безлюдная зона сплошных разрушений.

Впрочем, «оспины» руин все чаще вгрызаются и в центр города. Пока это редкость, но что будет завтра, когда на юге целей не останется?

Жизнь в Бейруте странная. Город фактически разделен на две зоны. Зону войны, которую каждый день курочат ракеты и бомбы, и мирную зону, где пытаются течь обычная жизнь. Работают изрядно опустевшие отели. Роскошные, сияющие позолотой и дорогим камнем лифты, в мгновение ока доставят вас на верхние этажи, откуда из окон бара можно будет, смакуя ледяной сок, «насладиться» созерцанием того, как после ночной бомбежки курится белесым дымом юг.

Вернувшись со съемок очередного завала в бетонной пыли и поту, можно, обмывшись в душе, от души поплавать в громадном гостиничном бассейне, упасть в объятия накрахмаленных прохладных простыней кровати и заснуть под диснеевские мультики одного из ста каналов гостиничного «тиви».

Пока здесь сохраняется иллюзия жизни.

Но месяц бомбежек не принес Израилю никакого результата. Каждую ночь он получает очередные сотни ракет, и каждую ночь его бомбардировщики ищут цели на территории Ливана. Война с боевым потенциалом «Хезбаллы» явно заходит в тупик. Все что можно было разбомбить подозрительного — давно уничтожено, но ощутимого эффекта это не дало. И значит, скоро Израиль примется за инфраструктуру центра и севера. Пока он воздерживается от атак по электростанциям. Но это пока...

Сложно представить, что будет, если Бейрут останется без света. Под приморским зноем без электричества и воды он за считанные дни станет мертвой зоной...

Впрочем, бейрутцы теперь мало задумываются над завтрашним днем. Жизнь здесь стала «однодневной». Прожит день — и слава Аллаху! А ночь еще пережить надо. Ночью бомбят...

В маленькой кафешке мой спутник негромко переводит мне новости «Аль Джазиры»:

— Почему такие жертвы?

— Потому что «Хезбалла» прикрывается мирными жителями! — в новостях депутат Кнессета парирует вопрос корреспондента «Аль Джазиры». — Мы вынуждены бомбить районы, откуда по нам запускаются ракеты.

За эти дни я слышал это уже десятки раз.

Но я знаю точно, что в Бейруте нет позиций ракет. У «Хезбаллы» вообще нет ничего, что могло бы долететь от Бейрута до границы с Израилем. За что же так бомбят Бейрут?

Израильцы оправдываются, что позиции ракет располагаются среди жилых домов. В доказательство по каналам то и дело гоняют израильский ролик, в котором из какого-то дома с первого этажа вылетает ракета, и вскоре дом сносится бомбой. Мне немного стыдно за израильских комментаторов: ракета, вылетающая с первого этажа дома, да еще по настильной траектории, никак не может «бить по Хайфе» — это, скорее всего, обычный ПТУР, причем, судя по скорости и факелу, довольно устаревший. И сэмки, скорее всего, сделаны во фронтовой полосе.

Вообще, используемые «Хезбаллой» ракеты запускаются в полосу 15–20 километров от линии границы. Причем тогда города? Уже из Тира эффективно запускать ракеты по Израилю практически невозможно.

— Странно, почему Израиль не задумается над очевидной вещью, — мой спутник отхлебывает кофе и аккуратно ставит чашечку на блюдце, — превратив Ливан в руины, он его фактически дарит «Хезбалле». Сейчас Ливан покинуло больше миллиона его жителей. Это в основном жители городов центра и севера — сунниты и христиане. Многие из них теперь долго не вернутся в Ливан. Его экономика разрушена, материальные потери огромны. Чтобы восстановить все, потребуются многие-многие годы. А шиитам некуда бежать от войны. Их никто нигде не ждет. Они остались. Вот и считай, в чью сторону повернулся «электорат». Прибавь те-

перь к этому обозленных на правительство суннитов и христиан. Израильские бомбардировщики бомбили наши города, а по телевизору в это время премьер Фуад Синьер целовался с прилетевшей Кондолой Райс. Такое на Востоке не прощают. На следующих выборах «Хезбалла» возьмет вдвое больше голосов...

Еврейские мифы

По всем каналам израильтяне твердят как заклинание: «Хезбалла» должна быть уничтожена! Это превратилось в гимн, в боевой клич. «Хезбалла» должна быть уничтожена!

Но я — военный человек — привык мыслить вполне конкретными категориями, и в сотый раз выслушивая очередного комментатора, призывающего вести войну с «Хезбаллой» до победного конца, хочу задать простой вопрос: «Как Израиль собирается это сделать?»

Мне кажется, что это лишь лозунг, самообман, оправдание того, что происходит в Ливане. Израиль хочет уничтожить «Хезбаллу», но за предыдущие пятьдесят девять лет он в куда более комфортных условиях не смог уничтожить ни одного своего противника. Ни ООП, ни ФАТХ, ни ХАМАС, ни АМАЛЬ. Все эти организации уцелели, несмотря на несколько полномасштабных войн и десятки специальных операций. И нет никаких причин считать, что сегодня Израилю удастся «уничтожить» «Хезбаллу».

Большинство произраильских комментаторов призывают к уничтожению «Хезбаллы», находясь за сотнями и тысячами километров от района боевых действий. Возможно, им кажется, что «Хезбалла» — это несколько сотен злобных террористов, собранных джиннами на каких-то подземных заводах, перестреляв которых, можно со спокойной совестью отправиться домой и жить в мире и процветании. Но на самом деле все совершенно не так. «Хезбалла» сегодня — это менталитет

Война в Ливане

шиитского юга Ливана. И чтобы «уничтожить» «Хезбаллу», необходимо уничтожить всех шиитов на юге, что, конечно, нереально. Несколько реальнее «отодвинуть» «Хезбаллу», выдавить арабское шиитское население с юга, оккупировав полосу земли достаточной глубины, чтобы ракеты «Хезбаллы» не доставали израильской территории. Но что будет через год или два, когда конструкторы «Хезбаллы» увеличат дальность своих ракет?

В какой-то мере спасением для Израиля в сегодняшней тупиковой ситуации может стать ввод миротворческих сил в полосу между Ливаном и Израилем. Фактически это будет та же самая попытка отодвинуть от границ Израиля районы пусков ракет, но под флагом ООН. Это, пожалуй, максимум, что сможет получить Израиль от этой войны. Но если Израилем не будут выполнены ключевые требования «Хезбаллы» — уход с захваченных территорий и возврат ливанских пленных, то очень скоро ракеты на головы израильтян полетят уже через головы миротворческого контингента ООН.

Сегодня Израиль обманывает себя идеями, что в его силах «раз и навсегда» покончить с «Хезбаллой», что уж в этот раз ему точно удастся ее разгромить и уничтожить. Но для любого наблюдателя этот оптимизм очевидно беспочвенен.

За десятилетия противостояния Израиль стал мастером специальных операций, виртуозным фехтовальщиком в бесконечном поединке, но каждый раз, когда он выступает в роли Голиафа, пытается «окончательно» решить вопрос ООП, ХАМАСа или «Хезбаллы», он все более чувствительно наступает на грабли.

Простых решений этих сложнейших вопросов просто не существует. И тотальной зачисткой юга Ливана проблему «Хезбаллы» не решишь.

«У вас Чечня, у нас Ливан. Россия и Израиль одинаково страдают от мусульманского террора. Вы должны понять и поддержать нас!» — такова основная мысль израильских форумов. Иногда она доходит до откровенного раздражения: «Как вы смеете обвинять Израиль в жестокости, когда стерли с лица земли Грозный? Вам, получается, можно, а нам нельзя?»

Но разрушенный Грозный и вся первая чеченская война — это пример того, как нельзя воевать, как преступно воевать. Первая чеченская — это страшный урок того, что может натворить необученная, деморализованная и плохо управляемая армия, не имеющая даже конкретного плана.

Ливан

тически признает, что его армия воюет преступно неумело, варварски и жестоко.

Чеченский вопрос уже давно решается не силой оружия, а тем, что чеченцам предоставлены все права, что запущены масштабные программы восстановления Чечни, что мирно жить и работать становится выгоднее, чем воевать...

Одна из главных проблем на пути любых переговоров в том, что сознание рядового израильтянина глубоко «крепостное». Это сознание солдата, который защищает осажденную крепость. Все, кто с внешней стороны крепости, враги или их пособники, и нужно стоять насмерть, держать «периметр» — ничего другого в мире нет, и любой, кто предлагает что-либо иное, — преступник!

Израильтянина можно понять.

Вы пробовали жить, когда твой город среди бела дня пустеет так, словно в нем все вымерли?

Вы пробовали жить, когда при любом звуке, похожем на взрыв, телефонные сети «зависают» от перегрузки — люди спешат удостовериться, что с их родными ничего не случилось.

Вы пробовали жить, когда даже дети безошибочно определяют сторону, откуда летит очередная ракета?

Вы пробовали жить, когда в любую секунду рядом с вами может взорваться террорист-смертник?

Вы пробовали так жить?

Проблема только в одном — осада крепости с каждым годом все яростнее, все жестче. И на смену одному поколению осаждающих приходит следующее — еще более убежденное в том, что «Карфаген должен быть разрушен»!

Сегодня Израиль все больше напоминает «периметр» из фантастического романа Гарри Гаррисона «Неукротимая планета» — война без конца с противником, которого невозможно победить.

Русский путь

— Вализы размещены. Вещи загружены. Можно выезжать... — доложил стоявшему у входа в посольство советнику один из загружавших машину мужчин.

— Тогда — с богом! — улынулся советник, обменялся крепким рукопожатием со старшим колонны. — Поаккуратнее там...

И колонна машин российского посольства выезжает за ворота. Маршрут: Дамаск — Тартус — Бейрут.

По пути я узнаю, что «вализой» на дипломатическом сленге называют зеленатый мешок с дипломатической почтой. На утянутой горловине мешка замок с красной печатью. С французского «вализа» переводится как портфель. По виду дипломатический «портфель» напоминает упакованный в парашютную сумку парашют...

Колонна везет в Бейрут возвращающихся из отпуска дипломатов и смену «заслона» — группы охраны посольства. «Заслоновцы» — крепкие, молодые, поджарые. За версту видно — бывшие военные. Интересно, то, что их так легко «вычислить» — это от их дипломатической неопытности, или наоборот — подчеркнутая демонстрация силы?

На обратном пути колонна заберет нескольких беженцев — граждан России.

По словам большинства беженцев, с кем мне удалось поговорить, Россия показала пример четкости и организованности эвакуации. Своих граждан, а заодно граждан Украины, Белоруссии, Казахстана, Россия эвакуировала за считанные дни. Сразу после начала войны посольст-

Проблема осложнялась тем, что проход каждой колонны нужно было согласовывать по дипломатическим каналам, уведомлять Израиль о времени и маршруте, чтобы не попасть под бомбежку. А это требовало времени.

Буквально за ночь все вопросы были согласованы, и утром очередная колонна ушла за беженцами...

В сирийской Латакии их уже ждали самолеты МЧС, «Аэрофлота» и «Атлант-Союза». Всего с 17 по 25 июля из Ливана шестью самолетами было эвакуировано 1805 человек. Из них граждан России — 1313 человек.

На фоне страшной неразберихи, которая царил в Бейруте в первые дни войны, россияне действовали просто образцово. Посольство Канады собрало почти две тысячи своих граждан в порту, который периодически бомбили израильтяне. К пирсу подошел канадский эсминец, который принял всего чуть больше трехсот человек, и ушел, оставив остальных на берегу фактически под обстрелом...

В этой войне Россия не на стороне Израйля и не на стороне «Хезбаллы», она на стороне здравого смысла. Смысл этот прост — четыре недели бессмысленной бойни в очередной раз показали то, что

Сегодня Израиль все больше напоминает «периметр» из фантастического романа Гарри Гаррисона «Неукротимая планета» — война без конца с противником, которого невозможно победить.

ва в Сирии и Ливане перешли фактически на круглосуточный режим работы.

Проблема была в том, что никто точно не знал, сколько россиян находится в Ливане. Далеко не все прибывающие в страну регистрируются в посольстве. И потому точных данных о числе наших сограждан не было.

По приблизительным оценкам считалось, что россиян в Ливане до пяти сот человек — туристы и смешанные семьи. Но в реальности, когда посольство в Бейруте назначило место и время сбора для эвакуации, к посольству пришло больше полутора тысяч. В основном женщины и дети. Конечно, увидеть перед воротами столько людей никто не ожидал. Не было и транспорта для эвакуации такого количества. Но и отправлять людей по домам было нельзя. Многие приехали с юга, где уже вовсю грохотала война. Поэтому, загрузив первую колонну и отправив ее в Сирию, посольство приняло решение размещать людей на своей территории и в помещениях, принадлежавших посольству. Тех, кому не хватило места, посольские работники просто разобрали по домам.

войной, насилием здесь ничего решить невозможно, и Америка, спровоцировавшая и раздувшая эту войну, потерпела в ней очевидное поражение.

Ближнему Востоку нужен мир. И тот, кто принесет его, получит куда больше, чем просто лавры удачного переговорщика. Он получит признание и влияние.

На границе между Сирией и Ливаном колонна останавливается. Здесь ее уже ждет «караван» из Бейрута. Несколько минут на перегрузку «вализ», сумок и чемоданов, и вот уже бейрутская «смена» рассаживается по машинам с кедрами на номерах.

Я прощаюсь с моим спутником и собеседником. Он крепко жмет мне руку.

— А может, с нами в Бейрут?

Я благодарю за предложение и дипломатично молчу, что второй раз мне туда уже ехать нет смысла...

Дамаск-Бейрут-Москва

P.S. Автор выражает особую признательность Эрику САМУРУ за работу в Бейруте.

Егор Лосев

Старший сержант ЦАХАЛа. Участвовал: Ближний Восток

http://artofwar.ru/1/losew_egor/

ВЧЕРА БЫЛА ВОЙНА

День начался как обычно — еще один день, еще одной войны. В офисе, расположенном в центре страны, о ней напоминало только бубнящее радио, перечисляющее названия городов, где объявлена воздушная тревога. Да еще кто-нибудь из сотрудников периодически подходил к единственному подключенному к интернету компьютеру. Кто-нибудь другой буднично спрашивал:

— Какой счет?

Тот что у компьютера так же буднично отвечал:

— Двое в Нацерете... один в Нагарии... бои в Биндж-Беле... есть потери...

Эту дурацкую шутку про «счет» занес кто-то из консультантов, она означала количество погибших. Так и прижилась с первых дней войны.

«Потери» же, в переводе с «языка» новостей означало погибшие, родным которых пока не сообщили.

Потом позвонила двоюродная сестра. Рассказала, что уловив момент между обстрелами, она, наконец, вырвалась из Нагарии и увезла в центр страны двух маленьких дочек, осатаневших от страха и нервного истощения.

К полудню заявился мой начальник — Йони, подозрительно довольный и загадочный.

Усевшись в кресло и врубив «Пинк Флойд», он радостно заявил:

— Сегодня поеду на север!

Оценив мой ошарашенный вид, он выдержал паузу и, наконец, объяснился:

— Мы всей семьей скинулись, купили тысячу конфетных наборов для детей. После работы поеду раздам детям... в бомбоубежищах... — произнес он, словно собирался прогуляться через дорогу в ближайший детский сад, а не на север Израйля, круглые сутки обстреливаемый Хезбаллой.

За стеной раздался громкий стук, это консультант по производству и планированию выражал свое несогласие с «Пинк Флойдом».

Йони вздохнул, укоризненно покосившись на стену, убавил мощности и крикнул:

— Что такого случилось, Хези!? Подумаешь, с утра немного музыки!

Хези промолчал.

— Как же ты один по-прешься, после работы, ночью? — спросил я, прикидывая, сколько времени у Йони займет смотаться на север и вернуться домой, в Иерусалим.

— Музыку погромче сделаю, колу куплю и все будет беседер*! — беззаботно отозвался Йони.

— Я поеду с тобой, — вдруг выдал я, удивив самого себя, — вдвоем все ж веселей. Только у меня машина на стоянке у железнодорожной станции, потом туда подкинешь?

— Без проблем, только вот, что твоя жена скажет?

Это был серьезный вопрос. Я стукнул кулаком по столу:

— Какая разница, что она скажет, мужчина я!? Или глуп?

Йони понимающе ухмыльнулся.

— Позвоню с дороги, поставлю ее перед фактом, — трусливо добавил я.

Йони качнулся в кресле, привычно поймал соскользнувшую с головы вязаную кипу и ловким движением вернул ее на место, защелкнув зажим.

До конца рабочего дня мы старательно стучали по кнопкам клавиатуры, периодически переругиваясь с консультантами. Радио, заглушаемое ревушими в Йонином лэптопе Каллексико, как мантру перечисляло подвергающиеся обстрелу города и имена жертв обстрелов и вчерашних боев.

В шесть часов Йони захлопнул крышку компьютера:

— Не передумал?

— Нет! — решительно ответил я.

* Беседер — в порядке (ивр.)

Вчера была война

Машина, набитая внушительными картонными ящиками стояла на подземной стоянке.

— Чтобы конфеты не растаяли! — пояснил Йони.

Мы сели, взревел мотор, и «шевроле» бодро вылетел на улицу, с ходу воткнувшись в бесконечные пробки Гуш-Дана*.

— А куда мы вообще едем? — поинтересовался я.

— А хрен его знает, — бесшабашно заявил начальник, бросая мне на колени атлас. — Я — водитель, ты — штурман.

Нормально, да? Сам и выбирай, где тебе больше нравится жизнью рисковать.

В принципе, вариантов было два:

Первый — ехать по побережью, тут все обстреливаемые города: Хайфа, Акко, Нагария.

Второй вариант рвануть по Шестому платному шоссе, потом свернуть в Вади Ара, отсюда проехать в Нацерет, Кармиэль, Цфат и так до Кирьят Шмоны.

В глубине души я все же надеялся, что конфеты закончатся до Кирьят Шмоны. Уж больно жуткое зрелище представлял этот окруженный кольцом горящих лесов город, обстреливаемый чаще других, по причине близости к границе.

* Гуш Дан — центральный район Израйля.

Ливан

Посоветовавшись, мы выбрали первый вариант, то есть Хайфу. Йони зарание написал телефоны муниципальных деятелей, которые могли нам помочь и приняли их обзванивать.

К тому времени, потолкавшись в пробках, мы вырвались на приморское шоссе. Я достал мобильник и позвонил жене.

В общем, обошлось без кровопролития. Когда я закончил, Йони скосил глаза: — Ну, как? Тяжелая артиллерия в ход пошла?

— Пока нет... — буркнул я, — твоя жена хоть телек не смотрит.

Йони не держал дома телевизор, так что его жена не видела на экране пылающие разрушенные дома и носящиеся с сиреной «амбулансы». Ей, наверное, было легче.

Йони улыбнулся:

— Хабиби*, ей не до телевизора, попробуй-ка троих детей спать уложить.

До Натании шоссе выглядело загруженным, как в обычный будний день, но севернее дорога стремительно опустела. Когда слева замелькали огнями трубы хадерской электростанции, я насчитал впереди и сзади всего четыре машины. Когда показались огоньки разбросанного по холмам Зихрон Яакова, мы остались одни. В те дни до Зихрона хезбаллоны не доставали, но через несколько дней им это все же удалось.

Йони набрал номер на мобильнике, с кем-то переговорил. Потом бросил телефон на колени.

— Хайфу сейчас не обстреливают, в бомбоубежищах никто не сидит, так что поедem дальше на север.

Я задумчиво поерзал в кресле:

— А может, мы организуем раздачу в каком-нибудь бомбоубежище? Детям придется спускаться к нам за конфетами, вот тебе и будут «дети в бомбоубежище»?

— Не смешно... — сообщил Йони и вдруг спохватился, — у меня для тебя есть шикарная музыка, русская!

Он поворочил груды дисков рассыпанных по всей машине: по панели, по полу, между сидениями — извлек

* Хабиби — дружисе (сленг)

один, критически осмотрел, обтер его об рубашку и сунул в плейер. Лично я не осмелился бы назвать музыкой, загрохотавшую из динамиков какофонию. Под сумасшедший рок какой-то деятель дико орал на английском, изредка глуша музыку внятным русским матом, причем во всю эту абракадабру влетались какие-то цыганские напевы.

Распутывая «шикарной русской музыкой» бродячих котов и чаек, мы влетели в притихшую, темную Хайфу. Город выглядел вымершим и мрачным, на улицах ни машин, ни людей.

— Ты бы сделал потише, «катюшу» не услышим! — проорал я, улучив момент между матерными воплями певца.

— Свою ракету все равно не услышишь, а услышишь, не прыгать же из машины, — оптимистично ответил Йони, — и вообще, бывало и похуже.

— Похуже, может, и бывало, — согласился я, — ты только не забудь, что мы не в твоей «меркаве», а в «шевроле», да еще корейской сборки.

— Забудешь тут, как же, у этого драндулета маразм, он забывает переключать скорости. А все Дуду, жадюга, не мог взять в лисинг тачку попрличнее.

Дуду был совладельцем нашей фирмы, и по совместительству коммерческим директором.

Я представил себе, как он усаживается перед телевизором с чашкой кофе и видит в вечерних новостях Йонин шевроле с эмблемой нашей конторы на борту, вливающий между разрывами.

Картина обещала получиться достойной кисти Верещагина.

За окном тянулись ангары железнодорожного депо. Несколько дней назад ракета пробила крышу и разорвалась в ангаре, убив восьмерых рабочих.

— Это и есть депо? — спросил Йони, приглушив, наконец, музыку.

— Угу, — подтвердил я.

Йони помолчал и вдруг спросил:

— А ты помнишь, как свистит эта хреновина?

Я помнил плохо. Мы с Йони годовки и служили примерно в одно время, в середине девяностых. Он мехводом «меркавы», я связистом. В те годы север Израиля частенько обстреливали ракетами. Я вечно торчал в бункерах, а вот Йони нередко наблюдал, как перечеркивали ночь огоньки ракет несущихся назад, в тыл, где они глухо рвались среди мерцающих огней Кирыт Шмоны или другого израильского поселения, в зависимости от того на каком участке стоял их батальон.

Йони снова поднял к глазам мобильник, выбрал номер и переговорил с кем-то. Потом покосился на меня:

— Мы едем в Акко, там недавно был обстрел, все сидят в укрытиях, как раз то, что надо.

У меня в ушах похоронным звоном проиграла заставка к новостям, которые я успел послушать перед выходом. Ну да, диктор говорил как раз про Акко. Трое погибших и несколько раненых различной степени тяжести. Я подумал было о том, что снаряд не попадает дважды в одно и то же место, но потом вспомнил, что в злополучное депо ракеты падали три раза, с интервалом в несколько дней.

В конце концов я решил, что причин для беспокойства нет, от ракеты не убежишь и, если уж случится беда, то останется сдохнуть не хуже других.

— В Акко, так в Акко, — покорно отозвался я, вспомнив старую присказку, гласящую: «кому суждено быть повешенным, тот не утонет».

Тем временем мы свернули на перекрестке Чекпост, пролетели через безжизненную промзону и въехали в Кирыт Ям. На обочине синел огромный рекламный щит с надписью: «Город кайфует!». Чуть пониже пояснялось, что город кайфует из-за выгодных ссуд предоставляемых каким-то банком. Эта реклама, посреди темного, обезлюдившего города, выглядела настолько ненастоящей, что мы оба захохотали.

На светофоре рядом тормознул пограничный джип. Мордатый магавник* в нагнутом на лоб берете окинул меня ленивым взглядом. Потом у него в машине захрипела рация, другой пограничник поднес микрофон к губам и что-то проговорил. Джип осветился мигалками, взвыл сиреной и резко вывернул влево, разворачиваясь против движения.

Мы остались на перекрестке одни. Я открыл окно. Густое влажное марево летней ночи навалилось на меня. Снаружи царил зловещая тишина. Светофор сменился, и Йони вдавил газ.

Остались позади гиганские бетонные конструкции нефтеперегонных заводов. Именно их пытались нащупать террористы, пока, слава Богу, безуспешно.

Йони уже снова позвонил муниципальному деятелю и, включив динамик, слушал его указания.

Вскоре мы уже подъезжали к указанной в качестве ориентира недостроенной гостинице. За грязным лобовым стеклом

* магавник — пограничник от названия пограничной охраны МАГАВ.

виднелось море, накатывавшее на белевшие в темноте бастионы крепости крестовосцев. Совсем по-мирному качались на волнах яхты, укрытые молом.

— Езжайте до упора, потом налево, — хрипел голос в динамике, — на круте направо. Видите ворота?

Мы вкатились в распахнутые ворота и остановились параллельно древнему грузовику.

Я вылез и потянулся, разминая кости. Со всех сторон нас окружали складские помещения, судя по архитектуре построенные во времена британского мандата. За сдвинутой дверью одного из складов виднелись какие-то штабеля.

Тишина вокруг казалась еще более гнетущей и недоброй, чем раньше. При этом о войне не напоминало ничего: громко тархтели цикады, на рампе невозмутимо умывалась кошка, усыпавшие небо звезды безучастно перемигивались друг с другом.

— Ну, как доехали? — на рампе появился коренастый мужчина в белой рубашке. Он подошел к краю и неожиданно легко спрыгнул вниз, тряхнув гривой седых волос.

— Меня зовут Давид, — он протянул квадратную шершавую ладонь, — я городской архитектор.

Мы тоже представились.

— Спасибо, что приехали помочь, нам это сейчас очень нужно.

— Не за что, — пробормотал Йони, сразу беря быка за рога, — нам бы... это... детей, в бомбоубежищах...

— Будут тебе дети, и убежища будут, не торопись. Мы сейчас поедem раздавать матрацы и вентиляторы, вы можете поехать за нами. Вон моя машина, — он кнул рукой в белеющий у стены склада тендер, — сложите в нее ваши коробки. Архитектор, развернулся и зашагал обратно внутрь склада.

Йони подогнал «шевроле» к тендеру, мы перегрузили коробки.

В кузове грузовика что-то гроыхало, шурушало и мы подошли поближе.

Архитектор с каким-то пожилым мужиком, пытая и отдуваясь, закидывали в кузов зеленые армейские матрацы, которыми оказался набит склад. Обоим, и архитектору, и его помощнику, явно перевалило за шестьдесят, оба они тяжело дышали, перетаскивая в кузов тюфяки. Мы, не сговариваясь, взяли за работу. Я вскарабкался в кузов, а Йони подавал матрацы снизу. Стариков мы выставили наружу отдыхать.

Кузов был ржавый, матрацы грязные и вонючие, так что работа особого удо-

вольствия не доставляла. Несколько матрацев пришлось отложить — их обвели крысы.

— Скажи мне кто-то утром, что в девять вечера я буду грузить вонючие тюфяки в Акко, я бы долго смеялся, — отдуваясь, прохрипел я в темный лабиринт склада, где копошился Йони.

— Ну, и что, кто-то ведь должен это делать, чем ты хуже этих стариков?

Я только усмехнулся. В этом был весь Йони. «Кто-то же должен, почему не ты? Или не я?»

Первый раз я услышал это в офисе, когда Йони объявил обоим нашим начальникам о том своем призыве на сборы — трехнедельные учения в Негеве.

— Ты, естественно, отмажешься, — даже не спросил, а утвердительно произнес Дуду.

— А как же она? — спокойно, но очень серьезно спросил Йони, поднимая на них черные наивно-детские глаза.

— Кто она? — хором спросили Дуду и Рами (наш второй босс).

— Ну, Родина, — пояснил Йони, — кто-то же должен ее защищать, почему не я?

Боссы многозначительно переглянулись, Рами полгрой было рот, но Дуду пнул его ногой под столом и осторожно спросил:

— А ты уверен, у тебя ведь... это... семья, дети... ?

Йони молча кивнул, и столько в этом кивке ощущалось непоколебимой уверенности, что начальники отстали.

(Через полгода начальники потребовали, чтобы Йони перенес или отмазался от очередных сборов. Он послал нашу контору подальше, и уволился.)

Наконец, мы набили кузов до отказа. Помощник архитектора полез в кабину грузовика. Мы подошли к тендеру. Я сел рядом с водителем, а Йони примостился на заваленном коробками заднем сидении.

Вчера была война

Кроме наших наборов, в тендере лежали штук пятнадцать вентиляторов.

Живительная струя кондиционера выдавливалась из кабины густой влажный воздух.

Давид вытащил телефон и кнул пальцем в кнопки:

— Мы выезжаем, — сказал он кому-то.

Древний «мак», скрипя ржавым кузовом, выкатился из ворот, тендер архитектора пристроился в хвосте. Мы петляли по безлюдным улицам, фонари почти нигде не горели. На одном из перекрестков нас нагнала машина муниципального патруля. Давид открыл окно, помахал им и машина, мигая желтым маячком, двинулась следом.

«Мак» завернул в тупик, окруженный со всех сторон четырехэтажными амидаровскими домами. Свет горел всего в нескольких окнах.

— Тут район такой... — сообщил Давид, — ... неблагоприятный, а за время войны они вообще озверели.

Архитектор вылез и ушел в ближайший дом. Вскоре он вернулся с женщиной, смешно шаркающей по асфальту огромными плюшевыми тапками в форме зайцев.

— Да мне штук двадцать нужно! — возмущалась женщина. — Ты сам загляни, там же дети!

— Охренела, — Давид помахал рукой у виска, — откуда у тебе возмущать. Получишь два, а за время фабрика матрацная. Позови кого-нибудь, чтоб помогли!

Архитектор подошел ко мне и поросил:

— Залезь, пожалуйста, наверх. Скинь ей два матраца.

Откуда-то уже возникла пара пацанов лет десяти, с интересом уставившаяся на грузовик.

Женщина в тапках оовернулась и вдруг хриплым басом проревела:

— Мооооооооооо, бо*!!!!!!!

Архитектор поморщился:

— Поттише ты, твои вопли в Бейруте слышно!

— Ну, и хорошо, — сварливо откликнулась женщина, — может, Насралла, мать его, испугается и сдохнет!

На ее вопль из подъезда, шаркая шлепанцами, вышли два нереально огромных бритых наголо амбала в линиях, лопающихся на могучих грудях, майках.

— Чо, мамуля? — спросил старший.

— Через плечо! — отгрызнула «мамуля». — Матрацы вон, возьмите.

Я забрался в кузов и скинул им два матраца.

* Бо — иди (ивр.)

Ливан

Тем временем Йони ковырялся со своей коробкой, пытаюсь вскрыть ее «универсальным инструментом» — зажимом для кипы. Получалось плохо. Я бросил ему перочинный нож.

Покорившись, Йони распечатал коробку и сунул папанам по пакету с конфетами. За их спинами, словно из воздуха, соткались еще три загорелых тощих подростка.

— А у меня сестра дома, — тут же соврал один, — можно мне два?

Йони сунул ему два пакета. Амбалы, шаркая, подошли и хмуро уставились на Йони.

— Ты кто? — поинтересовался страшный.

— Мы добровольцы, подарки детям вот привезли.

— А дети до какого возраста считаются? — серьезно спросил младший.

Йони вручил им два пакета и хлопнул младшего по плечу. Лица амбалов засветились непосредственными детскими улыбками. Они подхватили свои матрацы и зашаркали к подъезду.

Балансировать на зыбких матрацах, держась за ржавый борт, мне не хотелось, и я полез вниз. Давид уже с кем-то переругивался, размахивая бумагами, пытаюсь разглядеть что-то в свете фар грузовика. Народу постепенно прибывало. Йони, как заведенный, раздавал пакеты.

Помощник Давида выдал высокому очкарику вентилятор, и вдруг я понял, что грузовик окружает самая настоящая толпа, какие-то люди заглядывали нам в глаза, спрашивали, когда начнется эвакуация, что мы раздаем. Мелькали перед глазами лица русских, кавказцев, арабов, эфиопов, марокканцев, иракцев. В какой-то момент толпа набрала критическую массу. На Йони со всех сторон напирала дети и подростки. Я протолкался к нему, оттеснил к грузовику, чтобы не напрыгивали со спины.

— Сволочи!! — заверещал в толпе женский голос. — Бросили нас тут, за что мы только налоги платим!

Густой голос архитектора, тут же перекрыл визг:

— Кто здесь налоги платит?! Покажите мне героя, кто здесь платит все налоги без скидок! Ну!!!

Район этот, по всему, был нищий, и налоги тут мало кто платил полностью.

Видимо реплика о налогах разозлила народ еще больше, раздалась выкрики на всех языках: на иврите, на русском, на арабском, на амхарском.

Архитектора толкнули в грудь, он возмущенно закричал.

— Зина!!! — рявкнули рядом. — Быстро сюда!!! Занимай очередь!!!

... мы тут! ... дети в бомбоубежищах с ума сходят!

Народ зверел на глазах, нас притиснули к грузовику, где-то надрылся сорванный голосом архитектор.

... жарко!... гады... драпанули... разво- рвали все!...

Пакеты у Йони уже не брали, а зло выдирали, разрывая картон. К коробке тянулись десятки рук, хватая нас за одежду, что-то требуя. Йони смотрел на них с растеряной улыбкой. Его толкали, орали в лицо.

Какой-то парень подскочил ко мне схватив за ворот рубашки, я вырвался, заломил ему руку, парень упал вниз под ноги.

«Вот они, кранты!» — мелькнуло в голове, — «И никаких ракет не надо!»

— Под грузовик!!! Быстро!!! — заорал я, хватая Йони за плечо. Но тут, совсем рядом взвывала полицейская сирена, двор запылял голубыми отблесками мига- лок.

— Р-р-разайтись!!! — рявкнул усилен- ный матюгальником голос, по-русски рас- катывая «р».

Толпа, настороженно притихнув, отхлынула назад. К грузовику пробива- лись два полицейских. Третий внима- тельно следил за ними от патрульного джипа.

Взмокший, красный как помидор, ар- хитектор благодарно пожал руку одному из полицейских.

Я протолкался через толпу и отошел в сторону, подальше от толчеи. Под стол- бами ближайшего дома сидели на стульях пенсионеры.

— Молодой человек, — спросил один, — вы по-русски не говорите?

— Говорю...

— Вы не знаете, что там происходит?

— Муниципалитет матрацы раздает и вентиляторы.

— Вентилятор, это хорошо, — вздох- нул старик, — да разве пробьешься...

Я шагнул мимо них в темный подъезд, где тусклым квадратом светился вход в подвал. Спустившись по ступенькам, во- шел внутрь и ужаснулся.

В узкое помещение с грубо побе- ленными бетонными стенами набилось человек тридцать. Они сидели на расстав- ленных вдоль стен стульях и диванах, осве- щенные слабым светом двух лампочек. Единственный вентилятор шумно месил тяжелый, смрадный воздух.

На застеленном одеялами полу вози- лись дети, бубнил в углу телевизор, по- казывая людей, погибших вчера и сего- дня.

Секундный флешбэк вернул меня в зиму девяностого первого года, в такое же бомбоубежище, где мы с замиранием сердца ждали, когда же ухнет глубокий, сотрясающий дом до фундамента, разрыв очередного иракского Скада.

Люди синхронно повернулись и по- смотрели на меня. Десятки глаз, полных испуга, отчаяния, истерики. В их взгля- дах была такая сила, что я невольно по- пытался назад, понимая, что если Йони- ны конфеты и нужны, то именно здесь, этим людьми, а не беснующейся снаружи толпе.

Я выбежал на улицу, вытащил началь- ника из толпы и рассказал ему о том, что видел.

Схватив две коробки, мы рванули в убежище.

Йони объявил, что мы до- бровольцы, что приехали из центра помочь, чем можем.

Надо было видеть, как у людей теплели взгляды, как на мгновение исчезали в их гла- зах испуг и истерика.

Но потом... потом, когда мы шли к двери, я оглянулся и осознал: мы отвлекли их лишь на мгновение, сейчас мы уйдем, уедем в безопасное мес- то, спокойно ляжем спать, а они останутся. И снова будут наедине со своими страхами торчать в этих грязных, бетонных мешках, в духоте и во- ни, прислушиваясь к грохоту разрывов на улице.

Мы спустились в убежище в доме ря- дом, потом в другое, в третье... Везде мы встречали одно и то же. Множество стари- ков, детей, инвалидов, представителей са- мых разных общин: коренных израильтян, арабов, русских, эфиопов.

Те, кто мог, давно эвакуировались, ос- тались те, у кого не было возможности, ко- му некуда было уезжать.

Вчера была война

и Давидом. На ярко осве- щенной лестнице я заме- тил вытатуированный на руке Сташевского лагерь- ный номер, и мне подумалось, что в его жизни бывало настолько «похуже», что нам и в кошмар- ном сне не приснится.

Это бомбоубежище построили всего лет де- сять назад, оно было большим и светлым, работала вытяжка и царило здесь какое-то спокойствие и ос- новательность. Зал убежища был разгоро- жен стеной, за которой свет был приту- шен, там, на полу и на складных кроватях, спали. В другой комнате, с группой детей, которым, видимо, не спалось, играл в лото пожилой мужчина.

— Видите, — обвел руками Сташев- ский, — у нас здесь полный порядок. Только некоторым спать негде.

Мы раздали детям конфеты, потом Йони ушел за стенку и положил по пакету рядом с каждым спящим.

Наверху уже перемигивался мигалка- ми амбуланс. Женщина, поддерживаемая санитарями, все еще вскрикивала, содра- гаясь от рыданий.

Мы сели в тендер. Архитектор хмуро покосился в сторону «амбуланса» и повер- нул ключ в замке зажигания. Ехали молча.

На этот раз я трясся на заднем сиде- нии, облокотившись на три последних «конфетных» ящика.

Давид опустил окно, закурил и выдох- нул дым:

— Правительство ни хрена не делает, одни добровольцы вроде вас помогают...

— Чего ж ты хотел? — грустно ухмыль- нулся Йони и добавил свою любимую присказку, — Хотели «Вперед», получили под зад.*

— Я за Кадиму не голосовал, — бурк- нул архитектор, — я вообще на эти ублю- дочные выборы не ходил. Да хрен с ними, с выборами, лишь бы у наших уродов вы- держки хватило дело до конца довести, мы-то потерпим сколько надо. Ведь жить так больше невозможно. У меня сестра в Шломи, они там в последний год от бом- боубежищ отходить боятся.

О происходящем до войны на север- ной границе мы и сами знали не пона- слышке. Йони рассказывал, как прошлым ноябре, в их танк, стоявший в опорном пункте, вклепили ракету. Причем, эти кад- ры засняли журналисты и потом крутили по всем каналам.

Да и я на всю жизнь запомнил сборы, года за три до войны. Тогда снайпер боеви-

ков с той стороны границы застрелил двух наших связистов чинивших антенну.

Но Давида понесло:

— Шесть лет, как мы из Ливана ушли, шесть лет они по нам стреляют через гра- ницу, убивают солдат, гражданских... А наши заладили одно: не провоциро- вать... не провоцировать, не давать пово- да... Ну, дык, хезбаллоны сами этот повод и взяли. Сколько раз они пытались солдат похитить, сколько?

— Кажется, четыре, — встрял я с зад- него сидения.

— Вот, а сколько было просто нападе- ний, терактов? И ни черта эти наши при- дурки не делали! Все одно... не провоциро- вать, тыфу.

Давид сплюнул в окно.

Йони молчал, я тоже помалкивал. Ча- сы на приборной панели показывали пол- первого ночи.

— Сейчас поедет в тот район, где сего- дня погибли люди.

Убедившись, что грузовик следует за нами, Давид свернул, потом еще и медлен- но выкатился на улицу, застроенную по обе стороны белыми трехэтажными дома- ми, даже редкие фонари на этой улице го- рели, освещая все дрожащим желтаватым светом. Асфальт впереди сверкал и пере- ливался блесками. Когда мы подъехали, я понял, почему: сверкали осколки выбитых автомобильных стекол. Давид проехал еще немного и встал. Мы с Йони вышли, осма- триваясь вокруг.

Улицу накрыл залп ракет. Это напо- минало кадры какого-то фильма: в пол- ной тишине стояли красивые белые дома, но стекла были выбиты, а кое-где чернели закопченными краями проломы прямых попаданий. Стены были испещрены сот- нями отметин.

У каждого дома сидел на стуле охр- анник, нанятый мэрией, следить, чтоб не растащили имущество. Со столбов и дере- вьев свисали полосы полицейской ленты. В асфальте чернела воронка. Буквально все было покрыто маленькими круглыми дырочками.

Об этом часто говорили в СМИ, но од- но дело слышать, а совсем другое увидеть своими глазами. Боевики Хезбаллы усо- вершенствовались ракеты, заполнив БЧ сот-

Ливан

нями стальных шариков. Они давали огромный разлет осколков и невероятную кучность. Шарик и сейчас катился под ногами.

Продырявлено было все вокруг: машины, дорожные знаки, заборы. За дырявым ограждением детской площадки, покачивались дырявые, как решето, качели, карусели, даже стенки песочницы оказались пробитыми насквозь.

Истекали смолой деревья, покрытые десятками круглых, похожих на пулевые раны, выщербин.

Странное это было ощущение — стоять под черным давящим небом, на улице, где сегодня днем нашли свою смерть три человека... Сюрреалистические дырки, покрывавшие любой предмет, добавляли свой вклад в отрыв от реальности.

— Ну, как? — поинтересовался архитектор, разорвав напряженную тишину.

Йони только покачал головой.

Бомбоубежище находилось позади детской площадки. Мы потопали туда, хрустя битым стеклом и осколками. Где-то в подсознании вдруг запел Бутусов: «Посмотри, как блещат бриллиантовые дороги, смотри, какие следы оставляют на них боги...»

Давид, обехав вокруг, подогнал к входу тендер.

В этом убежище безнадежно воцарилось отчаяние. Оно проглядывало во взглядах людей, сидевших у двери, в позах спящих на полу.

Судя по району, люди тут собрались выше среднего достатка. Никакие матрацы или вентиляторы им не требовались, а на жалкие попытки приободрить, нас просто послали подальше, проводив вслед матерком.

Архитектор философски пожал плечами и махнул напарнику — разворачиваться.

Следующее убежище нас доконало. То ли поблизости находился какой-то пансион, то ли дом престарелых, но здесь скопилось человек двадцать пять стариков-пенсионеров. Почти никто из них не спал, они сидели на улице у стен бомбо-

убежища и смотрели на нас полными страха и отчаяния глазами. Внизу, в страшной духоте, спали на раскладушках две старухи.

Тут сомлел даже архитектор. Мы живо перетаскали вниз оставшиеся вентиляторы и матрацы. Йони оставил здесь содержимое последней своей коробки.

Старики молча провожали нас слезящимися глазами. Давид пообещал утром прислать социальную работницу разбираться.

Окончательно вымотанные физически, и еще больше морально, мы вернулись к складу, откуда начинали развезд.

Давид отпустил помощника. Мы уже хотели распрощаться, но архитектор настоял, на том, чтобы мы поехали за его тендером.

Через несколько кварталов Давид остановился у огромного уродливого здания, сложенного из серых бетонных блоков. Больше всего этот образчик израильской архитектуры восьмидесятих напоминал оборонный объект, но это оказалось здание мэрии.

Пройдя через пустынный холл, мы поднялись на второй этаж в длинный коридор.

Часы показывали почти два часа ночи, но здесь слышались голоса людей, хрипели рации, где-то стрекотал, выплевывая листы, принтер.

Давид, пройдя по коридору, завернул в распахнутые двухстворчатые двери. На диване, рядом с заваленным бумагами столом, высилась гора керамических бронжилетов.

— Подождите, — попросил архитектор и шагнул в соседнюю комнату.

Раздались голоса. Потом отчетливо простучали женские каблучки.

Вскоре Давид вернулся и позвал нас.

В комнате стояла, прислонившись к столу, девушка с усталым лицом, она улыбнулась нам, показав жестом:

— Мэр ждет вас...

Давид толкнул дверь, и мы вошли.

Навстречу нам из-за стола поднялся высокий худой мужчина лет сорока. Давид представил нас и вкратце рассказал о поездке.

Мэр пожал каждому руку и поблагодарил, а потом, порывшись в ящике, извлек два маленьких вымпела с гербом города Акко и вручил нам.

Мы еще раз пожали ему руку и вышли.

— Ну, вот, теперь и попрощаться можно, — произнес Давид, — спасибо вам, мужики! За все спасибо! Будете в Акко, мой дом для вас всегда открыт.

Он вытащил из встроенного в стену холодильника две бутылки минералки и протянул нам:

— Чтоб не уснули по дороге.

Мы распрошались с архитектором и, с трудом переставляя ноги от усталости, побрели к машине.

Вскоре «шевроле» уже мчался на юг. Разговаривать не хотелось. Слушать музыку тоже.

За окном море катило темные валы, увенчанные барашками пены.

Я откинулся на сидении. Йони пошарил в бардачке и извлек записку — банку теплой кока-колы. Открыл ее, глотнул и вставил в держатель. Я покосился на него:

— Как ты пьешь эту теплую гадость?

— Нормально, — отозвался мой начальник, — авось, взбодрит немного.... — И добавил: — Тебе не показалось, что мэр похож на змею, скользкую и холодную, и рука у него была такая же влажная и вялая?

Я пробормотал что-то об обманчивом внешнем виде. Йони, в ответ, критически хмыкнул.

За окном уже пролетали темные дома нижней Хайфы, протянулся справа ярко освещенный порт, а слева — музей военно-морского флота, за забором которого чернела рубка подводной лодки Даккар. Наконец, мы выбрались на приморское шоссе, и Йони вдавил газ.

На подъезде к Атлиту запиликал мобильник. Йони бросил взгляд на экран:

— Мы попали..., это Шалом...

Шалом тоже работал программистом в нашей фирме. В начале войны его призвали на сборы в армейский раббанут, где он занимался опознанием трупов. Насмотревшись за неделю на то, во что превращают человека современные виды оружия, и пообщавшись с родственниками погибших, Шалом перестал спать по ночам. Когда приходилось совсем туго, он звонил тем, кто неосмотрительно забыл выключить на ночь мобильник.

Вот и сегодня его колбасило. Йони описал ему нашу поездку. В ответ Шалом рассказал о том, как сегодня ему пришлось выскребать из БТРа останки экипажа.

Это оказалось выше моих сил, я закрыл глаза и почти сразу отключился. Проспал почти до самой железнодорожной станции.

Йони высадил меня у машины, развернулся и двинул в сторону шоссе, ему предстояло добираться домой в Иерусалим.

Облокотившись на капот, я уставился в небо. Здесь оно казалось совсем другим, спокойным и мирным. Звезды невозмутимо изучали наш неутомимый мир. На востоке краешек небосвода незаметно менял цвет с черного на фиолетовый. Зарождался восход, а вместе с ним зарождался еще один день еще одной войны.

Юрий Перфильев

Полковник Службы Внешней Разведки в отставке. Резидент КГБ в Ливане в 85-89 гг.

МЫ ВЫПОЛНЯЛИ СЛУЖЕБНЫЙ ДОЛГ

Беседовал Илья Плеханов

Юрий Николаевич Перфильев известен широкой публике в связи с освобождением советских заложников в Ливане в 85-м году. Материал о книге Юрия Перфильева, посвященной именно этим событиям, мы опубликовали в одном из предыдущих номеров Альманаха. Наш разговор начался легко, как оказалось, в чем-то мы с Юрием Николаевичем коллеги. Он в свое время был главным редактором русского пропагандистского журнала в Канаде.

— Юрий Николаевич, в открытых источниках можно найти только Ваши экспертные комментарии по Ливану, личности Арафата и освобождению заложников. Что-то еще о Вас вряд ли кто из наших читателей знает. Расскажите вкратце о себе.

— Мой отец был авиационным инженером, мать тоже работала в сфере авиации. По образованию я также авиатор: в 1958 году окончил Московский авиационный технологический институт. Когда поступал в ВУЗ, я был нацелен на то, что буду авиатором, специалистом по реактивным авиадвигателям. В студенческие годы мы прыгали с парашютом, ездили в лагерь, где у нас была возможность летать на реактивных самолетах, на МИГ-ах, на истребителях. Пришлось учиться прыгать с парашютом и с реактивных машин, иначе в кабину не сажали. Сначала на катапульте на земле, а потом в воздухе с бомбардировщиков Ил-28, с места стрелка радиста из люка. Сейчас на моем счету 14 прыжков. Однако, как говорит мой сосед летчик-истребитель, «я свою жизнь тряпочке доверять не намерен».

Преддипломную практику проходил в ОКБ Челомея, где при изготовлении изделия «вода-воздух» одно крыло клепали 320 часов, чему я очень изумился. Разработал специальный стапель, с помощью которого работу над одним крылом сократили до 28 часов. Руководство ОКБ затребовало меня на работу после окончания института. Правда, к этому времени я уже прошел все собеседования и знал, что меня берут в разведку. Когда

же 1 сентября я не появился в ОКБ, откуда пришла бумага, что за мной придут с милицией. Я отнес ее в отдел кадров разведшколы № 101 Главного Разведывательного Управления, курсантом которой был на тот момент. Писать из ОКБ мне больше не стали. Окончив через 2 года разведшколу, сдал экзамены в ООН, куда меня пригласили работать в качестве переводчика. Сначала меня хотели направить в Канаду для изучения французского языка, но не сложилось — уехал в Нью-Йорк. Я стал сотрудником резидентуры КГБ в Нью-Йорке, где и проработал 3 следующих года. Затем уже была работа в Канаде, дважды по 5 лет в Ливане и последний заезд в Испанию в качестве представителя нашей разведки при спецслужбах НАТО. Это был дипломатический пост.

— С восточными языками, значит, Вы не знакомы?

— Хотя 15-20 лет и отдал Ближнему Востоку, к восточным языкам не имею никакого отношения. Ливанцы часто спрашивали, почему я не говорю на арабском. Я в ответ спрашивал: «Что лучше, плохой арабский или хороший английский?» Остановились на последнем. Незнание языка никогда не было помехой, ведь Ливан лишь географически арабская страна. Проживающие там марониты и палестинцы, являясь наиболее образованной частью населения Ближнего Востока, как правило, в совершенстве владеют английским и французским языками. Ливан — это зона европейской цивилизации в арабском мире. Культура туда была привнесена французами, сегодня даже в арабских университетах преподают на французском языке. Они приняли европейскую культуру как свою.

— На Ваш взгляд, можно ли сегодня говорить о росте исламского влияния?

— Хотя влияние исламистов растет, у экстремистов нет шансов свернуть

Ливан с европейского пути развития. Помимо мусульман там живут католические и православные христиане, дру-з, прозападные сунниты. Исламский экстремизм зиждется на шиитах, которые являются наиболее бедной и необразованной частью населения. Мусульманский путь развития олицетворяет «Хезболла», но она всего лишь одна из партий гнева, которая вечно всеми недовольна и с 1975 года почти все время находится в состоянии войны... Что касается «Хамаса» в Секторе Газа, то, несмотря на их победу вроде бы на демократических выборах, они не в состоянии идти по мирному пути решения проблем. Однажды ночью в мою дверь в Бейруте позвонили, на свой вопрос «кто?», услышал — «открывай!». После того как я лягнул Калашом, тут же вежливо попрощались и ушли... Характер такой у них: уважают только силу.

— Сохранились ли у России интересы в данном в регионе?

— Война никому не нужна. Сегодня у России нет возможностей воздействия

Интервью

Интервью

(раньше это было оружие и наличность), осталось лишь идеологическое влияние: мы можем разговаривать и с Израилем, и с США, и с Хамас, и с Палестиной. Я считаю, что у Израиля нет перспективы, ведь страна слишком маленькая, люди устают, народ будет уезжать. Сегодня камень преткновения — Иерусалим. И палестинцы, и израильтяне заявляют, что это их город. Между тем, исторически Иерусалим не входил в земли Израиля, он был захвачен более полувека назад при создании страны. Компромисс возможен, спасительным может стать вариант — объявить Иерусалим открытым городом с собственной администрацией, каким был некогда Западный Берлин. Но сейчас никто не подает сигналов, что люди готовы к переговорам. Вероятно, прежде должны появиться очень грамотные лидеры.

— Юрий Николаевич, когда и почему мы перестали поддерживать только арабов и выступили в качестве посредников?

— С того момента как появились дипломатические отношения с Израилем. Контакты с израильтянами были всегда, и в ООН, и в Вашингтоне, и в Европе.

В свое время наша страна поддерживала палестинцев через Сирию: напрямую они от нас оружие не получали, с Сирией действовало соглашение, что часть поставок должна быть передана Палестине. Мы готовили их людей, которые, нужно сказать, были очень наивны. Однажды начальнику охраны Арафата, Абу-Хасану, мы передали информацию, что такие-то палестинцы работают на израильтян. Прошла неделя, он молчит, вторая — молчит. Спрашиваем, как использовали информацию. Он отвечает: «Спасибо, предателей расстреляли». За чем?! Ведь еще Дзержинский говорил, что расстреливать надо только тех, кого нельзя не расстрелять. У них не было и мысли их использовать...

После войны в Ливане, после 90-го года мы стали вести переговоры со всеми сторонами. Сирийцы вояки относительно. Когда израильская армия наступала на Дамаск, нашего военного советника спросили, как будут развиваться события? «Если бы наши, советские, были на поле боя и командовали мы, то вечером были бы в Тель-Авиве, а так сирийцы

дня три может и продержаться». Вот вам и Искусство Войны...

— Каковы Ваши прогнозы в отношении Ирана?

— Я не готов давать какие-либо прогнозы, но из ирано-иракской войны можно сделать вывод, насколько сильна иранская армия... Остается надежда, что вторжения не будет, однако это зависит не только от Ирана, американцы могут начать войну под любым предлогом. В том же Ираке ведь никогда не было никакого ОМП. Моя работа на Ближнем Востоке была связана с активностью американцев в регионе. Вообще, руководство амери-

канской армии, да и даже Бжезинский и Киссенджер, не отрицают, что исповедуют практику нажима, проверяют пружину: если не выталкивает, то жмут дальше. Все на грани фола, но ведь граница отодвигается в том направлении, в котором оказывается давление. Американцы позволяют себе все больше и больше. Раньше такого даже не могло быть, вспомните Суэцкий канал, когда ТАСС сообщило «прекратите или...». Многоточие говорящее... Должна, конечно, и у России появиться политическая воля, вот в последнее время Путин стал разговаривать более жестко.

— Что движет американцами в регионе? Чистая политика или борьба за ресурсы?

— И ресурсы, и власть. Американцы на 200% поддерживают Израиль, но после опустошения нефтяных месторождений на Ближнем Востоке они уйдут.

— Насколько дальновидны американцы, насколько лет вперед они планируют свои действия?

— Американцы в своих НИИ моделируют сценарии развития различных событий, используя теорию игр. Такие исследования ведутся в течение 6-12 месяцев. Затем руководство строго следует выработанному сценарию. В России этого не было и нет. В 1980-х в СССР в связи с брожением в массах создали институт социологических исследований, перед которым поставили одну-единственную задачу: оценить эффективность партийной пропаганды. Через год был получен ответ, что эффективность равна нулю. С результатом исследования ознакомились, но вместо принятия каких-либо мер, просто закрыли институт. Вот такая вот дальновидность...

— И все же, анализ американцев является краткосрочным или долгосрочным?

— Скорее краткосрочным, длительность периода, на который делается прогноз, по понятным причинам составляет 8 лет. Конечно, в американском руководстве существует ядро, работа которого зависит не только от срока выборов (например, Госдеп, ЦРУ), хотя и они яв-

ляются лишь обслуживающими организациями. В отношении КГБ, например, говорили, что он гнул свою линию. Но какую линию он мог гнуть? Действительно, методы решения задач у этой организации были свои, но сами задачи ставились все же сверху. В свою очередь, методы определялись наличием у КГБ других, более серьезных и достоверных, источников информации. Возвращаясь к вопросу о долгосрочности анализа у американцев, то это все же 8 лет и первые 4 года, когда набирают очки на следующие президентские вы-

боры. Показательно, что в Конгрессе США есть галерея великих президентов. У них все великие!!! А у нас поливают грязью...

— Возникали ли ощущения до развала страны, что в СССР не все ладно?

— Конечно, возникали, хотя бы, исходя из того факта, что несмотря на то что КГБ и докладывал руководству соответствующую информацию, но адекватных принимаемых решений не видел.

— Люди мирились?

— Нет, не мирились, но считали что «наверху» виднее, что есть высшая политическая целесообразность. Возьмем Бельежские соглашения на грани измены Родине, даже не на грани, а за гранью. Горбачеву подчинялись все силовые структуры, поэтому если бы он сказал «фас», «соглашателям» из пуши дали бы в руки ракетки и они по чилийскому варианту играли бы там в свои игры до конца лета.

— Есть ли сожаление, что такого не произошло?

— Да, есть, ведь в итоге разграбили всю страну. Правда, чувства вины нет, есть только ощущение, что не достаточно четко донесли информацию «наверх», не расставили все акценты правильно, и «наверху» все замялось. Возьмем, к примеру, ГКЧП. Все члены этого комитета были «детьми» СССР, с убеждением, что если партия и правительство что-то заявили, все будет сделано автоматически. Но любые заявления надо подкреплять действиями. Если в 6 часов ГКЧП объявил о взятии власти, то в 9 Ельцин должен был играть в теннис на стадионе... Они этого не сделали.

— Когда же появились первые ощущения что в «королевстве» что-то не так?

— В тот момент, когда начались перебои с продуктами, когда «королевство» будто бы не могло себя накормить. Но мы все ждали команды, мы были орудием в руках власти. Есть ли в мире практика, чтобы осудили топор за убийство? Организация наша была «острая», но ведь всегда виноват тот, кто держит черенок. В это время на политической сцене страны появились новые силы, недовольные люди, которые готовы были рисковать, в отличие от госслужащих. Для меня развал страны — личная трагедия. Мы могли бы достичь многого без умерщвления сотен тысяч, если не мил-

Мы выполняли служебный долг

есть еще не пойманные». Когда стало все дозволено, началась деградация нации. Посмотрите на школу. Американцы сделали по 10 фильмов на каждого своего убитого солдата, и у нас уже стали сомневаться, кто выиграл Великую отечественную войну. Но как вообще можно сравнивать нас с ними по потерям и вкладу в победу? А ведь американцы уверяют, что это они спасли мир от фашизма...

— Есть ли надежда на молодые кадры?

— Сложно сказать. СВР, конечно, меньше затронуло разложение. При развале СССР спецслужбы всячески поливали грязью, но как только начались взрывы, стали спрашивать «где наши спецслужбы?» Так они ушли! Говорят, новых же набрали! Эээ, нет, это вам не деньги считать и в казино фишки двигать, чтобы создать что-то действенное, нужно лет 15 как минимум. Преемственности нет. Кто будет готовить-то новые кадры? Ушли слишком многие. Помните слова Сахарова? «Единственная некоррупционная организация в СССР — это КГБ». Сейчас в отношении ФСБ я не могу этого сказать. СВР — тоже срез общества, что-то, конечно, происходит и там. С милицией и ФСБ все ясно: они просто «крышуют» направо и налево. Мне бы очень хотелось, чтобы сотрудники СВР, принимая задачи, не ставили перед собой вопрос «что я с этого буду иметь». Однако это только моя надежда.

— А Вы чувствовали себя преемником?

— Конечно, я работал с людьми, которые прошли еще Великую отечествен-

ную войну, людей от голода, войн и бед. А тут какой-то Прохоров играет на балайке в Куршевеле, дескать, на свои деньги! На свои! Уму непостижимо! Сейчас в России быть богатым — неприлично (именно богатым, а не просто обеспеченным). Это как клеймо «Я — жулик».

— Если вернуться к вопросу о личной ответственности. «Дело Ульмана» стало в России прецедентом, когда как раз осудили «топор»...

— Я считаю, что нашли стрелочника. Так складывается ситуация...

— А как у нас в стране будет складываться ситуация дальше?

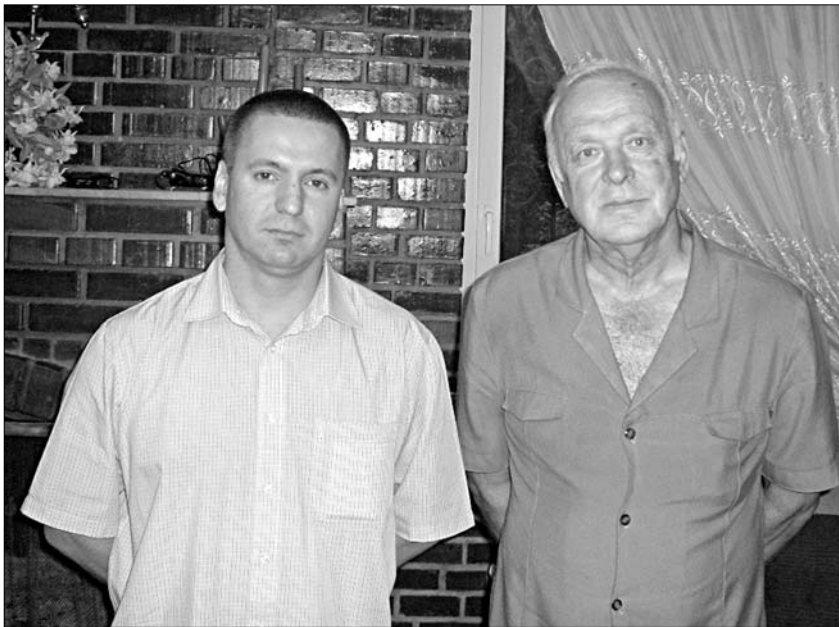
— Подождем 2017 года... По аналогии с прошлым веком. Посмотрите, как упала мораль: разве мы когда-то могли себе представить, что по ТВ будут часами обсуждать особенности анального секса, что на протяжении 15 лет в СМИ будут рекламировать пиво и на вопрос «Что вы делаете?» у молодежи будет один ответ — «Да пиво пьем». У нации должны быть шансы выжить, но в каком виде мы выживем, это большой вопрос. Кого-то на Западе устроит, если от нас останется нация обалдеев...

— Насколько силен внешний фактор воздействия?

— Силен, силен, есть и большая пятая колонна, но основная причина — это наша апатия. Рыба гниет с головы. Как только «наверху» запахло тухлятиной, все вдруг всем стало можно. По словам моего друга, «нет морально устойчивых,

Интервью

• Илья Плеханов и Юрий Перфильев

ную. Я был лично знаком с исключительными людьми: Кирпиченко, Феклисовым, Сахаровским, Абель, в конце концов. Я сталкивался с ним по некоторым вопросам. К этим людям нельзя относиться без уважения.

— Юрий Николаевич, работу в каком регионе Вы вспоминаете с большей теплотой, в Америке или на Ближнем Востоке?

— На Ближнем Востоке, там была более интересная и активная работа, другой уровень доступа к информации. И наши действия там были более эффективны, так как работали по тем же американцам, британцам, канадцам, а их поведение в другой стране резко отличается от их поведения дома. Ливан — единственная страна, в которой я был дважды по 5 лет, это ведь отражается на том, как и с кем вы работаете. Я был знаком со многими бывшими и будущими президентами стран региона. Я поддерживаю со многими из них отношения и сейчас. Когда я спрашиваю, кого избрала там-то или там-то, мне говорят «да опять твоего знакомого».

— Участвовали ли Вы лично в боевых действиях?

— Помните фильм «Мертвый сезон»? Когда берут нашего разведчика и спрашивают, есть ли у него оружие. Он удивляется и отвечает: «Что вы, я же профессионал!» Нет, не приходилось, мы работали в условиях боевых действий, надо было выезжать в зоны обстрела, ук-

рываться от огня. Даже однажды пришлось приобрести бронированные Мерседесы для наших сотрудников в Ливане. Я приехал со сметой в Москву, а финансист мне говорит, что денег на машину нет. Я ему: «Составляй список!» Он удивляется: «Какой?» «Кто будет нести гроб». Он 10 секунд подумал и расписался на документе. Я помню, как в 79-м году возвращался через Сирию из командировки. Выехали по направлению к Триполи. По радио слышу, что сегодня в Ливане был относительно спокойный день, выпущено не более двух тысяч снарядов! «Не более!» Были и ужасные годы, дни. Иногда психологически проще было пойти самому на задание, чем кого-то посылать. Тяжелое это ощущение — посылать в зону боевых действий людей. Сам я не мог себе это позволить, и, слава Богу, у меня никто не погиб. Как подумаешь, что надо будет смотреть в глаза женам, детям и матерям...

— Что поддерживало Вас в тяжелые минуты?

— Прозвучит смешно, но это было чувство долга, чувство служебного долга! Сейчас если спросишь кого, отдаст ли он жизнь за Родину, то услышишь в ответ: «За Родину? За эту? Да на хрена она мне сдалась-то?» У нас такого не было, мы давали присягу и ее выполняли, больше мне добавить нечего.

— После легендарного освобождения заложников в Ливане, чувствуете ли Вы себя героем?

— Нет, я не ощущаю себя героической личностью, освобождение заложников было командным действием, работали все ветви власти, разведка, президент, короли. Мы были на острие, мы были там, вот и все. По окончании операции были лишь чувство удовлетворения, что работа сделана, сожаление, что одного нашего товарища все же убили, а позже и разочарование, что один из спасенных убежал на Запад.

— Что Вы можете сказать об использовании исламистских сил в Чечне?

— Конечно, они используются, все это ведь и началось на Ближнем Востоке. Да, можно сказать, что мы не доработали в свое время. До 85-го года к исламскому фактору никто серьезно не относился, только после захватов заложников появилось внимание, стали налаживать каналы информации.

— В Чечне, по Вашему мнению, сейчас орудут похожие на исламистов с Ближнего Востока люди?

— Корни-то те же, но в Чечне, похоже, уже навоевались. Я не обладаю настолько точной информацией. Война в Чечне, я надеюсь, не повторится, там к власти пришел человек, который крепко держит бразды правления. Чтобы началась война, ему нужно стать диктатором, хотя задатки для этого у него, конечно, есть. Да и часть его охраны бывшие боевики... Но многое еще зависит от того, как ему позволят развиваться, какова будет политическая воля российской власти. Уверенности, что она будет, у меня, увы, нет.

— Чем Вы занимаетесь сейчас, когда появилось свободное время?

— Много читаю, как и всегда, а сейчас заинтересовался экономической тематикой, ее знание очень помогает нам в нашем деле. Написал несколько книг, некоторые аж тиражом в 25 экземпляров, лежат в спецхранах. На данный момент пишу книгу «Психология разведки».

— Что Вы могли бы пожелать Альманаху и его читателям?

— Чтобы Альманах был читаемым и главным, чтобы вы для людей писали честно.

— Спасибо Вам.

— Спасибо.

Александр Яковлев

Генерал-майор. Участвовал: Вьетнам

СОЛДАТЫ ДАЛЕКИХ ДЖУНГЛЕЙ

Материал предоставлен Владиславом Шурыгиным.

...Сейчас говорят, что Вьетнам был испытательным полигоном для опробования новых видов оружия. Что ж, может это и так. В общем-то, все тогдашние новинки прошли через нас. И «Шрайки», и «беспилотники», и «Уоллай», и «Фантомы», и «Скайхоки» — всего сейчас и не припомнишь. Двадцать лет прошло. Но для нас, советских военных советников, Вьетнам был и остается страной, которой требовалась наша помощь, наши знания, наше мастерство. Где остались друзья и товарищи. Где осталась часть души и сердца. Где опалило нас огненное крыло той далекой войны.

В Ханой прилетели утром. Инструктаж в посольстве, подготовка. И уже буквально на пятый день за нами приехали из полка.

Обстановка в это время была спокойной. Авиация над Северным Вьетнамом боевых действий уже практически не вела. Район боев сместился на юг, к семнадцатой параллели. Шло накопление сил и средств перед решительными схватками.

Зенитный ракетный полк, в котором нам предстояло служить, был частью особой. Его так и звали — полк-герой. Достаточно сказать, что до нашего прибытия (а мы были первыми советскими военспецами в этой части) ракетчиками полка было сбито шесть бомбардировщиков «В-52», не считая самолетов других типов. В момент прибытия советников полк после тяжелых потерь был выведен из южных районов на доукомплектование. Шел май шестьдесят девятого года.

Район семнадцатой параллели тогда не сходил со страниц мировой печати. Знали, конечно, о нем и мы — одиннадцать советских военных советников. Но никогда раньше не мог я представить, что придется оказаться здесь.

Кстати, говоря о подборе и комплектации наших военных советников, нельзя не сказать о поголовном отказе всем добровольцам, которых тогда было много. Офицеры и солдаты писали рапорты с просьбой направлять их во Вьетнам — рвались на помощь многострадальному вьетнамскому народу. Но на моей памяти ни один из рапортов не был удовлетворен.

Мне кажется, что это следствие уже запечатлевшей тогда чиновничьей перестраховки.

Итак, семнадцатая параллель. Полоса земли, выжженная напалмом, изувеченная воронками. Квадраты рисовых полей, фруктовые рощи были и местом труда крестьян и полем боя, и кладбищем — многие из них умирали с мотыгами в руках, подорвавшись на mine, попав под бомбежку или под обстрел корабельной артиллерии.

Люди приспособились к этой войне. Днем в небе безраздельно господствовала американская авиация. Штурмовики уничтожали все без разбора, будь то санитарный автомобиль или крестьянская упряжка.

Местом наших боевых действий был определен район реки Голубой, 250 км южнее города Винья, в провинции Куангбинь. Здесь находился один из важных узлов коммуникаций. С максимальной секретностью и маскировкой мы прибыли на место. Развернулись и... уже на третий день услышали по американскому радио о том, что в районе провинции Куангбинь развернуты ракетные установки ПВО.

Вообще, оценивая противника, хотелось бы особо отметить качество его разведки. Она велась с такой тщательностью, что любое наше перемещение буквально за несколько дней становилось известно американцам. Много информации давала, конечно, воздушная разведка. Но, мне кажется, что не меньше работала и агентурная.

Своеобразным было и отношение американцев к присутствию советских советников в частях народной армии. Пока не велись активные боевые действия, оно было панибратски-снисходительным. Хорошо зная месторасположение нашего лагеря, американские летчики не раз, возвращаясь с задания, пролетали над нами, покачивая крыльями, — привет, мол, русским! Были даже случаи, когда выбрасывались листовки с указанием времени бомбежки какого-либо объекта и предложением советским советникам покинуть опасную зону. Но когда начались активные боевые действия, и потери авиации резко возросли, показное добродушие как рукой сняло. Ранним майским утром ла-

герь подвергся жесточайшей бомбардировке и в считанные минуты превратился в большой костер. Лишь по случайности в нем в эти часы никого не было.

Начались бои. Основным и единственным возможным методом борьбы с американской авиацией в этих условиях стали засады. Дивизионы скрытно уходили в джунгли, там разворачивались на заранее подготовленных позициях и замирали. В течение нескольких дней изучалась воздушная обстановка, районы полетов авиации, готовились данные, и лишь после этого проводилась стрельба.

Над небольшой долиной, зажатой меж двух гор, скользил легкий «F-105». Без бомб, максимально облегченный — он был и разведчиком, и приманкой. Где-то за ним шла ударная группа. Поэтому разведчика пропустили.

Спустя несколько секунд, над долиной из облаков вырвалась пара «Фантомов» — ударная группа. И — ожила засада. Первой ракетой был уничтожен ведущий. Его самолет ярким факелом рухнул в джунгли. Ведомый, круто развернувшись, атаковал позицию дивизиона.

Вот он все ближе. Еще немного — и бомбы уйдут вниз, но неожиданно прямо перед ним в небо ушла зенитная ракета. Решив, что и есть место расположения дивизиона, «Фантом» обрушился в пике на ложную позицию, подставив себя под удар

Вьетнам

артиллерии. Ракетная позиция, которую он атаковал, была всего лишь приманкой. Поврежденную в предыдущих боях ракету просто закрепили на стволе пальмы и запустили «в никуда».

Короткий залп зениток был ужасным. Самолет просто развалился в воздухе и грудой обломков рухнул на землю. В опустевшем небе одуванчиком распутился купол парашюта. Через несколько минут был уничтожен и вертолет, посланный на помощь летчику.

А еще через некоторое время на расположение ракетчиков обрушился ракетно-бомбовый удар большой группы штурмовиков. Но бомбы рвались в пустом месте. Дивизион был уже в пути. Все здесь решали минуты. Если после пуска ракеты в течение сорока минут установки не покидали район, то шансов уцелеть практически не оставалось. Бомбили американцы снайперски.

Наш полк прикрывали батареи ствольной зенитной артиллерии. И делали это отлично. Артиллеристы имели удивительную подготовку. Один пример. Зенитчики учились стрелять по макетам самолетов, запускавшимся с дерева по нитке. Причем перед запуском мишени расчет находился к ней спиной. За считанные секунды расчет должен был развернуться, обнаружить, опознать и обстрелять мишень. Выполняя это упражнение по восемь часов в сутки, они доводили свое мастерство до какого-то нечеловеческого, электронного совершенства.

Вообще, надо отметить, что противник у вьетнамцев был сильнее. Высокая подготовка летчиков, четкая организация боевых действий, глубокая разведка, настойчивость в достижении задач — все эти качества в полной мере проявились во Вьетнаме. И малейшая ошибка, неточность оборачивались поражением. Воевать американцы умели. Но факт и то, что учили их этому вьетнамцы. Огромные потери заставляли командование ВВС США пересматривать большинство своих установок, менять тактику, повышать ставки пилотам за риск.

Разведке была противопоставлена маскировка. Да такая, что просто потрясала своей необычностью. Один пример. Однажды пусковые установки были поставлены среди густой пальмовой рощи, где стрельба была просто невозможна. Но когда до пуска остались считанные секунды, в секторе, куда развернулись ПУ, заранее привязанными веревками были растянуты в стороны пальмы и ракеты ушли в небо по узкому коридору среди стволов.

Многое было удивительно для нас. И хотя мы сами были ракетчиками и в Со-

юзе изучали маскировку, Вьетнам опрокинул наши представления о ней. Чего стоили, например, пуски, когда ракета взлетала в небо, буквально заваленная горой веток. Любому наш командир только бы за голову схватился. Как можно?! Там же рули, аэродинамика.

Но за плечами этих низкорослых, худеньких людей в пробковых шлемах и неизменных зеленых рубашках без погон было то, чего не было у нас, — опыт, годы боев с сильным противником. И нам порой оставалось только учиться у них.

Маскировалось все. Дороги, по которым ночами шли дивизионы, к утру превращались в джунгли. Кабины управления без провожатого вообще было не найти. И все это в горах, в пересеченной местности.

Нелегко приходилось и нам, советникам. Наша группа, которую возглавлял полковник Юрий Иванович Муханов, была как полком в миниатюре. В ней были собраны ведущие специалисты по всем системам ракетного комплекса: стартовики и дизелисты, наведенцы и электронщики. Мы были интеллектуальным центром, инженерной службой полка.

Если в тактическом и боевом отношении вьетнамские воины были подготовлены отлично, то в технических вопросах они испытывали затруднения. А в условиях джунглей техника капризничала. И это понятно: высокая влажность, температура. Не раз были случаи и просто неграмотного обслуживания комплексов. Так, например, несколько ракет пролетели далеко мимо целей, потому что у них оказались заклеенными изоляционной лентой трубки ПВД. Таким способом их, видимо, решили предохранить от переувлажнения. Словом, хлопот у нас было предостаточно.

Вьетнамцы очень ценили нашу помощь и знания. Но доверяли нам не сразу, а лишь убедившись в мастерстве каждого. Не случайно они устраивали новичкам проверки. Прибудет к нам новый специалист — глядишь, его уже через день просят приехать проверить систему. А неисправность такая, что иначе как специально ее не вызвать.

Так проверяли качество нашей подготовки. Может быть, чуть обидно, но зато к признанным специалистам доверие было полное. И это понятно. Будет исправлен комплекс — будут сбиты самолеты противника.

Это почувствовали и американцы. Всего за несколько месяцев ракетчики нашего полка уничтожили восемь самолетов США. Это не считая тех, что сбили приданные нам батареи зенитной артиллерии прикрытия, которая опрокинула взгляды многих военных авторитетов на пушку как на устаревшее средство борьбы с авиацией.

Признанием наших заслуг был и тот факт, что после каждой удачной стрельбы к нам в дивизион приезжал командир полка, а у партийного секретаря провинции устраивался прием.

Называли нас только по именам. Особенно почему-то вьетнамцам пришлось по душе сокращение моего имени Александр — Саня. В группе нас было два Сани — большой и маленький. Маленьким был я. А причина любви к имени выяснилась скоро. «Са-ня» — оказалось, по-вьетнамски — «далеко от дома». И было что-то символическое в этом переводе. Саня — далеко от дома.

До дома действительно было очень далеко. Жили мы в бунгалах — легких деревянных строениях. Климат — очень тяжелый. Жара под сорок, влажность, джунгли. Без топора или специального ножа шагу не сделаешь. В такой обстановке работоспособность падает. А ведь надо часами сидеть в кабине управления, где еще жарче.

Основное развлечение — кино. Помню, как наша группа первой перехватила только прибывший в посольство фильм «Бриллиантовая рука». Крутили его больше месяца. Часто смотрели и другие новые фильмы из Союза. Конечно, читали. Играли в теннис, волейбол, шахматы. Отмечали даже Новый год. Правда, вместо елки ставили сосну или что-то вроде местной пихты. Сами делали игрушки. У вьетнамцев же Новый год отмечался по лунному календарю. И был это год Петуха.

Недавно я посмотрел фильм «Рэмбо», там, где Сталлоне спасает американских пленников. Посмеялся от души. Один из таких лагерей находился недалеко от нашего пункта постоянной дислокации. И когда мы возвращались туда из джунглей, то лишь с завистью смотрели, как под охраной вьетнамцев пленные американцы резались в волейбол. Мы об этом даже не мечтали. Возможно, конечно, что это был какой-то образцовый лагерь, но у меня, честно говоря, такого впечатления не создалось. Пленным могло достаться от кре-

стьян, которые люто ненавидели американских летчиков за бессмысленные бомбежки и смерть близких. Бывали даже случаи, что сбитых летчиков забивали насмерть мотыгами, но власти очень скоро навели здесь жесткий порядок. И в нашу бытность крестьяне выдавали командованию сбитых американцев живыми...

Материальное положение? Выслуга — год за два, как в Союзе на севере, только с той разницей, что у нас-то еще и война шла. Одна зарплата шла семье в Союзе. Не такую уж большую сумму получали во Вьетнаме.

...А «своей» Б-52 я сбил за полгода до замены.

В очередной раз мы развернули в джунглях засаду. Неделью сидели тихо, стараясь себя ничем не обнаруживать. Поначалу нас регулярно облетали разведчики, пытались «нащупать» нас с воздуха — видимо агентурная разведка передала, что дивизион ушел в джунгли. Но куда точно — американцы не знали, и через неделю в нашем районе нас искать они перестали.

К этому моменту после понесенных потерь все полеты Б-52 выполнялись только на большой высоте и под прикрытием самолетов постановщиков помех. Американцы уже имели в своих руках образец нашего ЗРК и их постановщики помех эффективно «забивали» наши станции.

...Б-52 обычно бомбили с больших высот. Взлетов с базы Утопао в Таиланде или с острова Гуам, они с предельной высоты опорожнялись свои бомбоотсеки и уходили на базы. Так было и в тот февральский день 1970. Загруженные тушами бомб, Б-52 тройками шли к цели. Время — около десяти вечера.

Экраны дивизиона, находившегося в засаде, плотно забивали помехи, заставляя операторов от бессилия сжимать в камень челюсти. Самолет радиоэлектронной борьбы ЕФ-66 надежно прикрывал девятку.

Но вот в помехах вдруг появились разрывы — постановщик изменил курс, и плотность помех понизилась. На экране появились метки целей.

Удача на войне всегда зависит от многих факторов, и везение тут далеко не последнее дело. Главное не прозевать свой шанс.

Решение мгновенное — обстрелять группу. Дивизион стремительно изготовился к бою. Ожили кабины управления. Офицеры наведения схватились за ручки управления. Томительно тянулись секунды, вот-вот американцы поймут свою оплошность и «задавят» наши РЛС. Но они, видимо, слишком расслабились и вели себя беспечно. Это было похоже на молниеносный удар шага. Выход в эфир передатчика обнаружения и наведения, захват цели и пуск! Все — в считанные секунды.

Солдаты далеких джунглей

Цель — замыкающая тройка. Огонь — по последнему бомбардировщику (они шли уступом). В этом случае вероятность обнаружения запуска минимальна. Тоже, кстати, хитрость, найденная на войне.

И вот уже операторы прочно удерживают вертикальные метки на светящейся точке цели. Пуск! Сорвался круто в небо рыжий столб пламени и, изогнувшись в синеве, потянулся к далеким «крестикам» уходящих бомбардировщиков.

Томительно тянутся секунды. Ракета все ближе к цели. Пять километров, три, два... И здесь метки целей вновь плотно закрыли помехи вражеского постановщика. Но слишком поздно! По команде бросили штурвалы операторы. На таком расстоянии нет нужды управлять ракетой. А через мгновение расцвел в небе «гриб» разрыва. Б-52 рухнул в джунгли.

Он упал от километрах в четырех-пяти, но времени посмотреть на результаты стрельбы, у нас не было. К этому моменту дивизион уже всю сворачивался и готовился покинуть район засады. А еще через сорок минут наши позиции уже уютно жили штурмовики. Но бомбили они пустое место. Мы были уже далеко...

...Мы покидали Вьетнам со смешанным чувством радости, грусти и неудовлетворенности. Радости от того, что впереди встреча с Родиной, с близкими и дорогими людьми. А грусти и неудовлетворенности потому, что на этой земле оставалась часть души. Оставались друзья, сослуживцы. Оставалась война. А мы улетали. Унося опыт, унося мастерство.

Наверное, воспоминания можно было бы оборвать на этой минорной ноте, но что-то не дает покоя. Почему, когда вспоминаю годы службы после Вьетнама, на душе какой-то горький осадок? Думалось, что наш опыт, знания найдут достойное применение на Родине, что все новое, накопленное в боях, будет внедрено в учебку войск.

Не тут-то было. Все пошло обычным чередом. Наряды, дежурства, служба, работа. И никто не спешил перенимать наш опыт, учиться у нас. Менять что-то в организации службы, боевой учебы. Разве что в компании в свободное время друзья интересовались: «Ну как там, во Вьетнаме? Жарко, наверное, приходилось?».

Было обидно и страшно. Честное слово — страшно. Страшно за наше будущее, шапкозакидательское настроение. Недостатки и ошибки в системе боевой подготовки резали глаза и больно били по нервам. А ведь мы знали цену этим ошибкам. Не раз и не два видели порожженные взрывами пусковые установ-

ки, сожженные кабины, могилы солдат и офицеров. Из четырех вьетнамцев-техников, с которыми я работал, двое впоследствии погибли в боях. И это — опытные, закаленные бойцы.

То, что было основой основ во Вьетнаме, у нас оказывалось зачастую делом второстепенным. Взять, к примеру, маршевую подготовку, без которой ни одна зенитная ракетная часть ПВО во Вьетнаме не просуществовала бы больше суток и которая в Союзе считалась наказанием божьим. Не говоря уже о том, что свертывались и развертывались мы за такой срок, что будь такое во Вьетнаме, от дивизионов бы живого места не осталось.

Чего стоили наши «образцово-показательные» позиции дивизионов с яркими красками маркировки, ровными песочными дорожками, по линейке посаженными елочками — все это было словно специально предназначено для обнаружения и наведения самолетов. За пренебрежение маскировкой спустя всего два года пришлось дорого заплатить египетской авиации и войскам ПВО: когда большинство самолетов и пусковых установок было уничтожено на аэродромах и позициях в течение первых минут войны.

Все это горечью ложилось на сердце. И вдвойне тяжело было от собственного бессилия и невозможности что-либо изменить. Ведь уже двадцать лет назад подсобные хозяйства и заготовка сена без колебаний предпочитались боевой учебе.

Не слишком стремились поддерживать офицеров, имеющих боевой опыт, и кадровые органы. Часто вообще приходилось слышать завистливое: вот, мол, за границей были, прибрахлились, чего же вам еще надо? Не нравилась несговорчивость, бескомпромиссность тех, кто возвращался из района боев. Были случаи, когда некоторых офицеров отправляли подальше, «зажимали» продвижение по службе, при первой же возможности отправляли в запас.

И такое было не только с «вьетнамцами». Аналогичные истории я слышал от товарищей, воевавших на Ближнем Востоке, в Корее — живых свидетелей того, как воевать мы учились на войне, повторяя зачастую из войны в войну те же самые ошибки.

Ангола

Сергей Кононов

В Анголе с июня 1984 по июнь 1986.

Контракт гражданский — строительство мостов по линии Зарубежтехнотранса ГКЭС. Должности мастер, старший инженер контракта.

АНГОЛЬСКИЙ ДНЕВНИК

21.06.84 г. Москва — Бургас.

Москва. Шереметьево-2. Позади почти 10 дней сборов, оформления бумаг, прощаний, и вот я с загранпаспортом, билетами и визами в кармане вхожу в зал Шереметьево-2. (Сображаю, что еще 8 мая сутки без еды выбирался из Ноябрьска в Сургут, а потом с трудом вылетел из Сургута в Москву, через Уфу. С севера да за экватор — в Африку. Круто повернулась жизнь. Теперь не нужны унты и полушубок, и меховые рукавицы, и жилет — все то, что получил под полярку).

Никакого волнения не ощущаю. Отправил телеграмму домой: «Вылетаю рейсом 433 через Бургас. Ищите по карте». Поел в кафе, покурил, и на таможенный досмотр. Рейс «Москва-Луанда» с посадкой в Бургасе.

04.07.84 г. Луанда — Менонге. Среда.

Миссия огорожена. Есть окопы. В центре площадка отдыха в стиле местном (кимбу). Пепельницы — снарядные гильзы. Спортплощадка, волейбол. Есть площадка для силовых упражнений. Интересные приспособления для отработки ударов руками и ногами. Рессоры, бетонированные в монолитный блок, а наверху подушка для удара.

У женщин в миссии огород (помидоры, огурцы, укроп, бананы).

Вечером перед ужином Лубенников объявляет, что меня назначает «старшим по минам». Видно, Александр Иванович меня аттестовал.

Холодно очень. Небо черное-черное. Звезды яркие, теплые. Южного Креста не видно. Млечный Путь более насыщен, густой, но не такой яркий, как у нас в безлунные ночи.

До отбоя, когда гасят свет, успеваю натянуть накомарник. Но комаров нет в такой холод. Свет гаснет. Все стихает. Стрельбы нет.

Перед ужином начальник штаба по данным с моей карты наносит обстановку на свою карту и срисовывает схемы разрушений. Во, дает разведка! Что без нас бы делала?

Александр Иванович, советник по инженерным делам, рассказывает, что его предшественник подорвался на mine. Пластиковый корпус. Нажимная, с электродетонатором от батареек. После обнаружения сняли. Извлекли батарею, как положено, коротнули контакты, чтобы разрядить конденсатор. Лежала мина потом в столе. Как-то предшественник взял в руки и нажал. Взрыв. Оказалось, был поставлен пьезоэлемент. При нажатии — искра на электродетонатор.

Пластиковые мины часто белого цвета.

Противник минировал так.

Противотанковые цепочки. 3-4 мины без нажимного взрывателя, 5-я с взрывателем. Соединены детонирующим шнуром (ДШ). При наезде на мину с взрывателем взрывается вся цепочка. Траление затруднено.

Неизвлекаемость достигается, как правило, гранатами под миной.

Схем минирования нет, тем более карточек минных полей. Ведется разведка по маршрутам выдвижения, а по площадям разведывать и разминировать

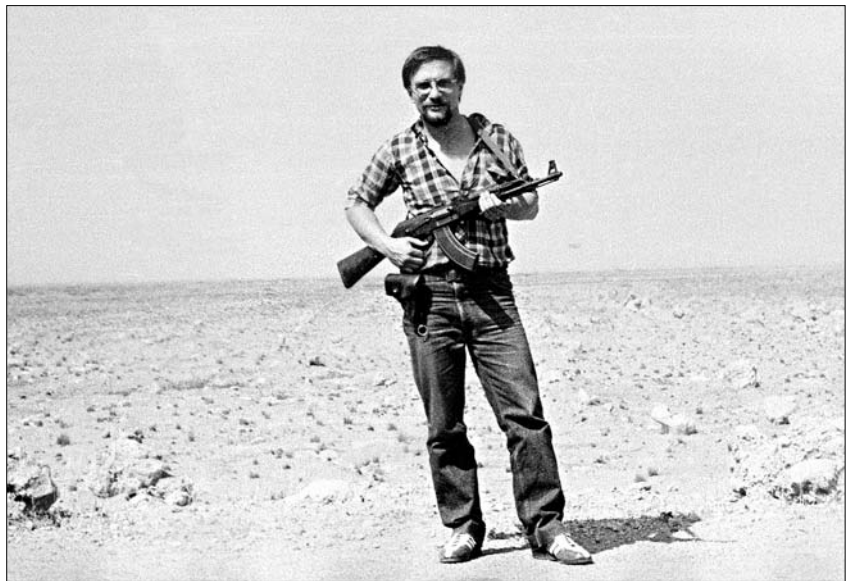
просто нет сил и средств. Ставятся вешки и знаки.

В колоннах иногда взрывается не первая машина, а даже 10-я или двенадцатая. Это специальные взрыватели, в которых находится определенное количество шариков. При каждом наезде, один шарик выкатывается. А когда выкатывается последний, то, как в инструкции: «ударник накаливает...» — и взрыв.

УНИТА рекрутирует в центре страны новых бойцов (в основном Уамбо) и везет их колоннами на юг в зону Жамба. Колонны проходят с минометными обстрелами гарнизонов. А на сами гарнизоны стараются не нападать — боятся преследования.

07.07.84 г. Менонге — Куванго — Жамба — Лубанго. Суббота.

9-24. Садимся в Куванго (Kuvango). Сели прямо в центре городка, у небольшого фонтанчика-каскада. Сбежалось полгорода. Нас оставили охранять вертолеты. Ждем. Решили перекусить. Открыли банку консервов, нарезали хлеба, расположились у вертолетов. И только при-

нялись есть, как поняли, что ребяташки вокруг голодные. Отдали им все, что открыли и нарезали, и решили больше «на людях» не есть. Реально всех не накормишь, а у самих запасов в обрез.

Тут подбегает какой-то молодой парнишка в голубом комбинезоне и на мое: «Bom dia, samarada. Como esta?» — отвечает по-русски: «Привет, как делишки?»

Знакомимся. Эузебио (Eusebio), Сегуранса муниципал. Муниципальное отделение госбезопасности. Учился 2 года в Москве.

После обеда на машинах едем на автоторожный мост через реку Куванго. Он не взорван, но размыт береговой пролет. Заменен на деревянный.

Разговорился с Эузебио. Жалуется: в Кутато его человек, но «ни хрена не разбирается в контрразведке, хоть бей его».

Вообще, и Эузебио, и Мидаэль рассказали, что агентуру в лагерях УНИТА очень трудно иметь. Лагерь расположен на таком расстоянии от ближайшего на-

селенного пункта, чтобы время между поверками личного состава не давало добежать до населенного пункта и вернуться. Поэтому используются тайники. Но беда в том, что неграмотных много. Приходится и личные встречи устраивать, на промежуточных точках. Иногда двое суток сидеть приходится агентам, чтоб принять информацию от агенты в лагерях УНИТА.

А комиссар Какупо сказал: «Нам известно, что УНИТА проводила разведку моста на подрыв». Эузебио добавил: «Сидят у меня их агенты, пока не знаю кто, но проведу несколько комбинаций, вычислю».

Баня! Эвкалиптовые веники. Не очень жарко, всего 100 градусов, но какой кайф смыть дорожную пыль. И блаженствовать после парилки в бассейне.

В бане кубинский подполковник Мидаэль первый раз. Сначала стесняется раздеваться. А потом радуется: «Все вши умрут». «А сколько веса теряют в бане?». Отвечаем, что до четырех килограммов. Он прикидывает, за сколько бань испарится совсем. Потом произносит тост: «Товарищ Фидель учит: наши старшие братья — советские. Пример русской революции — это самый главный пример для нас. Мы ценим и помним помощь советского народа и горды, что сами теперь можем помогать другим народам».

Знакомлюсь с группой. Стараюсь не перепить. Уже пьяному, мне показывают ружкомнату. Чего только нет. От ППШ до М-16.

По положению в стране у нас свободное ношение оружия вне города. Право первого выстрела, если кто-нибудь угрожает остановить машину. В городах оружие держать лучше скрытно.

14.07.84 г. Лубанго. Суббота.

У нас живет летчик ВЯЧЕСЛАВ ПАСКАЛЬ. Летает на МиГ-23. Летает и работает по целям сам. Он единственный, как говорят наши военные, советский летающий летчик.

Говорят также, что ЮАРовцы или УНИТА листовку выпустили с обещанием 100 тысяч долларов за голову ЭЖЛА-ВИУ (так его зовут по-португальски).

Славик пошел на войну, чтобы понять, летчик он или нет, в конце концов. Здесь понял, что летчик. На вертикали он на своем МиГ-23 любой «Мираж» берет спокойно.

О своих победах в воздухе он никогда не рассказывал. Один раз я видел его самолет после вылета — 21(!!!) дырка в машине. Живучий самолет. Да и Славик ас.

22.07.84 г. Воскресенье. Намибе.

Рыбачили на Сакомаре. Рыбы навалам. Ловится легко. Особенно сабля. Считаю ее в погонных метрах, ибо каждая примерно по 1 метру.

Два кита зашли в бухту. Сначала не увидел, а услышал как лощман порта (немец из ГДР) кричит: «Навал, навал!» Гуляли киты по бухте часа два.

Ангольский дневник

Внизу у пирса ходит тучами кефаль. Но не ловится ни на что. Местные говорят, что хорошо ловить «на гранату».

Здесь все стоит. Погрузочное оборудование для руды, целый комплекс. Осмотрел более внимательно. Практически эта часть порта не работает, только «Эдипешка» (Edipesca) — рыбаки. У них на складе покупаем рыбу, да еще какую. Курвина в Союзе только в московских ресторанах. Мэру меньше 16 килограмм не видел. Крабов купил целую коробку. Обьедся навеки.

В порту в вагонах бомбы лежат навалам, видно выше бортов.

Охрана есть, но надежды на нее, кажется, не очень много. Нелегально в порт не приходилось проходить. Всегда через ворота с шиком на машине: «Советико!»

25.07.84 г. Намибе. Среда.

Зовут меня за глаза «Шефи-пассаринью» (шеф-птичка), это мне Булака стукнул. Про него тоже стучат, что он педик. Не то чтобы стучат, а говорят с иронией. Здесь с «этим» вопросом для местных большая проблема.

Разноплеменность, обычаи не позволяют вступать в половые контакты с женщинами других племен. Может, поэтому гомосексуализм если и не норма, то просто обычное дело.

Начальник нашей охраны Франсишко с севера, а тут мукубалы и немного куаньяма. Поэтому баб иметь невозможно, как он объясняет. А публичных домов, похоже, нет, хотя это портовый город.

Вечером пошли в кино. К запахам нужно привыкать. Приходится курить, чтобы перебить специфический запах африканских тел. Интересно, для ангольцев наш запах ощутим?

Фильм туркменский «Похищение скакуна». Удивляет, что ангольцы спокойно реагируют на смерть людей в фильме, а за судьбу лошади переживают, чуть не плачут.

30.07.84 г. Намибе. Понедельник.

Гадости здесь навалам. Есть плюющаяся кобра или кинг-кобра. Плюется до 6 метров и попадает человеку прямо в глаз. Целится в зрачок или его блеск. Поэтому, как мне сказали в Намибе Ештевеш (Esteves), лучше носить на шее что-нибудь блестящее.

Ангола

Отполировал пулю от АК и повесил на шнурок.

Противоядие одно: пять-шесть мужиков должны помочиться в глаз. Видимо, мочевина и аммиак нейтрализует парализующее действие яда. Местные убеждали, что это единственное «полевое» средство. Врачи подтвердили.

Манговая муха. Кусает, откладывая под кожу яйца. Потом на руке образуется волдырь, нарывает. И когда прорывается, из него вылетают мушки. Техника безопасности — при первом же подозрении залепить пластырем, чтобы лишить кислорода.

Есть еще песчаная блоха. Откладывает яйца под ноготь, чаще большого пальца на ноге. Жуть. Удаление ногтя гарантировано.

Еще в Луанде наш военные хирурги мне говорили, что у негров, находящихся на менее цивилизованном уровне жизни, чем белые, другой болевой порог. У них болевой шок не наступает. Объяснили они жестко и просто: лиса, попавшая в капкан, перегрызая лапу, не умирает от шока. Так и здесь. Поэтому при операциях в полевых условиях, если наркоза недостаточно, шока не бояться.

Мне потом уже самому пришлось видеть, как мукубал со сломом головки бедра километров 12 шел пешком, опираясь на палки, в госпиталь в Намибие. Белый человек точно бы умер.

06.08.84 г. Намибие.

В бухту пришел ракетный катер. В Луанде подорваны два судна — ангольское и ГДР. Минировали, скорее всего, боевые пловцы. Это особенно неприятно, там наши БДК — десантные корабли, плавбазы. Про лодки, заходят или нет, Леня и Саша отмалчиваются. Думаю, что могут бункероваться. Все-таки я из Архангельска, Северодвинск был поблизости, и про наши атомоходы я слышал. Ну, да меньше знаешь — лучше спишь.

Пригласил ребят в гости на виллу. Отдохнули. Был у них на катере.

Занимаются они чисто противодиверсионными мероприятиями. Ходят ли под воду, не сказали, но снаряжение, наверно, есть. Торчали в каюте что-то похожее на гидрокостюм и прочее...

Расчет для нашей бухты один: при работе на судне бросай каждые 12 минут гранату за борт. Пошли в гости на наше пришвартованное судно из Таллина. Сидели на ботдэке, пили пиво и по хронометру каждые двенадцать минут чекнули долой — и за борт.

Из машины поднимались механики, ругались. Внизу каждый взрыв как кувалдой по голове. Но Леонид был неумолим: «Вы не хотите жить, так мы хотим». Те, глотнув пивка, снова ныряют вниз.

Пока работал в Намибие, все время на кораблях, где случался наш груз, приносил гранаты. Некоторые надо мной смеялись, мол, крыша едет. А когда в 1986 году у стенки подорвали «Гавану», на которую я в конце мая перед отлетом в Союз погрузил тонн 100 металла, то мой сменщик Алексей написал, что я, оказываюсь, был прав, «балуясь» с гранатами. Заминированы были еще два судна «Капитан Висков» и «Капитан Вислобоков». Это история известная.

09.08. — 12.08.84 г. Намибие.

Работа, работа. Никаких новостей. Рутинка.

А в субботу 11 августа, с утра, заваливается почти вся группа из Лубанго. День строителя. Вино льется рекой. Кто-то на рыбалке. Кто-то уже не может никуда двигаться.

16.08.84 г. Четверг. Намибие

Вечером приехал командир танкового батальона Ангел Перес Кастро (Angel Perez Castro) с шофером. По одному они не ездят. Запрещено.

Воюет в Анголе с декабря 1975 года. Прибыл первый раз командиром танковой роты. Его водителя танка убили тогда же в бою под Луандой. В 78-м послали в Эфиопию. У Сомали были Т-55, а Кастро воевал на Т-34, какие и сейчас здесь

в полку. «А мы их били!» — гордо говорил он не один раз.

20.08.84 г. Лубанго — Намибие. Понедельник.

С этого дня по понедельникам, когда мы уезжаем из Лубанго, мой утренний ритуал будет такой. Сначала слушаю радио, потом к дежурному по военной миссии: какие новости за ночь. Потом к кубинцам в штаб: что где летало, потом, если нужно, в сегурансу.

Вчера 2 вертолета были в районе Каракуло около 23-00.

Сижу, рассчитываю. Если высиделись у Каракуло (от нас 150 км) и заминировали дорогу, то до нас кто-нибудь подорвется. А если ушли на диверсию на железку, или на разведку, или на закладку запасных площадок, то до нас им дела нет. Если сидят вертушки, где-нибудь днюют, то до ночи не тронутся. Докладываю на утренней оперативке решение шефу: «Едем». Назначено контрольное время связи.

В автобус, машину, и вперед. За городом патроны в стволы, автоматы на предохранитель. Едем без остановки в манговой роще. Только тормознули, помахали СВАПовцам. Идем в две машины. Дорогу, а, значит, и минные риски, делим пополам. Сначала впереди автобус, с середины дороги — ЗИЛ-130.

Скорость в пустыне держим за сотню. Если мина, так все равно, а из автомата попасть труднее. Все крутят головой, высматривают вертушки. Впереди после серпантина пара ангольских машин. Не обгоняем. Это ваша война, ребята, идите вперед, а мы посмотрим, есть ли мины.

08.09.84 г. Лубанго. Суббота.

Славик Паскаль упомянул, что 21 июля ходил на Байшу-Лонга (Baixo-Longa). Привез три дырки в МиГе. Унитовцы потеряли проводника и не могли без него пройти по минным полям и завершить окружение ФАПЛА.

В Луэне начата боевая операция. Узнал в миссии, что три «мигаря» ушли и пропали.

26.10.84 г. Лубанго. Пятница.

Поехали с Юзефом за водой на водозке. Впереди стоит кубинская машина. Как наша — на ЗИЛ-130. Только полностью защитного цвета.

Вдруг из кабины выскакивает кубинский солдат. Кричит какому-то ангольцу, только-только проходившему около его машины: «Стой!». Анголец в гражданских брюках и гражданском пиджачке, одетом на майку, срывается с места и бежать. Кубинец еще раз кричит: «Стой!» Потом спокойно снимает автомат с плеча, шелкает предохранителем (у них патрон всегда в стволе) и с колена с первого выстрела валит ангольца. Потом подходит к телу, все время направляя ствол на труп, шевелит его ногой, достает пистолет из за пояса его брюк, щупает карманы. Документов нет. Кубинец проверяет патроны в пистолете, кладет его в карман и спокойно снова садится в машину.

20.11.84 г. Намибие. Вторник.

Поехали в сторону Каракуло, отвернули за Намибие направо. Я решил потренировать ребят: они гранат не бросали еще. Покидали. Все справились. А поскольку были Ф-1, то бросали мы их в небольшое каменное ущелье, чтоб убежать от осколков. Потом Борис что-то увидел внизу странное. Спустились. Обнаружили следы шасси вертолетов, бочки из-под бензина, пустые ящики из-под продуктов и патронов. Маркировки не было.

Так вот и обнаружили аэродром подскока. Явно юаровский. Сообщил в сегурансу. Они и кубинская разведка выезжали на место. Но больше ничего нового не было.

21.11.84. Намибие — Каракуло. Среда

Пришло время ехать в Каракуло, детально посмотреть станцию.

До Каракуло пристрелял свой УЗИ. Раньше не успел. Если ехать за рулем, то АК трудно вытаскивать в случае чего. Из УЗИ даже левой рукой можно через окно стрелять. Хорошую машинку сдела-

Вдруг из кабины выскакивает кубинский солдат. Кричит какому-то ангольцу, только-только проходившему около его машины: «Стой!». Анголец в гражданских брюках и гражданском пиджачке, одетом на майку, срывается с места и бежать.

ли еврей. Пистолет-пулемет. Разбирается и чистится легко. Отдача небольшая. Но если из АК могу уложить две-три пули, то тут только первая в мишени, сильно кидает, нужна поводка.

Опыт «эксплуатации» Вальтеров уже есть у ребят. При скоростной стрельбе, бывает, выскакивает крышка с прицельной планкой, и в песок выстреливаются пружины. Аут полный. Поэтому неострым зубилом заклепываешь планку на ствольной коробке. Век жи-

ви — век учись. Не знаю, делали ли так немцы в ту войну, а мы делаем это через сорок лет.

24.12.84 г. Лубанго. Понедельник.

Днем шарил по эфиру: радио Португалии, ЮАР и Заира передало, что Савимби исчез. Ранен или погиб!

Часа в 4 пополудни захожу к Славiku Паскалю, а он собирает вещи.

— Куда?
— Наверно, завтра в Союз.
— Почему?
— Говорят, что мне нельзя здесь оставаться.

Соображаю: утром он уезжал на аэродром.

— Это ты Савимби уделал?
— Не знаю, я только видел, как они разбегаются в красных рубашках с митинга. Больше на эту тему Славик не распространялся, как я ни пытался что-нибудь вытянуть.

Возможно, что «гибель» Савимби — дезинформация. А если погиб, то фигура на какое-то время может остаться. Лидер нужен, а то начнется разброд, борьба за власть.

22.01.84 г. Намибие. Понедельник.

Познакомился со скорпионами. Поднимаем краном плиту, а они тут как тут. Африка напоминает о себе.

А у Каракуло гуляют львы! Николай Петров, врач, сказал, что к ним в госпиталь привезли мальчика с раздробленной кистью, а его брата лев съел.

Матушки, живем в Африке, а львов не видели! Ребята загорелись — поохотиться. Да нельзя. У дороги львы не си-

дят, а поедешь подальше, сам дичью для двуногих можешь стать. Вертолеты-то летают из Намибии.

07.03.85. — 11.03.85 г. Намибие.

Вечером сильно затрясло и начался легкий понос. Собрав силы, позвонил Николаю Петрову, врачу. Тот выслушал, спросил про тряску, температуру. Уточнил: «Срчка есть?» Подтвердил, что данный факт имеет место быть. Коля поставил диагноз: «Малярия!».

Ангольский дневник

Ночью хотелось застрелиться, когда трясло, но потом такой упадок сил, а потом опять тряска.

28.05.05 — 31.05.05 г. Лубанго.

Проводы и прощание с группой. Самолет АН-12 в Луанду. Луанда стала чище. В Кабинде три диверсанта. 2 убито. Один ранен. Взят в плен. Он руководитель диверсионной группы. Взрывал Жираул. Наш «крестник».

04.06.85 г. — 07.06.85 г.

В Париже ждать чуть ли не сутки. Борт неисправен. Позвал работника аэропорта, попросил, чтобы позвали знакомого испанский. Намекнул, что все едем с войны, очень нервные. Через два часа, дали борт. На борту только мы. Человек сорок советских, несколько немцев из ГДР да поляк.

Я оказался один с языком. И все безоговорочно принял мое лидерство.

Сервис шик. Выпили все, что можно. Я сидел в первом салоне, как важная персона. И когда народ еще запросил вина и пива, я обратился к старшей стюардессе. Она объяснила, что все запасы исчерпаны. Но мне принесла несколько бутылочек (штук пять), сказав, что это мне лично. Отдал ребятам, так как вино уже не лезло.

Москва. Шереметьево. Не был дома целый год. Наши на таможе встречают не очень ласково. Пришел рейс из Штатов, и иностранцев толкают вперед нас. Народ зашумел, мол, тыловые крысы. Подошел таможенник, спросил, откуда народ? Сказал, что из Анголы. Тот понятиливо кивнул. И сразу появился еще один проход, пришла таможня. Все быстро.

На улице непривычно светло. Сел в такси на заднее сиденье. Едем. Крутом березки. Лепота. Шофер пошел на обгон какого-то «Москвича». Я машинально трогаю его за плечо и говорю: «Не обгоняй, иди след в след». Шофер смотрит на меня как на идиота.

И тогда я понимаю. Я дома! Мин нет, и не будет.

История одной фотографии

ЭТО ТО, ЧТО ОСТАЛОСЬ В ПАМЯТИ

Анатолий Шкляренко

Подполковник. Участвовал: Ангола, Чернобыль, Спитак.

<http://angola.bismon.com.ua>

Эта фотография сделана 27 ноября 1985 года в Анголе. На первый взгляд — обыкновенная фотография на память. Таких тысячи. Но у этой фотографии есть своя драматическая история. Я не зря начал с даты, когда она была сделана.

Все началось с того, что 25 ноября 1985 года в Анголе был сбит транспортный самолет Ан-12 (командир — капитан Сергей Васильевич Лукьянов). Безусловно, была организована операция по поиску и спасению экипажа. В ней принимал участие экипаж вертолета

Ми-17 (командир экипажа Дмитрий Кутонов, летчик-штурман Юрий Неверов, борттехник-инструктор Александр Дегтярь). И так сложилось, что вертолет, поспешивший им на помощь, был тоже сбит. Это случилось 27 ноября 1985 года.

На фотографии запечатлены моя жена (Нина Борисовна Шкляренко — на фото слева) и ее подруга Татьяна, жена Александра Дегтяря. Они вместе работали в медпункте военной миссии в Луанде, а раньше, как и мы, служили в Бердичеве. На следующий день, 28 ноября, Александр и Татьяна собирались в от-

пуск. Еще утром я встретил Александра в миссии, мы поговорили о том, что Новый год они с женой будут встречать на Родине, попросил передать приветы знакомым. Договорились в конце дня встретиться возле медпункта миссии. А в обед мы узнали, что вертолет сбит, и экипаж погиб.

В моем архиве не так много фотографий, которые я привез из Анголы. Но эта мне особенно дорога. Это то, что осталось в память о тех, кто выполнял свой воинский долг, кто был рядом с нами.

Памятники

ПАМЯТНИК ПАВШИМ В КОРЕЕ, ВАШИНГТОН-МОЛЛ, США

Аркадий Бабченко

Старшина. Участвовал: Чечня.

Мужик лет пятидесяти в потертом камуфляже, с медалями и огромной рыжей бородой до пуза, молча стоял на пути взвода и думал о чем-то своем. Шумная пионерия в одинаковой голубой форме возлагала цветы. Двое мексиканцев-садовников завтракали неподалеку прямо на траве. Авраам Линкольн восседал на мраморном троне в позе Зевса.

За спиной протянулась трехсотметровая Стена Памяти из черного гранита — мемориал солдатам Вьетнама. Стена вся испещрена именами, которые как бы возникают из небытия, сверкнув гранями на солнце, и в небытие же уходят. Тысячи имен. Говорят, здесь все. До последней фамилии. После Вьетнама люди здесь очень хорошо научились отделять друг от друга войну и солдат этой войны, — сказала Лена, мой переводчик. — Война может быть сколь угодно грязная, но солдаты всегда герои.

С этим не поспоришь. Люди здесь скорбят искренне, это чувствуется. Можно как угодно относиться к Америке, ее армии и войнам, которые она ведет,

но нельзя не отдать должное тому, как здесь умеют чтить память своих павших.

Сильнее всего за душу берут простые вещи. Как этот взвод в Корее, бредущий по болоту под дождем. Девятнадцать фигур. Девятнадцать человек, вместилих в себя судьбы почти двух миллионов американских солдат, погибших, пропавших без вести или раненных в той, малоизвестной у нас войне.

С одной стороны от взвода лежат каменные плиты с названиями стран, солдаты которых сражались под флагом США.

С другой стороны — лица, выгравированные на черном мраморе. Эти лица не бросаются в глаза, и чтобы их заметить, надо приглядеться. Пожалуй, это действует сильнее всего. Потому что все они сделаны с фотографий реальных людей. Они оживляют памятник. И бетонные фигуры перестают быть просто фигурами и тоже становятся людьми. Это памятник не войне или абстрактному солдату. Это памятник конкретным людям.

Но, глядя на эти действительно берущие за душу памятники: Корее, Вьетнаму,

Стену Памяти, я никак не мог отделаться от одного вопроса. Какое из наших двух государств более лицемерно? В каком посыле меньше вранья: «солдат, ты дерьмо, иди и подымай как дерьмо» или «солдат, ты герой, иди клади животы своя за демократию»?

Зачем посылать своих людей воевать за тридевять земель, а потом ставить им многомиллионные памятники? Не лучше ли было потратить эти деньги на них, пока они еще были живы?

Впрочем, как бы там ни было, государство свой долг по отношению к своим солдатам выполнило. Почему-то так получается, что «никто не забыт» воплотилось в жизнь у них. У нас же пока нет ни одного памятника павшим в Чечне.

На мгновение я представил этот памятник у нас на Богородском. И шерсть на загривке стала дыбом. Этот взвод в Корее, оказалось, ничем не отличается от моего взвода в горах. Других войн не бывает. Афганский синдром, оказывается протекает одинаково по обе стороны океана. Глаза всех солдат похожи.

Поэзия

Брайен Тэрнер

Сержант. Участвовал: Ирак

В 1998 году Брайен Тэрнер поступил на службу в сухопутные войска, где дослужился до сержанта. 3 декабря 2003 года в составе 3-й бригады «Страйкер» 2-й пехотной дивизии он пересек иракскую границу и почти одиннадцать месяцев прослужил в Багдаде и Мосуле.

Ашбах (Призраки)
Ночь, по всему Багдаду
Бродят души солдат.

Сил уже нет — не знают,
Где их сегодня дом.
Ветер горячий носит
Мусор по переулкам.

С тонкого минарета проникновенный голос
Напоминает душам, как же они одиноки,
Как бесприютны. Молча с окрестных крыш
Души иракцев смотрят
На силуэты пальм на берегу морском.

Там, куда гнет их ветер — Мекка.

Перевод Анатолия Филиппенко

Ми Суонг

Подполковник.

http://artofwar.ru/p/podpolkownik_m_s/

РАЗГОВОР С НИМ

Настанет день, предстану перед Ним,
За жизнь свою, дела, грехи в ответе.
И спросит Он: «Грешил... иль не грешил?
И был ли путь твой благодатью светел?»

Что мне сказать Ему... Смиренье позабыв,
Скажу ему, волненьем душу сморщив:
— Да, грешен был, гулял, стрелял, любил...
Я жил как все, по-нашему, по-волчьи....
Я глотки рвал клыками штык-ножей,
Победно выл, задравши к небу глотку...
Раскаянье?... О чем ты?... В жизни всей
Я в нем не наблюдал ни капли толку.
За бывших... кто сейчас живет во мне,
Живу... Они, клыки ощерив,
Свой вой последний отдали луне,
Оставив мне надежды и потери.
Ты говоришь — грешил? Ну, что ж, суди...
Ты вправе нас судить, учили, знаем...
Но помни... с этим грузом позади
И ад крошечный будет сладким раем.
Что говоришь ты?... Ад?... Да мы его
Уже прошли... Он — пройденным этапом...
Повторим! Ствол, гранаты есть?... Ого!
Давай задачу...
...или как у вас там....

Игорь Некрасов

Сержант. Участвовал: Афганистан

http://artofwar.ru/n/nekrasow_i_p/

Есть первый бой. У каждого он есть.
Мы до него щенки или салаги,
Бескровно поминающие честь
Стихами на линованной бумаге.
До первого — на фантики игра,
Пеленочная схватка с погремушкой,-
Еще не наступившая пора
Прощания с понятием «войнушка»...
До первого — кошмаров нет во сне,
И у Андрюхи ноги обе целы,
А Костя моет волосы в росе -
Черниговские росы очень белы...

Еще не ломок и не хрупок лед -
Тропа ведет в неведомое роту -
Еще боям мы не открыли счет,
Подъем считаем адскою работой...
Есть первый бой. Его я не забыл.
В тот день у смерти не хватило квоты...
Я жив остался и вернулся в тыл...
Сержант запаса. inek из пехоты.

Илья Плеханов

http://artofwar.ru/p/plehanow_i_s/

ДВЕ ТЫСЯЧИ ANNO DOMINI

две тысячи Anno Domini
час Крысы, я еще жив -
цианистый калий не возымел силы -
доктора здесь давно на больных
совершенствуются в медицине.
подхожу к окну.
форточки черный квадрат,
кто-то на раме в углу
нацарапал гвоздем «Малевич»,
а за окном в слабоумном снегу
лежит тихий больничный сад...

история себя, наверно, повторит.
как в сорок первом Троя мирно спит.
уходит разум в пустоту шприца,
и вену кровь немного холодит.
смерть нас взрослит
и от того сама взрослеет.
и с каждым разом понемногу хорошеет,
но нам пока отчаянно претит
ее своей невестой называть.
погибнув пару раз,
нам снова скучно помирать,

Поэзия

мы продолжаем жить и воевать.
ночной осмотр:
врачи заходят в маскхалатах.
входящий первым гибнет, как тот грек.
его оставил разум, он в палате,
и тень его идет к пустой кровати
и на нее ложится словно снег.

Троя, тишина, как в оркестровой яме,
но вместо музыкантов там сегодня новый
сводный батальон
солдат погибших на войне в Афганистане,
в Кабуле, Грозном, Ведено, Урус-Мартане -
название местности — название инструмента.
оркестр играет, но не слышат греки -
у нас же прошлым заминирована память.
в палатах рвемся мы, порой, при лунном свете,
как после окончания войны
на бывшем поле битвы рвутся дети.

не спится мне.
стакан чернил я выпиваю залпом.
а в небе волчья ягода — луна.
мороз творит гравюру из окна,
на ней ногтем я выскребаю смотровые щели,
смотрю на мир как Ку-Клукс-Клан из колпака
и вижу в воздухе застывшие качели,
и вижу Марс:
каналы Марса переполнены снотворным...
не спится мне,
не спится мне подобным.

язык, словно собака на цепи,
по пересохшим деснам бродит.
похоже, все окончится восходом,
тысячелетьем третьим, тем же богом,
и передачи снова Андромахи понесут,
устало Трою штурмовать опять же будут греки...
так что, пожалуй, я покину этот круг,
сомкнув века, сомкну и веки
на счете «три», на белом свете.

Москва 400

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Ваше письмо всколыхнуло волну чувств во мне в нынешний наш День Независимости. Я стал солдатом, когда мне было девятнадцать. Мой боевой опыт и моя последняя карьера в армии Соединенных Штатов охватили два десятилетия. Когда пришло время отставки, я был капитаном Армии США, посвятившим всю свою жизнь подготовке к схватке с русской армией. Во время моей первой командировки во Вьетнам моим ближайшим другом и сослуживцем был замечательный парень по имени Денис Телишак, русский американец. Я никогда не встречал такого превосходного человека, как Денис. Храбрый и сострадательный человек, ставший моим лучшим другом на всю жизнь. Он был свидетелем на моей свадьбе. Он — крестный отец моим сыновьям, и он спасал мою жизнь много раз. Гнев в сердцах солдат должен в какой-то момент жизни выходить, отступать. И я счастливый человек, который салютует своим бывшим врагам и выделяет специальный уголок в своем сердце для них. Здоровье мое неважное, я был под обстрелом во Вьетнаме шесть раз и четырежды ранен. Сейчас я в отставке и получаю ветеранскую пенсию. Я могу только надеяться и молиться, что те русские солдаты, которые служили своей стране также имеют пенсию за свою службу.

Буду рад пообщаться и пооткровенничать о былых днях. Моя жена — гражданская медсестра в американской армии. Я и познакомился с ней в армии, и мои сыновья всегда гордились, что их мать носит армейские ботинки. Я перенес тринадцать хирургических операций, и моя прекрасная жена всегда была рядом со мной. Как старый человек я делюсь воспоминаниями о моей службе, и мои односельчане оказывают мне уважение и почет. Много лет назад было лучше скрывать сам факт, что ты воевал во Вьетнаме. Нас называли убийцами детей и даже хуже. Многие солдаты были оплеваны в аэропорту по возвращению, а несколько были убиты теми, кто проклинал сторонников войны. Я видел несколько телевизионных программ о забытых русских солдатах, которые сталкивались с подобным отношением. Мое сердце принадлежит им и я понимаю их боль. Мое основное пожелание, чтоб все было в порядке в вашей стране. Я хотел бы говорить открыто и честно и хотел бы быть уверенным, что мы можем делать это, не приклеивая друг другу ярлыков типа «источников зла». Мой русский друг, сегодняшний мир это сумасшедшее место, где война, кажется, опять становится стандартом. Будет большой честью для меня поучаствовать в одном проекте с вами. Пожалуйста, не стесняйтесь — я готов на интервью, и готов открыто говорить о наболевшем. Это будут мои мысли, не всегда совпадающие с размышлениями моих соотечественников. Известный автор написал книгу о нашем президенте Буше, возвратившемся к власти после последних выборов в Америке. Я пошлю вам некоторые главы из нее позднее. Они звучат как письмо с угрозами для меня. Моя служба во Вьетнаме использована для того, чтобы помешать президенту Бушу не служить во Вьетнаме. Когда вы переведете эти главы, вы увидите, что я именно для этого и использовался, хотя у меня и не было никаких намерений быть политическим инструментом. Я бывший солдат, а не политическая игрушка. Надеюсь, мы сможем оградить наше общество от текущих политических ситуаций как в России, так и в США.

С уважением,
Ричард Д. Каннар
Капитан армии США в отставке

Спасибо за письмо. Пожалуйста, зайдите на мою страницу в сети www.obspublishing.com Вы можете прочесть здесь несколько первых глав моих вьетнамских воспоминаний. Не знаю, смогут ли они поддержать антивоенные настроения. Откровенно говоря, я полагаю, что война — это необходимое зло, поскольку некоторые страны формируют безжалостные правительства и кое-кому приходится иметь дело с их зверствами. Я горжусь тем, что я ветеран, и что я имел честь служить своей стране. Я не хотел подвергать себя многим опасностям, но я делал то, что должен был делать. Если вы еще чувствуете себя как люди, имеющие отношение к тому, что я пишу, то это здорово. Я не думаю, что что-либо, написанное кем-либо и запечатлевающее ужасы войны будет иметь хоть какой-то, даже слабый, сдерживающий эффект. До тех пор, пока отдельные личности у власти жаждут еще большей власти, до тех пор они будут посылать своих глупых юнцов в мясорубку войн. Я должен с сожалением отметить, что таким людям нет никакого интереса до вашего сборника работ. Я благодарен вам за ваши усилия несмотря ни на что.

Искренне Ваш, Ник Болдрини Американские ВВС,
377-ая группа боевой поддержки
Провинция Тан-Сон-Нат, Южный Вьетнам, 1967-1968 гг.

Если мои слова могут быть полезны для чего-нибудь хорошего — пожалуйста, воспользуйтесь ими по вашему усмотрению. Я пишу, чтобы показать, что такое реальная война, и с тем, чтобы люди задумались, прежде чем идти на войну снова. Пожалуйста, пользуйтесь моими работами для перевода без ограничений. У вас очень интересная страница в сети, и я постараюсь изучить ее получше, когда будет возможность. Я также покажу ваше письмо моим друзьям, с кем я служил и с кем переписываюсь до сих пор. Храни вас Бог.

Лонни Дотсон
Старший начальник медицинской
службы (в отставке)
Вооруженные силы США
Третий эскадрон четвертого
кавалерийского полка 25-ой
пехотной дивизии
Республика Вьетнам

Владимир Агафонов

И ЗДЕСЬ КОНЧАЕТСЯ ИСКУССТВО...

В отличие от громких дебютов последнего времени — «9 роты» (2005) Федора Бондарчука и «Жизни других» (2006) Флориана фон Доннерсмарка — режиссерский дебют Александра Черняева «Русский перевод» (2006) прошел, можно сказать, незамеченным. Может быть, потому, что телевизионный 8-серийный мини-сериал — формат явно не фестивальный и для демонстрации на большом экране непригодный? Или потому, что его ТВ-премьера, вопреки ожиданиям, до сих пор так и не состоялась? Соответственно, не было масштабной PR и рекламной «артподготовки», делающей шедевр предельно узнаваемым всенародно. Или, может, многосерийное кино для «ящика» — это, как бы, не совсем искусство КИНО — и не о чем говорить?

В конце 70-х мне довелось работать переводчиком арабского языка у советника 25 Пехотной бригады армии НДРЙ. Полковник, выпускник престижной Академии, командир полка в ТуркВО в течение лет пяти — откуда и прибыл в Аден — он, при всем своем несомненном служебном и жизненном опыте, умудрился сохранить генетически-целостную натуру недоверчивого и в то же время стойкого в своих исконных представлениях тверского крестьянина. В частности, мой советник был

го лишь вымысел, результат полета чьей-то индивидуальной или коллективной творческой фантазии, пусть и на основе реальных фактов, было совершенно невозможно.

Автор романа «Журналист» Андрей Константинов и режиссер его телевизионного аналога «Русский перевод» (в процессе производства он тоже значился под «рабочим названием» «Журналист») подобную зрительскую «реакцию», похоже, предвидели. А потому «во первых строках» своих произведений честно признаются соответственно читательской и зрительской аудиториям: совпадения с действительностью — случайны, несовпадения — наоборот, закономерны. Несмотря на всю автобиографическую основу первоисточника.

Действительно, существенное достоинство романа А. Константинова в его вопиющей автобиографичности. Константинов, сам в 1984-1991 годах военный переводчик-арабист, просто переполняет свое детективное повествование дорогами его сердцу подробностями, байками, наблюдениями с натуры (правда, «зашифрованными» до почти полной неизвестности) и специфическим военно-разговорным, часто ненормативным, жаргоном, что сразу делает невозможным включение получив-

Странно. Ведь фильм — не буквальная экранизация константиновского текста. Скорее, это киноверсия основной, причем очень спрессованной, отрехтованной, сюжетной линии «Журналиста». А по стилистике, как визуальной, так и языковой, сериал вполне подходит для семейного просмотра. Но, если причина «задержки» не в форме, то, может быть — в содержании?

непоколебимо убежден: то, о чем пишут в романах и показывают в кино — было на самом деле! Причем было именно так, как пишут и как показывают. Иначе бы им не разрешили писать и снимать! Тем более — не стали бы показывать! Переубедить его, объяснить, что художественная книга или фильм — это все-

шего широкую известность произведения современной русской литературы о войне и мире в программу средней школы. Зато, одновременно, привлекает к нему все новых и новых преданных читателей..

Не удивительно, что один из таких, Александр Черняев, не так давно

ставший руководителем отечественной кинокомпании НТВ-Кино, выбрал для своего дебюта в качестве режиссера именно этот, понравившийся ему когда-то бестселлер А. Константинова.

Дебют — 35-мм восьмисерийная лента (сценарий — классика жанра Эдуарда Володарского, музыка — тоже, фактически, уже классика — Игоря Корнелюка, молодой и талантливый актерский состав) — удался. Первый федеральный телевизионный канал купил сериал еще на стадии производства. В апреле 2006 «Русский перевод» был готов к показу. Однако, хозяин — барин! — в сетке вещания фильм до сих пор замечен не был, и федеральный зритель его эфирной премьеры пока так и не дождался (сериал можно посмотреть только на DVD).

Странно. Ведь фильм — не буквальная экранизация константиновского текста. Скорее, это киноверсия основной, причем очень спрессованной, отрехтованной, сюжетной линии «Журналиста». А по стилистике, как визуальной, так и языковой, сериал вполне подходит для семейного просмотра. Но, если причина «задержки» не в форме, то, может быть — в содержании?

Фильмы о нас

Главный герой «Русского перевода», молодой питерский переводчик-арабист Андрей Обнорский (Никита Зверев, 1973), попадает на практику по линии «Десятки» (10 ГУ ГШ МО СССР) в Демократический Йемен (НДРЙ). Причем как спортсмен-дзюдоист — сразу в формирующуюся 7 Десантную (в действительности — 5 Десантную) «придворную» бригаду ГРУ местного ГШ. Здесь он с трудом, но все же осваивает аденский диалект и специфический военный перевод, учится стрелять и прыгать с парашютом, даже участвует в приграничных стычках с войсками «капиталистического Йемена» (там, кстати, тоже были советские советники и переводчики — такая вот специфика!) и «муртазаками» — местными басмачами. Тяжелее Обнорскому даются византийские хитрости служебных и личных взаимоотношений между советниками/специалистами-хабирами («хабир» по-арабски, «знающий, знаток, специалист») и переводчиками-«мутаргимами» («мутаргим» — «переводчик»), еще более специфические взаимоотношения

шей заварухой, ему в голову стреляет его «старший товарищ» — военный переводчик, а по слухам, сотрудник одной из советских спецслужб, капитан Кукаринцев (Павел Новиков, 1971).

Вернувшись домой, окончив ЛГУ и отслужив срочную офицером-«двухгодичником» в Краснодарском летном училище, Обнорский вновь по линии «Десятки» едет в заграникомандировку, на этот раз — в Ливийскую Джамахирию (ВСНЛАД). Сначала — в Бенгази на авиабазу Бенина, где его «просят» разузнать, куда улетели только что поставленные из Союза новые самолеты, перепродажа которых ливийцами советской стороной не предусматривалась... Потом — в военном колледже в Триполи. Здесь он проводит собственное рискованное расследование странного самоубийства своего близкого друга-виинковца Ильи Новоселова (Андрей Фролов, 1979) и вновь сталкивается со своим врагом, Кукаринцевым, который

Без плакатной ностальгии по «маразму» и без скандального запоздалого истерического прозрения по поводу того же самого «маразма». Не агитка и не политический хоррор, скорее, работа в редком стиле постсоциалистического реализма. При этом удивительным образом оказавшаяся, как цель на экране ВΙΚО, в перекрестии трех заметных направлений («по направлению, дальности и высоте») творческого поиска в современном отечественном и мировом кино:!) исследовании ранее неизвестных, закрытых или неудобных тем («К-19» Кэтрин Бигелоу, «Штрафбат» Н.Достая, «Груз 200» А.Балабанова); 2) реакции на все обостряющееся противостояние по линии «христианский Запад — мусульманский Восток» (все, так или иначе связанное с «Аль-Каидой» и прочими проявлениями «мусульманского» терроризма и борьбой с ним, ближне- и средневосточными войнами и конфликтами в голливудском и отечественном кинематографе; на подходе «Тело лжи» про «Аль-Каиду» сэра Ридли Скотта и «Скрытая опасность» про Ирак уже упомянутой К.Бигелоу); 3) утверждении права личности на достойный человеческий поступок, права на собственное решение и действие по убеждению и совести в любой, самой сложной и официально-неоднозначной «политической» ситуации, в общем, право каждого из нас иметь свою собственную, а не спущенную свыше «обиду за Державу», что в кинематографе — как в искусстве — равнозначно праву быть героем. В голливудском кино таких положительных и деятельных героев-одиночек масса, у нас поиск героя, прямо как у Маршака в детском стишке про пожарных и милицию, до недавнего времени результатов практически не имел...

Фильм «Русский перевод» — не читка романа А.Константинова. Это попытка его прочтения, в котором дыхание почвы и судьбы не ошутит только очень хорошо подготовленный зритель.

Однако, вот ведь вопрос: если такое теперь можно писать и снимать, значит ли это, что это можно показывать по телевидению?

Вернувшись домой, окончив ЛГУ и отслужив срочную офицером-«двухгодичником» в Краснодарском летном училище, Обнорский вновь по линии «Десятки» едет в заграникомандировку, на этот раз — в Ливийскую Джамахирию (ВСНЛАД). Сначала — в Бенгази на авиабазу Бенина, где его «просят» разузнать, куда улетели только что поставленные из Союза новые самолеты, перепродажа которых ливийцами советской стороной не предусматривалась... Потом — в военном колледже в Триполи. Здесь он проводит собственное рискованное расследование странного самоубийства своего близкого друга-виинковца Ильи Новоселова (Андрей Фролов, 1979) и вновь сталкивается со своим врагом, Кукаринцевым, который в Триполи представляет ГИУ, но уже после пластической операции и под другой фамилией — Демин.

тех и других с функционерами Аппарата Главного военного советника (ГВС). А потом он, помимо своей воли, оказывается втянутым в опасную интригу с поставкой советского оружия палестинцам, в странные игры отечественных спецслужб — и в довершение студенческой практики! — становится участником кровавого государственного переворота, который организовал против своих однопартийцев-оппозиционеров генсек ЙСП и президент НДРЙ Али Насер Мухаммед (к слову, реальные события второй половины января 1986 в НДРЙ привели к гибели порядка 10 тыс. человек).

Обнорский лишь чудом остается в живых, когда, воспользовавшись об-

в Триполи представляет ГИУ, но уже после пластической операции и под другой фамилией — Демин.

По сюжету, детектив как детектив, в стиле военно-приключенческого, даже военно-экзотического — ближневосточного — экшн. Но снят спокойно, буднично-реалистично, не о том, что было, а о том — как и почему вполне могло бы быть. Потому многие в Рунете и признаются, что смотрели фильм на DVD на одном дыхании. Картинка на мониторе, даже сделанная с оглядкой на правила «мыльно-военного жанра», не раздражает, не режет глаз, не вызывает протеста. Да, именно вот так, конечно, не было, но БЫЛО ТАК — по сути, по художественной кинематографической правде.

Андрей Грешнов

Лейтенант. Июнь 1979-август 1980 — военный переводчик группы Советских военных советников в ДРА (4-я танковая бригада ВС ДРА) г. Кабул, Джелалабад. 1983-1987, 1989 — корреспондент ТАСС в ДРА.

Сайт «история Афганских войн»

<http://www.artofwar.net.ru>

ИНСТИТУТ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ НА АФГАНСКОЙ ВОЙНЕ 1979-1992 гг.

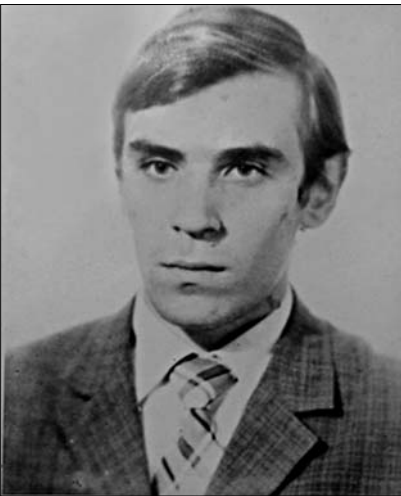
(Часть II)

(Продолжение, начало в № 2(3) 2007 г.)

(Во время работы над этим номером выяснились некоторые детали гибели студента ИСАА Игоря Адамова. Были определены имена погибших вместе с ним советника командира батальона майора В.Р. Колесникова и радиста С.А.Рачанова).

РАЗНЫЕ ГРАНИ ОДНОЙ СУДЬБЫ

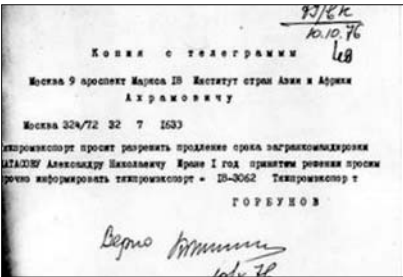
Матасов Александр Николаевич, русский. Родился в г. Москве 15 мая 1954 года в рабочей семье. Член ВЛКСМ с 1969 года, комсомольский билет № 31012518.

Все, чего успел добиться в жизни Александр, он добивался сам. В 1971 году окончил спецшколу № 17. За годы учебы в школе помимо профильных предметов самостоятельно выучил английский язык. Сразу после школы, благодаря своим лингвистическим способностям, поступил в Институт восточных языков и закончил с отличием Институт стран Азии и Африки при МГУ в 1978 году со

званием «лучший специалист-лингвист». За годы учебы в институте, кроме персидского, он в совершенстве изучил и второй восточный язык — иврит.

Александр являлся старостой языковой группы на 1 и 2 курсах, отличником Ленинского зачета, был активным участником Научного студенческого общества ИСАА при МГУ. Победив в конкурсе переводчиков, как лучший специалист, в сентябре 1974 года был направлен на работу на международную ярмарку в Тегеран. Талантливый лингвиста в Иране заметили сразу и В/О «Тяжпромэкспорт» сделало все, чтобы заполучить его к себе. Саша на время прервал учебу в институте и стал работать на советскую внешнеэкономическую организацию в Иране. 10.10.1976 года. В/О «Тяжпромэкспорт» повторно запросило институт о продлении срока работы Матасова на Исфаганском металлургическом комбинате еще на год. Ректор был не против.

Заработанные за время работы в Иране средства Александр потратил на книги по лингвистике и иранской филологии, лексикологии. Он собрал потрясающую библиотеку по этому направлению востоковедческой науки.

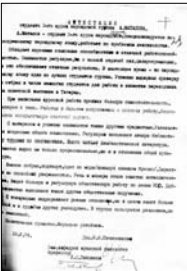
Уже на третьем курсе Александр стал лучшим в институте студентом-иранистом. Его знанию персидского языка и диалектов иногда завидовали некоторые преподаватели.

Вне рубрик

ВЫПИСКА ИЗ АТТЕСТАЦИИ СТУДЕНТА 3-ГО КУРСА ПЕРСИДСКОЙ ГРУППЫ А.МАТАСОВА

...обладает отличной работоспособностью, занимается регулярно, с полной отдачей сил, целеустремленно, и это обеспечивает отличные результаты. В настоящее время по персидскому языку — он один из лучших студентов группы. ... При написании курсовой работы проявил большую самостоятельность, интерес к теме. Работал с большим энтузиазмом и написал работу, безусловно заслуживающую отличной оценки. С интересом и успешно занимается также другими предметами. Увлекается вопросами общего языкознания. Регулярно пополняет научную библиотеку трудами по лингвистике. Много читает лингвистической литературы. Заметно вырос не только профессионально, но и в отношении общей культуры. Внешне собран, подтянут, одет по моде /пожалуй, слишком броско/. Держится со спокойной уверенностью. Речь и манеры стали заметно интеллигентнее, ...с товарищами поддерживает ровные отношения, но в целом занят больше собой и к судьбам других равнодушен. В группе пользуется уважением, но не симпатией. Политически грамотен, морально устойчив...

Писавшая эту характеристику доцент Овчинникова так и не смогла понять — почему с уважением, но без симпатии. Саша отмечал всех прогульщиков, не делая исключения ни для кого. Он сам всего добивался в жизни своим упорством, бессонными ночами, огромным трудом.

Вне рубрик

Для него прогул занятий был чем-то патологическим. И почему он должен был быть равнодушен к судьбам других? Его сегодня нет с нами, и где сегодня эти другие...

Выпускные экзамены Александр сдал на «отлично». В его дипломной работе по персидскому языку, написанной каллиграфическим почерком «насталик», нет ни одной ошибки. Он на деле бы одним из лучших студентов института.

Для того, чтобы отправить в мирное время молодого ученого на войну и сделать там переводчиком, требовалась еще и характеристика в Городской военной комиссариат. Для чего это было нужно, понять трудно. По традиции ее подписывали ректор института, секретарь парткома ИСАА, председатель профкома ИСАА, секретарь бюро ВЛКСМ.

Мы улетали в Афганистан одним рейсом Тушки SU-531 летом 1979 года., но вернуться домой ему было не суждено.

И на войне Саша держался со «спокойной уверенностью», прописанной ему в его характеристике. Не имея ни малейшей зацепки, «блата», как это тогда называлось, чтобы остаться в Кабуле, он, как и некоторые другие, улетел служить переводчиком в провинцию. В Фарах.

15 мая, в день его рождения, мы собрались у 4-го блока старого кабульского микрорайона, чтобы... проводить его в последний путь. Александр не дожил до своего Дня Рождения несколько дней, и «третий день» — поминки — выпали именно на 15 мая.

13 мая 1980 года автомобиль УАЗ, в котором находились Александр, его советник и командир десантно-штурмового батальона Владимир Сергеевич Гарин, слетела с трассы и перевернулась в кювет. Доподлинно неизвестно, что стало причиной аварии — возможно, это был какой-то опасный предмет на дороге, который они пытались объехать. При последующем обследовании перевернувшейся машины, был констатирован факт, что покрышки на колесах были целы.

Они выехали из дшб, когда уже смеркалось, и должны были засветло успеть к советникам. Но была не судьба.

Когда наши солдаты прибыли на место аварии, они не обнаружили на месте происшествия советника. Несколько дней спустя, в Кабуле распространились слухи, что он, вроде бы, нашелся. Получив травмы, тем не менее, он встал на ноги и пошел искать помощь. В темноте он заблудился. Доподлинно фамилия советника мне не известна. Но с вероятностью в 80 процентов можно утверждать, что это мог быть подполковник Куницын Серафим Тихонович.

Запомнилось, что за рулем находился командир дшб, советник сидел справа от него на переднем сидении, Саша — за спиной водителя.

Во втором подъезде 4-го блока в старом микрорайоне Кабула на третьем этаже в квартире была установлена фотография Саши. Проститься с ним пришли все военные переводчики контракта. Народу было очень много. Кто-то выпивал за упокойный тост внутри квартиры, кто-то просто заходил в комнату или поднимался на лестницу и смотрел на портрет погибшего переводчика.

В этом доме прощались с Сашей.

Посмертно лейтенант Александр Матасов был награжден орденом Красной Звезды.

Я его запомнил таким, каким он был еще студентом — уверенным, с твердым острым взглядом, в клетчатом модном костюме. Пять-шесть дней спустя, меня усадили в Джелалабад, и я на долгие годы забыл тот горький день. Понадобилось всего 27 лет, чтобы его вспомнить.

5 мая 2007 года в Москве на встрече фронтовых журналистов с губернатором Московской области Б.Громовым мне довелось встретиться с непосредственным начальником Саши — Петром Гончаровым, который в то время был старшим переводчиком в военном училище «Харби Пахантун». По его словам, Саша некоторое время работал в Кабуле, потом полетел в Фарах. Незадолго до трагических событий Александр занял некоторую сумму денег у Гончарова и отдал все до копейки непосредственно перед вылетом. Петр даже удивился и сказал: «Сейчас не надо, приедешь — отдашь! К чему спешилка?» Но Александр настоял. Как чувствовал, что отдавать потом будет уже некому.

По словам Петра Гончарова, Саша тщательно скрывал еще с института один физический недостаток, который мог бы сделать его негодным к строевой службе. У Саши одна нога была короче другой на несколько сантиметров. Но, обманув медкомиссию в военкомате, желая служить Родине так же, как и все, Саша все же полетел в Афганистан.

МЫ ПОМНИМ ТЕБЯ САША

Петрунин Александр Анатольевич, русский, родился 10 октября 1953 года в городе Коломна Московской области.

Отец с 1960 года с семьей не проживал.

Мать, Петрунина Анна Афанасьевна — старший помощник конструктора на заводе тяжелых станков г. Коломна.

Закончил коломенскую среднюю школу № 10. В школе вступил в комсомол, комсомольский билет № 27709657. Закончил музыкальную школу по классу аккордеона. Александр был отличным спортсменом и имел разряд по лыжам.

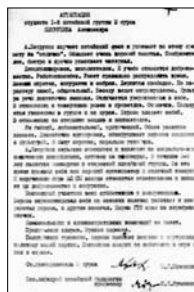
В 1971 году поступил в Институт восточных языков при МГУ им. М.В.Ломоносова и в 1977 году закончил Институт стран Азии и Африки при МГУ. Изучал китайский язык.

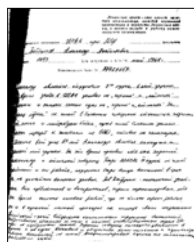
Выписка из Аттестации студента 1-й китайской группы 3 курса Петрунина Александра:

А.Петрунин изучает китайский язык и успевает по этому предмету на «отлично». Обладает очень хорошей памятью. Сообразителен, быстро и прочно усваивает материал. Дисциплинирован, исполнительен. К учебе относится добросовестно. Работоспособен. Умеет правильно распределить время. Внешне опрятен, аккуратен и собран. Держится

свободно. По характеру живой, общительный. Беседу ведет непринужденно. Культура речи достаточно высокая. Отличается уверенностью в себе. В отношениях с товарищами ровен и приветлив. Отзывчив. Пользуется уважением в группе и на курсе. Хорошо владеет собой. В отношениях с товарищами вежлив и внимателен. Ум гибкий, любознательный, критический. Общее развитие хорошее. Достаточно эрудирован, обнаруживает хорошее знакомство с культурой. В быту скромен, морально устойчив. А.Петрунин серьезно относится к занятиям по социально-экономическим дисциплинам, активен на семинарах. В течение 2-х лет является комсоргом и старостой китайской группы. За это время проявил себя как хороший организатор и отзывчивый товарищ. К поручениям бюро ВЛКСМ относится ответственно и выполняет их добросовестно и аккуратно. Постоянный участник всех субботников и воскресников. Хорошо зарекомендовал себя на осенних полевых работах: и сам работал хорошо, и другим помогал. Нормы ГТО сдал на серебряный значок. Комсомольских и административных взысканий не имеет. Практически здоров, зрение хорошее. Политически грамотен, хорошо понимает внешнюю и внутреннюю политику нашей партии, постоянно следит за событиями в мире и у нас в стране.

сом относится к изучению китайского языка и литературы Китая, здесь имеет большие успехи. ... Политзачет — зачет.

В 1975 году Александр находился на 10-месячной стажировке в Сингапуре.

После окончания института Александр овладел и персидским языком.

В Афганистан старший лейтенант 8-го отдела управления «С» Первого главного управления КГБ СССР Александр Петрунин прибыл в составе отряда «Каскад-1». Принимал участие в спецопе-

ИСАА на Афганской войне 1979–1992 г.г.

перациях по обезвреживанию контрреволюционных отрядов Ахмадшаха Масуда, терроризировавших мирное население провинций Кабул и Парван.

21 октября 1980 года Александр погиб в неравном бою с душманами в составе сводного отряда «Каскад-Кобальт» близ населенного пункта Шиваки недалеко от афганской столицы.

Обстоятельства гибели офицеров «Каскад-1» под Шиваки стали предметом разбирательства высших комиссий КГБ СССР и МВД СССР. Но и до сих пор рассказать точно, что произошло под Шиваки, не представляется возможным.

В 1983 году в Кабуле мне довелось ознакомиться с «усредненной» версией тех трагических событий. Навечно в память врезалось лишь одно: у офицеров «Каскада», прикрывавших отход группы, попавшей в засаду, не хватило патронов, чтобы продержаться всю ночь до утра. Патроны остались лишь у офицеров «Кобальта». Когда их нашли следующим утром среди горы тел убитых душманов, ни у одного из офицеров группы «Каскад» — капитана Александра Петровича Гриболева, майора Владимира Петровича Кузьмина, капитана Юрия Александровича Чечкова, капитана Александра Антоновича Пунтуса, старшего лейтенанта Александра Анатольевича Петрунина — не нашли ни одного патрона, кругом валялись лишь стреляные гильзы.

Не хочу, и не буду заниматься трактовкой событий тех далеких дней. Каждое лишнее, невзвешенное слово неочевидца, может бросить тень на кого-то из оставшихся в живых. Предложу лишь прочитать версии ночного боя, изложенные в воспоминаниях разных людей. Сохраняю их без изменений, с бросающимися в глаза ошибками, неточностями и непонятными определениями. Но именно они — эти версии — единственное, что осталось в память этим героическим, самоотверженным людям, в память Саше Петрунину.

Вот они:

Из книги А.А. ЛЯХОВСКОГО «Трагедия и доблесть Афгана» рассказывает И.Батин.

По полученным агентурным данным, которые вроде бы нашли свое подтверждение воздушной разведкой, в одной из провинций в районе местечка Шиваки была отмечена концентрация бандформирования под командованием Ахмадшаха Масуда. В целях ее ликвидации руководством было принято решение о проведении совместной афгано-советской войсковой операции при участии спецподразделений «Каскада» КГБ СССР и «Кобальта» МВД СССР. По-

следний к тому времени уже вошел в состав «Каскада» и находился под общим командованием генерал-майора А. Лазаренко.

Однако, когда группировка войск прибыла на место, было выяснено, что душманов в настоящее время в районе нет. Они или скрылись в горах или вообще сменили район дислокации. Проведенные мероприятия по прочесыванию местности и поиску возможно оставленных душманами схронов результатов не дали. Командованием группировки было принято решение о возвращении подразделений к местам их постоянной дислокации.

Подразделения двигались по дороге колонной в боевом порядке с соблюдением всех мер предосторожности. Уже начинало темнеть, жара спала и все ошущали чувство какой-то расслабленности. При входе в одно из последних ущелий перед выходом на равнину арьергард отряда в составе примерно 10 человек, в основном из состава спецподразделений «Каскад» и «Кобальт», остановился для обеспечения безопасности тыла колонны. Вся задержка составила не более десяти минут, но этого времени, как оказалось позднее, вполне хватило. В составе этой группы находился и А. Петрунин.

Основная часть колонны уже миновала ущелье, когда в него вошел арьергард. И тут началось. Ураганный огонь обрушился на бойцов со всех сторон. Били пулеметы и автоматы, раздавались разрывы гранат и хлопки мин. Горное эхо усиливало канонаду. Казалось, что стреляли сами горы. Нападение душманов было настолько неожиданным и наглым, что в первую минуту наши ребята просто растерялись. Кто-то был убит или ранен прямо на дороге, а оставшиеся в живых, поняв, что промедление смерти подобно, постарались укрыться за скалами в расщелинах или за камнями и открыли ответный, поначалу беспорядочный, но с каждой секундой все более целенаправленный и осмысленный огонь. Били по вспышкам выстрелов, которые уже стали хорошо заметны в наступающей темноте, по мелькавшим за скалами и камнями теньям душманов. И надеялись — вот-вот подойдет подмога, ведь наши только что прошли ущелье и не могли не слышать звуки выстрелов. Но помощь не шла.

Как выяснилось уже потом, душманы пропустили основную часть колонны и взрывом завалили вход в ущелье.

Ведя снайперский огонь и огонь из гранатометов, они не давали войскам возможности деблокировать вход в ущелье и придти на помощь попавшим в засаду ребятам. Сгустились сумерки, и бой

Вне рубрик

продолжался уже в кромешной темноте. Трассирующие очереди пулеметов и автоматов сплетались в какой-то невысказанный по своей красоте хоровод. По-прежнему гремели разрывы снарядов и гранат, раздавались хлопки мин. Но деблокировать ущелье не удавалось, наши войска несли ощутимые потери.

Остатки арьергарда, окончательно поняв, что до рассвета помощи им не дожидаться, продолжали отчаянно сопротивляться, но теперь уже совершенно осмысленно. На выстрелы душманов стремились отвечать только по точно выявленным целям и били, экономя патроны, теперь уже не очередями, а одиночными выстрелами. Создал под постоянным огнем некое подобие круговой обороны, ведя постоянный и прицельный огонь, они старались не подпустить к себе, к своим раненым и убитым товарищам, рвущихся вперед душманов.

Всю ночь продолжался в ущелье бой, раздавались раскатистые звуки выстрелов и разрывов гранат. А те, кто прошел ущелье и спустился уже на равнину, вслушиваясь в эти звуки, только скрипели зубами от бессилия и ярости — надо было дожидаться рассвета и тогда обрушиться на душманов всей своей силой и огневой мощью, чтобы хотя бы отомстить за своих товарищей.

Наутро, после мощной огневой поддержки и бомбардировки с воздуха, основными силами удалось ворваться в ущелье и отбросить душманов в горы. Но как-то было их удивление, когда они услышали звуки автоматных очередей с того места, где принял свой неравный бой арьергард отряда. Это боец «Кобальта» М. Исаков уже в одиночку продолжал вести бой, мстя за своих товарищей. Еще в самом начале нападения из засады душманов ему удалось спрятаться в одной из расщелин в скалах, подтянуть к себе ногой несколько цинковых ящиков с патронами. Он вел огонь по душманам, даже оставшись практически один, всю ночь, не боясь, что вспышки огня его автомата могут засечь снайперы бандитов. Он не дал им возможности забрать тела своих убитых и раненых товарищей — спецназовцев, подобрать трупы убитых душманов. За мужество и героизм, проявленный в этом неравном бою, М. Исаков был удостоен звания Героя Советского Союза.

На месте последнего боя 10-ти бойцов отряда, вступивших в неравную схватку с душманами, были подобраны тела раненых и найдены останки погибших, некоторые из которых были страшно изуродованы озверевшими бандитами, которые понесли в этом бою значительные потери. Тело Александра Петрунина, найденное

здесь же, было исколото штыками, избито прикладами автоматов. Но он так и не выпустил из рук, даже уже мертвый, свой автомат Калашникова, в стволе и магазине которого не осталось ни одного патрона. Вокруг валялись гильзы и пустые автоматные рожки. Боец спецназа А. Петрунин дрался до конца, помня заветы своих командиров и клятву, которую он дал — защищать Родину до самой смерти. За свой подвиг, проявленное мужество и героизм старший лейтенант А. Петрунин был посмертно награжден орденом Красной Звезды.

«Щит и меч» 18.10.2001.
Вызываем огонь на себя
Михаил ИСАКОВ. Герой Советского Союза:

— В Кабул прилетел 4 сентября 1980 года. Это был первый набор сотрудников органов внутренних дел в разведывательный отряд «Кобальт». Приоритет отдавался оперативникам, прошедшим школу уголовного розыска, снайперам из числа военнослужащих внутренних

войск. Перезнакомились еще во время сборов в Узбекистане. Кроме прибалтов, встретил сослуживцев из Белоруссии, Архангельска и других городов. Именно в этот набор попали, к примеру, такой ас уголовного розыска, как возглавивший впоследствии «Кобальт» сотрудник Главного управления уголовного розыска МВД СССР Дзюв, будущий начальник УВД Омской области Кучумов.

Девятый отряд, в котором я оказался, дислоцировался на краю аэродрома в Кабуле. Ему предстояло обслуживать территорию вокруг столицы Афганистана.

Через несколько дней после прилета в Кабул включился в работу. Она оказалась в чем-то похожей на привычную оперативно-розыскную. Однако здесь было много дополнительных трудностей: чужая страна, незнакомый язык, обычаи, новые климатические условия, горы. А тут еще психологический барьер. После ввода нашего ограниченного воинского контингента советские люди из желанных помощников и союзников на-

родной власти превратились в глазах многих афганцев в оккупантов.

В один из дней мы получили информацию о том, что от пакистанской границы движется очередной караван с оружием для душманов. Вычислили примерный маршрут. Решено было перехватить караван с нескольких сторон. Отправились на задание с двумя мотострелковыми ротами. На бэтэрах доехали до нужного места. Незадолго до рассвета перешли большую горную реку и стали подниматься на плато. Пять-шесть ступеней вверх — площадка. Поворот. И опять подъем... До гребня добрались, когда уже совсем рассвело. Солнце, все еще непривычно жаркое для октября, только всходило, а пот уже заливал глаза.

К первому на пути кишлаку двинулись с опаской, приглядываясь к каждому встречному. Ничего подозрительного. Тихое раннее утро. Уже ставшие привычными глазу глиняные дувалы. За ними — ряды гранатовых деревьев. Урожай собран. Только кое-где на ветке среди не успевших опасть листьев или в пожухлой траве мелькнет вдруг растрескавшийся от спелости бордово-лиловый плод...

Кишлак позади. Прошли без единого выстрела. Вдохнули свободно. В темпе двинулись дальше. Неожиданно засвистели пули. Залегли, огляделись, стараясь определить, откуда стреляют. Из-за ближнего валуна, дав очередь из пулемета, высочил и скрылся бандит...

И снова змеилась меж камней безлюдная дорога. Немилосердно пекло солнце.

Было уже за полдень, когда опять резанул пулемет. Нет, два! С разных сторон. Вскоре огневые точки были подавлены. Показался второй кишлак. По рации приходит сообщение: караван перехвачен, можно возвращаться! Обратно шли быстрым шагом.

Хоть и устали изрядно, никто не думал об отдыхе: скорее вниз — к бронетранспортерам, с которыми остался резерв.

В горах темнеет рано, беспокоил и нарушенный командирами рот неписаный закон: во время войны никогда не спускаться той дорогой, которой поднимался. Даже если приходится выбирать более длинный путь! Однако решение было принято без участия кобальтовцев, а оторваться от подразделения мы не могли.

Вместе со снайпером Володей из Орла и москвичом, худым и длинным старшим лейтенантом с приветливым русским лицом, который прекрасно изъяснялся на фарси (состав группы от задания к заданию менялся, и друг друга даже по фамилии мы не всегда знали), первыми начали спуск. За нами следом — работник мили-

ции из Гродно Юртов и сотрудники КГБ: Пунтус и Чичиков (из Бреста), Кузьмин (из Москвы). Спускаться легче, чем подниматься, даже несмотря на усталость от бессонной ночи и длинного марш-броска под солнцем. Скоро нас обогнали москвич Сергей Патрушев, таллинец Лембит Пусепп и Виталий Андрейко из Магаданской области. Они помоложе и легче на ногу. Затем обогнали и солдаты. Двигались быстро, не дошли до середины тропы, как разделись выстрелы...

Ни в тот момент, ни после я не мог понять, как очутился на небольшой площадке, пролетев в прыжке метров шесть! Помогло, видимо, то, что был не в тяжелых горных ботинках, которые снял в БТРе, а в кедах.

Площадка находилась на соседней скале с неглубокой расщелиной. В ней-то и укрылся, прижавшись спиной к каменной стене. Таким образом, когда начали опять стрелять, я оказался как бы в мертвом пространстве. Почувствовал легкую боль от впившихся в рукав бушлата осколков: пули ударились о булыжник, раскололи его, и каменные брызги ранили руку.

Обстрел продолжался. Били сверху, с гребня у начала тропы. Пули свистели, ударяясь о скалу на уровне головы. Спасло мертвое пространство. Высунув на мгновение голову из расщелины, я увидел душманов. А ниже площадки, по всему серпантину тропы, бегом спускались солдаты, приостанавливаясь, чтобы дать очередь, и снова спешили вниз...

На той же площадке оказались в какой-то момент снайпер Володя и старший лейтенант из Москвы. Они стреляли вверх, по гребню...

Я вынул гранату, примерился: удасть ли перекинуть через гребень? На полгоне, в армии, когда служил десанником, бросал далеко. Поднял руку, но бронежилет не дал размахнуться как следует. Граната упала, не долетев до гребня. В ответ — пулеметная очередь.

Вдруг старший лейтенант упал и покотился вниз. Снайперская пуля сразила и Володю.

И тут я увидел, что прямо в меня летит граната — самодельная, с чадающим фитилем. Инстинктивно вжался в скалу, ожидая взрыва. Спас огромный булыжник, что лежал у края площадки. Ударившись о него, граната отскочила в сторону и разорвалась где-то внизу.

Вверх, где закрепились Юртов, Петрунин, Чичиков, Пунтус и Кузьмин, тоже звучали выстрелы, слышались голоса. Внизу оба раненых товарища уже не откликались...

Выстрелы и вызванный ими камнепад чередовались почти непрерывно.

ИСАА на Афганской войне 1979–1992 г.г.

Душманы рвались вниз, спеша приблизиться к спускавшимся солдатам и расстрелять их на крутом горном склоне. Но на пути у них стояли кобальтовцы, мешая пройти.

Между тем легкие сумерки уже начали окутывать гору. Однако было еще достаточно светло, когда послышался характерный гул вертолета. И вот он, Ми-6, в каких-нибудь тридцати метрах от меня. Из укрытия высочил на площадку, замахал пилоту рукой, показывая на гребень у начала тропы, но пилот не увидел там никого. Вертолет покругил немного и исчез в быстро темневшем небе...

Выстрелы возобновились, и тут заклинило мой автомат. «Все!» — пронеслось в усталом мозгу. И тут же: «Спокойно, — приказал себе, — не психовать!» Выхватил пистолет. Выпалил всю обойму туда — в гребень. Затем лихорадочно начал разбирать автомат. Так оно и есть — нагар! Достал масленку. Смазал. Собрал. Со страхом и надеждой нажал на гашетку. Длинная очередь прорезала воздух. В ответ с гребня лавиной хлынули камни... Вдруг я увидел совсем близко душманов — чуть выше и ниже площадки. Дал короткую очередь, а потом, экономя патроны, стал бить редкими одиночными выстрелами...

Холодны октябрьские ночи в горах Гиндукуша. Я по-прежнему прижимался спиной к спасительной скале и даже сквозь бушлат там, где тело не было защищено бронежилетом, ощущал живительное тепло нагретого за день щедрым афганским солнцем камня. Все дольше становились промежутки тишины, и тогда вместо облегчения приходил страх. В кромешной тьме едва ли можно было спуститься по горному серпантину вниз с помощью веревки даже тому, кто родился и вырос в горах. Подкашивались ноги. Наплывала предательская дремота. Встряхнулся. Нашупал возле себя в россыпи камней тот, что был поострее, подсунул под бронежилет, упер в поясницу... Только не заснуть...

Тьма наконец начала сереть. Осторожно шагнул к краю площадки, нашупал первую ступень, что вела вниз, прислушался. Неправдоподобная стояла кругом тишина. Внизу среди тел убитых душманов лежали старей москвич и Володя. Надеюсь на чудо, склонился к лицам друзей: вдруг дышат? Но чуда не произошло. И тогда я стал упрямо взбираться наверх к тем, кто, как и я, долго отстреливался, мешая душманам догнать и расстрелять в упор спускавшихся с горы восемнадцатилетних пацанов.

Добрался. Все кобальтовцы были мертвы...

Не помню, как спускался с горы, добрал до горной речки. Перейти ее сил не хватило, но уже бежали с того берега солдаты, подхватили, перенесли на другую сторону.

Потом, много времени спустя, думал: как же все-таки случилось, что душманы упустили меня, когда спускался с горы? Ведь они не ушли с гребня. Едва армейская разведка после моего возвращения отправилась за телами погибших, вновь завязался бой... А потом вступила в действие знаменитая установка «Град», и бандитам пришел конец.

На базе, где было получено известие о том, что почти все кобальтовцы, участвовавшие в марш-броске, погибли, меня, Андрейко, Патрушева и Пусеппа встретили, как выходцев с того света. Да так оно, в сущности, и было. Радость видеть живыми хотя бы четверых из десяти коллег, где люди стали одной семьей, смешивалась с горечью потери.

Больше двух недель отлеживался, очень ныли ушибленные ноги. А потом продолжилась уже ставшая привычной работа: дежурства, сбор разведывательных данных, марш-броски и зачистка местности, когда вновь приходилось подниматься и спускаться по крутым горным склонам.

Тщательно и долго расследовали обстоятельства этого боя на склоне горы люди из Москвы. Была создана даже правительственная комиссия. Приезжал и тогдашний куратор — заместитель министра внутренних дел СССР генерал Елисов. Вызывали в посольство и снова долго расспрашивали меня об обстоятельствах боя. 4 декабря 1980 года подписан указ президиума Верховного Совета СССР о награждении меня, капитана милиции, орденом Ленина и Золотой Звездой Героя Советского Союза.

Как водилось в те времена, указ был закрытым. Он не прозвучал ни по радио, ни с телеэкранов, не попал и на первые полосы газет. А сам я узнал о нем только в конце декабря...

Посмертно Александр Петрунин был награжден орденом боевого Красного Знамени.

МЫ ПОМНИМ ТЕБЯ САША

Вне рубрик

Фатьянов Сергей Гаврилович, русский, родился 20 февраля 1953 года в городе Курск, кандидат в члены КПСС с 1972 года, кандидатская карточка № 11124770.

Отец — Фатьянов Гаврил Федорович, пенсионер. До пенсии был председателем совхоза.

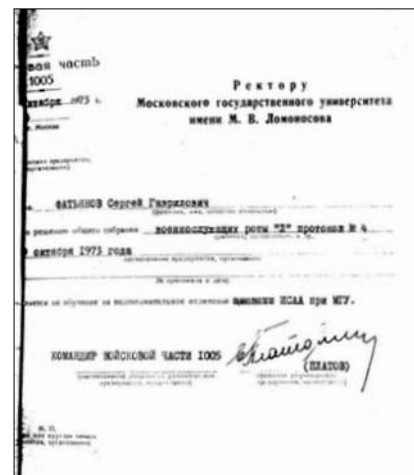
Мать — Фатьянова Наталья Викторовна, пенсионерка. До пенсии — техник-лесовод.

Имел двух сестер и брата, которые работали на заводах города Курска.

В 1970 году окончил среднюю школу № 15 и пошел работать на производство. Получил профессию электросварщика. Трудился на Курском холодильнике, на заводе «Счетмаш».

Проходил службу в рядах Вооруженных сил — старшина роты «Л» (крем-

левская рота) (в/ч 1005). Военный билет № НМ 8744795

В октябре 1973 года по рекомендации Парткома в/ч 1164 поступил на подготовительное отделение (рабфак) ИСАА при МГУ.

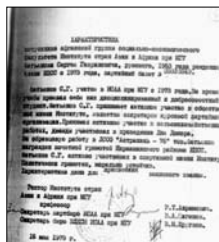
Через год, показав значительные успехи в учебе, Сергей поступил на дневное отделение института, на социально-экономический факультет. Изучал языки дари и пушту. Надо отметить, что учились на «соцэке» только люди с аналитическим складом ума, усидчивые и терпеливые.

В 1973 году Сергей вступил в КПСС (партибилет № 09335949). Учился добросовестно, в совершенстве овладел двумя государственными языками Афганистана.

Выписка из характеристики выпускника афганской группы социально-экономического факультета ИСАА при МГУ Фатьянова С.Г., русского, члена КПСС с 1973 года:

.....Фатьянов С.Г. учился в ИСАА при МГУ с 1973 года. За время учебы проявил себя как дисциплинированный и добросовестный студент. Принимает активное участие в общественной жизни Института, является секретарем курсовой партийной организации. Принимал активное участие в сельскохозяйственных работах, дважды участвовал в проведении Дня Донора. За образцовую работу в ЛССО «Астрахань-76» тов. Фатьянов награжден почетной грамотой Икрянинского райкома КПСС. Фатьянов С.Г. активно участвовал в спортивной жизни Института. Политически грамотен, морально устойчив.

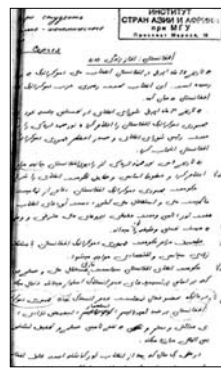
Характеристика дана для присвоения воинского звания...

Мы неоднократно встречались с Сергеем в институте. Однако, когда он прибыл в Кабул, я его узнал с трудом — так он возмужал и изменился. Был четверг.

Мы собирались на общее партийное собрание в посольстве. Придя пораньше, стояли и курили с Сергеем Алаевым у мраморных колонн, у самого входа. Из жилого сектора посольства, наискосок от неработающего фонтана, к нам направлялся молодой человек — вшитом с иголочки костюме, белой рубашке и безупречном галстуке. Никогда бы не узнал Сережу в таком наряде. Алаев даже представил нас друг другу. Потом были охи и ахи от неожиданности встречи. Посто-

яли, поговорили, вспомнили добрым словом наших преподавателей персидского, дари и пушту языков. Пушту всем нам давался с большим трудом и по этому предмету мы успевали, мягко говоря, не ахти. Но жизнь устроена именно так: кто хуже понимает что-то, тому это и додается. И нам приходилось общаться на этом языке с афганцами.

Были еще встречи, разговоры, но мимолетные, не запомнившиеся так ярко, как первая.

Запомнилось очень хорошо совсем другое. Днем 17 января 1984 года в нашем рабочем кабинете в Отделении ТАСС

в Кабуле Сергей Алаев сообщил мне, что Фатьянов погиб. Я не хотел и не мог этому поверить. Еще недавно мы с ним разговаривали.

Запомнилось, что они вдвоем (фамилию второго сотрудника не помню) возвращались с задания и погибли в кабульском пригороде, торговой зоне афганской столицы. Они перестали выходить на связь по рации. Несколько часов спустя (прошло уже солидно времени) начались их поиски. Их нашли застреленными, в автомобиле. Так погиб атташе посольства СССР в ДРА, старший лейтенант ПГУ КГБ СССР Сережа Фатьянов.

Пройдя такой нелегкий путь — от простого сварщика до классного специалиста по Среднему Востоку, дипломата и офицера, Сергей погиб от руки бандита, выполняя задание, защищая Родину. Очень жаль. Слишком много настоящих, искренних и верных долгу людей ушло от нас в Афганистане. Слишком много осталось ненастоящего, фальши, откровенной лжи. Но так устроен мир. Господь забирает лучших. И это неоспоримый факт.

МЫ ПОМНИМ ТЕБЯ СЕРЕЖА

Продолжение следует...